И. ФЕЙНБЕРГ

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ РАБОТЫ ПУШКИНА

И. ФЕЙНБЕРГ НЕЗАВЕРШЕННЫЕ РАБОТЫ ПУШКИНА

И. ФЕЙНБЕРГ

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ РАБОТЫ ПУШКИНА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1955

Ф—36

ВВЕДЕНИЕ

О НОВОЙ ЧАСТИ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА ПУШКИНА

Советская литературная наука много сделала для того, чтобы освободить создания Пушкина от искажений, вызванных царской цензурой. Иначе, нежели дворянско-буржуазная Россия, хранит наша страна рукописное наследие великого поэта. По решению советского правительства рукописи Пушкина собраны воедино и прочитаны советскими исследователями заново; все сохранившиеся рукописи поэта опубликованы ныне в Большом академическом издании его сочинений.

Вышли в свет капитальные исследования В. Виноградова о языке и стиле Пушкина и труд Д. Благого, посвященный творческому пути великого поэта и подытоживающий многолетние работы исследователя; новые методы изучения и публикации рукописей Пушкина разработаны в текстологических трудах С. Бонди, много сделано в этой важной области Б. Томашевским, а также другими представителями советской школы текстологов. Вышел в свет первый том фундаментальной «Летописи жизни и творчества Пушкина», подготовленный покойным М. Цявловским. Готовятся к печати новые серьезные работы о Пушкине.

Тем не менее мы не можем утверждать, что литературное наследие Пушкина изучено полностью, потому прежде всего, что пробелы в литературном наследстве поэта не сводились и не сводятся к отдельным строкам

или даже страницам, изъятым когда-то царской цензурой из его произведений.

Некоторые исследователи дореволюционной школы с усердием изучали даже лишенные творческого или сколько-нибудь существенного биографического значения строки Пушкина, будь это всего только найденный отрывок из его расходной тетради или какая-нибудь записка в несколько слов. И это способствовало тому, что у большинства читателей создалось представление, будто все важное, существенное в литературном наследстве великого поэта давно обнаружено и изучено. А между тем в собрании сочинений Пушкина долго недоставало и частью недостает до сих пор важных произведений.

Маяковский сравнил подобного рода пушкинистов со «старомозгим» Плюшкиным, о котором у Гоголя сказано: «с каждым годом уходили из вида, более и более, главные части хозяйства, и мелкий взгляд его обращался к бумажкам и перышкам, которые он собирал в своей комнате». Исследователи-крохоборы, о которых говорил поэт нашего времени, упускали из виду вопросы действительно важные и еще не решенные, в том числе вопрос о не дошедших до нас частях литературного наследства Пушкина. Чрезмерное внимание ко всякого рода, лишь косвенно относящимся к Пушкину, материалам способствовало укреплению старого неверного мнения о том, будто теперь, век спустя после смерти Пушкина, нельзя даже мечтать об ознакомлении читателя с неизвестными страницами, вышедшими из-под пера великого поэта. Это мнение консервативно мыслящих исследователей (которым необычное всегда кажется невероятным) опровергнуто новыми страницами Пушкина, опубликованными за последние годы.

В наше время впервые был напечатан огромный незавершенный труд Пушкина, посвященный истории Петра I, появления которого с нетерпением ожидал Белинский. «Говорят, что этих материалов, — писал он об этом незавершенном историческом труде поэта, — стало бы на добрый том, и только одному богу извест-

но, когда русская публика дождется этого тома...»[1] Рукопись незавершенной «Истории Петра» была после смерти поэта запрещена Николаем I, а потом потеряна; она нашлась лишь после революции. Найденная рукопись заняла действительно целый том в собрании сочинений Пушкина, и перед нами — теперь только — открылась возможность изучения работы Пушкина над созданием «Истории Петра».

Важнейшим недостающим слагаемым в составе литературного наследства великого поэта продолжает оставаться до сих пор автобиографический труд Пушкина — его утраченные «Записки». Над созданием их Пушкин работал на протяжении нескольких лет. После 14 декабря 1825 года поэт вынужден был уничтожить свои «Записки», позднее он стремился возобновить и продолжать их. «Но и в уничтожении той части их, которая была уже составлена им в 1825 году, — как верно заметил первый биограф поэта Анненков, — русская литература понесла невознаградимую утрату»[2]. Судьба «Записок» поэта до сих пор не была изучена; выяснение ее, наряду с изучением работы Пушкина над созданием «Истории Петра», входит поэтому в задачу предлагаемой книги.

Не дошла до нас и очень значительная часть писем Пушкина. Между тем известно, что многие письма Пушкин писал как литературные произведения, в предвидении появления в будущем этих писем в печати. Редактор писем поэта Б. Л. Модзалевский утверждал, что до нас дошло меньше половины писем Пушкина[3]. Не сохранились, что особенно существенно, как раз многие важнейшие письма Пушкина, в том числе большинство писем поэта к Чаадаеву; а среди последних, насколько мы можем судить по уцелевшим письмам поэта к Чаадаеву, были письма, представлявшие собой важные

---

[1] В. Г. Белинский. Собрание сочинений в 3 томах, т. III. М., Государственное издательство художественной литературы, 1948, стр. 173.

[2] П. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 309.

[3] Пушкин. Письма. Т. I. Ред. Б. Л. Модзалевского. М.—Л., Государственное издательство, 1926, стр. XXXVI.

с исторической, публицистической и литературной точек зрения произведения эпистолярной прозы Пушкина[1].

Если мы вспомним, что от сожженной Пушкиным X главы «Онегина» до нас дошли лишь немногие, зашифрованные поэтом отрывки, а от другой, также уничтоженной им главы романа, в которой описывалось путешествие Онегина по России, сохранились только отдельные, не вызвавшие возражений царской цензуры строфы, мы убедимся в том, что в собрании сочинений Пушкина не хватает действительно важных произведений.

О сожженной X главе «Онегина» читатели помнят, о других же не дошедших до нас произведениях великого поэта по большей части забывают; отсутствие их признано безвестным и безнадежным; исследователи не пытаются искать их или хотя бы обнаружить следы этих утраченных произведений. Но является ли отсутствие их во всех случаях безнадежным?

Судьба рукописного наследства Пушкина, так же как судьба самого поэта и его творчества, оказалась тесно связанной с революционной борьбой русского народа, которая привела к победе Великой Октябрьской социалистической революции. После революции 1905 года был не только обнаружен, но и смог быть опубликован листок, на котором Пушкин зашифровал ряд отрывков из сожженной им X главы «Онегина». После окончательной победы революции найдена была, как сказано, запрещенная Николаем I обширная рукопись не завершенной Пушкиным «Истории Петра».

Октябрь раскрыл двери княжеских дворцов, в которых много десятилетий спустя после смерти поэта все еще скрывались недоступные читателям произведения Пушкина — его юношеская поэма «Монах» и блестя-

[1] Чаадаев сжег, после того как был объявлен, по приказу Николая I, сумасшедшим, все, кроме одного, письма Пушкина. Возражение Пушкина на известное «Философическое письмо» Чаадаева дошло до нас лишь благодаря тому, что в бумагах поэта сохранился его неотправленный ответ Чаадаеву.

щая, созданная юным Пушкиным в пылу полемики с литературными староверами поэма «Тень Фонвизина».

«Тень Фонвизина» была обнаружена среди бумаг князя Олега Романова, хранившихся в Мраморном дворце. Неизвестной она оставалась в связи с тем, что Пушкин выскоблил — с целью скрыть авторство — свою подпись под этой поэмой [1]. Поэма «Монах» продолжала оставаться недоступной читателям из-за того, что князь Горчаков, в особняке наследников которого обнаружилась рукопись поэмы, утверждал, будто Пушкин сжег ее по его совету; иногда же говорил, что сам сжег эту рукопись, как «недостойную» памяти Пушкина [2]. В библиотеке князей Юсуповых найдена была целая пачка писем Пушкина к дочери Кутузова — Елизавете Хитрово [3]; в одном из них поэт сообщал о начатой им работе над Историей французской революции.

Все это показывает нам, какие пробелы существовали до недавнего времени и существуют еще в рукописном наследстве Пушкина. Вместе с тем сказанное подтверждает, что по крайней мере некоторые из этих пробелов могут быть восполнены даже теперь, век спустя после смерти великого поэта.

В наше время не только найдены рукописи неизвестных или недоступных раньше исследователям и читателям произведений Пушкина. Впервые прочитаны полностью многочисленные черновики поэта, не поддававшиеся ранее прочтению, несмотря на усилия предшествующих исследователей. Благодаря разработанным в наше время новым методам чтения пушкинских черновиков советским исследователям удалось прочитать в них так много нового, что впервые прочитанные и опубликованные черновые тексты Пушкина занимают

[1] См. «Пушкин. Временник». Издание Академии наук СССР, т. I, 1936, стр. 12. Публикация Л. Модзалевского.

[2] Поэма «Монах» была впервые опубликована в «Красном архиве», т. VI (XXXI), 1928 и т. I (XXXII), 1929.

[3] «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово». Труды Пушкинского Дома, выпуск XLVIII. Издание Академии наук СССР, 1927.

теперь в академическом издании сочинений поэта в общей сложности несколько томов [1].

В результате общий объем известного нам рукописного пушкинского текста увеличился примерно на треть. И результат этот явился настолько неожиданным, что он остается до сих пор, как ни удивительно, неосознанным. Между тем уяснить его необходимо для того прежде всего, чтобы представить масштаб новых возможностей, открывающихся перед исследователями при изучении недоступной нам раньше части рукописного наследства Пушкина.

Совсем еще недавно обнаружение даже нескольких неизвестных строк Пушкина рассматривалось историками литературы едва ли не как литературная сенсация. А между тем появление на свет в наши дни сотен страниц неизвестных ранее пушкинских текстов нельзя не признать закономерным. Ибо ставшая впервые доступной нам после победы Октября «История Петра» является не только новой для нас, но и самой обширной из всех известных нам рукописей Пушкина. А черновики, т. е. черновые варианты стихотворных произведений поэта, занимают в рукописях Пушкина обычно значительно больше места, чем окончательный, беловой текст этих произведений. Поэтому теперь, когда все черновики поэта удалось наконец прочесть и опубликовать, они не могли не занять — и заняли действительно — в академическом издании сочинений Пушкина многие сотни страниц. Появление в печати новой части рукописного наследства поэта показывает, что исчерпано было (вопреки утвердившемуся представлению) вовсе не рукописное наследство Пушкина, исчерпаны были только возможности изучения его в досоветских условиях.

Эти открывшиеся перед нами новые возможности необходимо использовать. Напечатать рукописи всех — в том числе и незавершенных — работ Пушкина было, разумеется, необходимо; прочитать и опубликовать

---

[1] Подробнее об этом см. И. Фейнберг, «О новых страницах Пушкина». (К выходу академического издания сочинений поэта.) «Вестник Академии наук СССР», 1950, № 4.

тексты, скрывавшиеся в черновых тетрадях поэта, чтобы сделать их доступными исследованию, являлось серьезной и сложной задачей, и выполнение этой задачи коллективом советских текстологов является важнейшим достижением нашей науки о Пушкине. Но опубликование новых текстов лишь первый этап изучения их: необходимо всесторонне изучить эти тексты для того, чтобы раскрыть их значение. Ибо, несмотря на то, что в состав новооткрытых пушкинских текстов входит, главным образом, незавершенное и черновое, можно надеяться, что изучение новой трети рукописного наследства Пушкина даст ответ на многие нерешенные вопросы, относящиеся к творчеству великого поэта.

Исследование новооткрытых пушкинских текстов приводит к выводу, что значение многих из них является несравненно более важным, чем могло казаться при первом, слишком общем и потому поверхностном ознакомлении с ними. Среди этих почти неизученных ранее текстов содержатся, как постараемся показать, не одни лишь черновые варианты всем известных произведений Пушкина. И не только выписки, конспекты и тому подобные тексты вспомогательного характера.

У Пушкина есть, как известно, произведения, дошедшие до нас в черновом виде или оставшиеся незавершенными, но представляющие тем не менее самостоятельный и притом выдающийся идейный и художественный интерес. Некоторые из таких незавершенных произведений Чернышевский ставил наравне с прославленными, совершенно законченными произведениями великого поэта. Вспомним, что вынужденно незавершенными оставались часто политически запретные произведения Пушкина, и мы убедимся, насколько необходимым является исследование новой части его рукописного наследства с целью выяснить, нет ли в ней еще не изученных текстов, относящихся к такого рода незавершенным произведениям.

Необходимо изучить в первую очередь работу Пушкина над «Историей Петра» и над созданием Автобиографических записок. Исследования приводят к выводу, что у нас нет оснований отказываться от изучения этих незавершенных произведений; обширные замыслы

поэта были уже во многом осуществлены. В первоначальном, сжатом виде такого рода исследования были опубликованы нами в «Вестнике Академии наук СССР», № 5 за 1949 год («Незавершенная книга Пушкина» — «История Петра») и в том же журнале, № 5 за 1953 год (О «Записках» Пушкина). Но необходимо исследовать все, что относится к тексту этих работ великого поэта и что уцелело в составе пушкинского рукописного наследства. И затем, насколько это возможно, определить место, занимаемое ими в творчестве Пушкина. Ибо без достаточного ознакомления с этими замыслами и работами представление наше о границах творчества Пушкина оставалось бы поневоле неполным.

ИСТОРИЯ ПЕТРА I

НЕИЗУЧЕННЫЙ ТРУД

Судьба пушкинской «Истории Петра» необычна. Сначала внимание читателя привлекает история пушкинской рукописи, запрещенной Николаем I, затем потерянной и увидевшей свет только через сто один год после смерти поэта. Но, изучая судьбу «Истории Петра», нельзя не задуматься над вопросом о том, отчего рукопись ее, найденная в 1917 году, оставалась еще два десятилетия неизданной. И почему после того, как «История Петра» была наконец напечатана и в собрание сочинений Пушкина вошел новый том, это небывалое в истории изучения и издания литературного наследия Пушкина событие осталось едва замеченным?

Рукопись «Истории Петра» найдена была случайно в Лопасне, невдалеке от Москвы. Как сообщал внук поэта Г. А. Пушкин, при переезде его в 1917 году в лопасненскую усадьбу жившая там племянница жены поэта Н. И. Гончарова обратила его внимание на исписанные листы, которыми была устлана клетка с канарейкой, висевшая в усадьбе. «Г. А. Пушкин, убедившись, что бумага исписана рукой деда, стал искать, откуда растаскивались эти листы; тогда только и был обнаружен в кладовой затерявшийся и уже раскрытый ящик с бумагами... очевидно было, что часть их уже

уничтожена» [1]. В ящике этом, забытом в Лопасне в 90-х годах прошлого века при вывозе хранившейся там библиотеки, принадлежавшей поэту, обнаружились двадцать две тетради большого формата — в лист. Это и была пропавшая рукопись пушкинской «Истории Петра». Что касается недостающих тетрадей, то часть их нашлась, по счастью, в том же ящике, в виде копий, снятых с подлинной рукописи после смерти поэта. Перед исследователями встала задача установить, что представляет собой найденный труд Пушкина (из которого проникли в прошлом веке в печать лишь отдельные отрывки), и обнародовать его.

«Есть ли у нас хоть какие-нибудь, сколько-нибудь заслуживающие внимание попытки изобразить в стройной исторической картине жизнь и деяния» Петра Великого? — «Доселе еще — нет!» — писал после смерти Пушкина Белинский. — «Правда был у нас один, который мог бы алмазным пером своим, как на меди или мраморе, нетленными чертами передать вечности дела и образ» его, «но преждевременная смерть вырвала волшебное перо из творческих рук и надолго лишила Россию надежды иметь учено-художественную историю» Петра... «Пушкин смертью застигнут в приготовительных работах к ней» [2].

Что же это были за работы и как отражены они в найденном в бумагах поэта обширном подготовительном тексте незавершенной «Истории Петра»? Когда вышел последний том посмертного издания сочинений Пушкина, Н. Полевой, выражая недоумение публики, писал об издателях его:

«Они ни слова не говорят нам о драгоценном для нас предприятии Пушкина, Истории Петра Великого.

---

[1] Сведения о том, как была найдена рукопись «Истории Петра», сообщены были Г. А. Пушкиным в письме к П. С. Попову от 23 октября 1932 года и приведены последним во вступительной заметке к публикации, в состав которой вошли хозяйственные и семейные бумаги А. С. Пушкина, найденные в Лопасне одновременно с рукописями «Истории Петра». См. «Летописи Государственного литературного музея. Пушкин», кн. 1, М., 1936, стр. 83—85.

[2] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Под ред. С. А. Венгерова. Т. VI, СПб, 1903, стр. 120.

Начал ли он ее? Если начал, то далеко ли довел ее? Если не принимался он за окончательное изложение ее, то что приготовил он? Не оставил ли хоть каких-нибудь заметок? Жадно хотим мы все это знать...»[1] Вопросам этим надолго суждено было оставаться без ответа.

Рукопись пушкинской «Истории Петра» была напечатана только в 1938 году, век спустя после смерти поэта, в X томе академического издания сочинений Пушкина. При этом было высказано утверждение, будто найденный пушкинский труд представляет собой не более чем «подготовительные записи-конспекты», сделанные Пушкиным при чтении «Деяний Петра Великого», многотомного свода исторических материалов о Петре, изданного И. И. Голиковым в конце XVIII столетия[2]. Таким образом, исследователи увидели в найденной рукописи Пушкина всего только отражение начального этапа его исторических занятий.

Этот вывод, основанный на работах П. Попова, редактора первого академического издания «Истории Петра», соответствовал тому представлению о ней, которое возникло у исследователей в годы, предшествовавшие опубликованию найденной рукописи. «Смерть Пушкина застала его почти у самого начала задуманной монументальной работы», — писал, например, в свое время Н. Лернер[3], а Л. Модзалевский полагал, что Пушкин только «начал собирать материалы» для не написанной им «Истории Петра»[4].

Оценка, данная труду Пушкина в академическом издании, показалась поэтому правдоподобной. Трудно было, конечно, даже представить себе, что в наши дни может существовать обширный исторический труд Пушкина, остающийся неизученным и неоцененным; изучать заново сотни страниц конспектов, даже вышедших из-под пера Пушкина, сопоставляя их при этом

---

[1] Рецензия на тт. I—XI Сочинений Александра Пушкина. «Русский вестник», 1842, т. V, кн. 1, стр. 40.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. X, 1938, стр. 482.

[3] Н. Лернер. Проза Пушкина. Изд. 2-е, П.—М., 1923, стр. 65.

[4] Пушкин. Письма. Т. III. Ред. Л. Б. Модзалевского. М.—Л., Academia, 1935, стр. 480.

еще с многотомными голиковскими «Деяниями Петра Великого», не было, казалось, необходимости, и вывод П. Попова принят был историками литературы без всякой критики [1]; поэтому в комментариях к вышедшему в 1949 году и рассчитанному на широкий круг читателей Малому академическому изданию сочинений Пушкина мы также читаем: «Сохранившиеся материалы для Истории Петра Великого представляют собою, как это сознавал и сам Пушкин, лишь только предварительные конспекты книги Голикова» [2].

Между тем подобное представление о пушкинской «Истории Петра» является, как постараемся показать, ошибочным. Исходя из предвзятого представления о ней и не оценив ее действительного исторического и литературного значения, исследователи не обратили на «Историю Петра» должного внимания; в связи с этим найденный труд Пушкина остался, в отличие от остальных его работ, почти неизученным. А так как читать крайне неоднородный по составу подготовительный текст незавершенной «Истории Петра» в том виде, как он издан, более чем трудно (ибо разобраться в этом огромном черновом труде без предварительного тщательного изучения его нет возможности), то «История Петра» осталась, по существу, недоступной читателям и после того, как была напечатана.

Современники сознавали значение труда, которым Пушкин был занят в последние годы жизни: они понимали или угадывали замысел поэта. Но с годами поте-

---

[1] Сам П. Попов, после некоторых колебаний, отраженных в его статье «Пушкин как историк» («Вестник Академии наук СССР», 1937, № 2—3), так и не выяснив, чем же является в действительности пушкинская «История Петра», повторил в предисловии к редактированному им новому изданию ее, что она представляет собой «выписки-конспекты», «сделанные Пушкиным при чтении труда И. И. Голикова «Деяния Петра Великого». См А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 6 томах. М., Государственное издательство художественной литературы, т. VI, 1946, кн. 2, стр. 5.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах Издание Академии наук СССР, 1949, т. IX, стр. 512.

ряна была не только рукопись его незавершенной книги, утрачено было и понимание того, чем должна была она стать по замыслу Пушкина.

Свидетельства современников поэта, до сих пор полностью не собранные и не оцененные, говорят о том, какое важное место занимала работа над созданием «Истории Петра» в творчестве Пушкина. Современники вспоминают о том, как глубоко был увлечен Пушкин этой работой, и о том, какой широкий круг исторических источников он успел охватить. Соберем и рассмотрим поэтому прежде всего важнейшие свидетельства современников.

«Труд, за которым его застала смерть, — писал друг Пушкина П. А. Плетнев, — был выше всего, что мы от него получили. Он готовил нам историю Петра Великого. Эта мысль, овладевшая его душою, занимала его преимущественно в последние годы. Чувствуя живо величие предприятия, он желал совершить его достойным образом. Заготовленные им материалы свидетельствуют, в какой полноте хотел он обнять предмет свой. Силы его таланта уже достаточно ручались за успех. Исполнение блистательное было всегда его уделом».

Труд его, говорит Плетнев, требовал, помимо «знания, терпения, проницательности» и «непосредственного соприкосновения к идеям и силам исполинским», «оригинальной, широкой кисти, чтоб ожила в подлинных красках вся эта чудесная эпоха», — в книге Пушкина о Петре, понимал он, открывалась бы не только историческая, но и «художническая правда» [1].

«С месяц тому, — писал вскоре после смерти поэта историк М. А. Коркунов, — Пушкин разговаривал со мной о русской истории... С тех пор как он вознамерился описать царствование и деяния Великого Петра, в нем развернулась сильная любовь к историческим знаниям и исследованиям отечественной истории» [2].

«В последние годы он выдавал очень мало в свет...

[1] Плетнев. Сочинения и переписка. Т. I, 1885, СПб., стр. 338—339.

[2] Письмо к издателю «Московских ведомостей». «Московские ведомости», 1837, № 12, 10 февраля, стр. 79.

Петр Великий занимал все его внимание», — писал о Пушкине историк Погодин (которого поэт хотел привлечь к сотрудничеству для работы в московских архивах над подготовкой «Истории Петра»). «С усердием перечитал он, — свидетельствует Погодин, — все документы, относящиеся к жизни великого нашего преобразователя, все сочинения, о нем писанные» [1].

«Пушкин... умел приобрести... обширные познания в литературе и истории, — вспоминал Н. М. Смирнов, близко общавшийся с поэтом в последние годы его жизни. — Он читал очень много и, одаренный необыкновенною памятью, сохранял все сокровища, собранные им в книгах; особенно хорошо изучил он российскую историю и из оной всю эпоху с начала царствования Петра Великого до наших времен.

Его голова была наполнена характеристическими анекдотами всех знаменитых лиц последнего столетия, и он любил их рассказывать. Государь ему поручил написать Историю Петра Великого. Он этим делом занялся с любовию, но не хотел начать писать прежде, чем соберет все нужные материалы, и для достижения сего читал все, что было напечатано о сем государе, и рылся во всех архивах. ...Зная коротко Пушкина (и мое мнение разделено Жуковским, Вяземским, Плетневым, — подчеркивал Смирнов), я уверен, что он вполне удовлетворил бы строгим ожиданиям публики; ибо под личиною иногда ветрености и всегда светского человека, он имел высокий, проницательный ум, чистый взгляд, необыкновенную сметливость, память, не теряющую из виду малейших обстоятельств в самых дальних предметах, высоко благородную душу, большие познания в истории, словом все качества, нужные для историографа, к которым он присоединял еще свой блистательный талант, как писатель» [2].

«В последнее время работа, состоящая у него на очереди, — писал о Пушкине Вяземский, — была история Петра Великого. Труд многосложный, многообъемлющий, почти всеобъемлющий. Это — целый мир!

---

[1] «Русский архив», 1865, стр. 108.

[2] «Русский архив», 1882, кн. 2, стр. 229—230.

В Пушкине было верное понимание истории, свойство, которым одарены не все историки. Принадлежностями ума его были: ясность, проницательность и трезвость... Он не писал бы картин по мерке и объему рам, заранее изготовленных, как то часто делают новейшие историки для удобного вложения в них событий и лиц, предстоящих изображению»[1].

Свидетельства современников, близко знавших поэта, подчеркивают, что Пушкин обладал не только всеми свойствами и данными, необходимыми для историка Петра, но и «с усердием» изучил «все документы» и «все сочинения, о нем писанные», «читал все, что было напечатано о сем государе, и рылся во всех архивах». Даже будущий цензор «Истории Петра» Никитенко, присутствовавший за неделю до смерти поэта при беседе Пушкина с Плетневым, заметил: «Видно, что он много читал о Петре». Но в том же разговоре Пушкин сказал, что «историю Петра пока нельзя писать, то есть (пояснил он. — *И. Ф.*) ее не позволят печатать»[2].

Предвидение Пушкина оправдалось. Приказав тотчас после смерти поэта опечатать его бумаги, Николай I повелел представить ему «все рукописи, касающиеся до Истории Петра Великого»[3]. Рассмотрев незавершенный труд Пушкина, царь запретил его, заметив: «Сия рукопись издана быть не может»[4]. Вот почему первые, идущие из русских источников сведения о пушкинской «Истории Петра» появились не в русской, а в зарубежной печати.

«С ним точно то, что с Пугачевым, которого память велено было предать забвению», — писал о Пушкине Вяземский А. О. Смирновой, сообщая ей 25 марта 1837 года, что «статья в «Журнале Дебатов» Леве-Веймара» о Пушкине в России «не пропущена, хотя

---

[1] П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. II, СПб., 1879, стр. 373.

[2] А. В. Никитенко. Записки и дневник. Изд. 2-е, т. I, СПб, 1904, стр. 282.

[3] См. письмо В. А. Жуковского Николаю I от 3 апреля 1837 г. «Современник», 1913, № 9, стр. 326.

[4] См. прошение В. А. Жуковского на имя Николая I о дозволении напечатать «Материалы для истории Петра Великого» (1840). «Исторический вестник», 1889, № 3, стр. 692.

она довольна справедлива и писана с доброжелательством, а клеветы, — с грустью добавил Вяземский, — пропускаются» [1]. В статье своей Леве-Веймар, французский литератор, близко общавшийся в Петербурге с поэтом в последнее время его жизни, писал об «Истории Петра», основываясь на своих беседах с Пушкиным. Статья эта появилась в парижском журнале 3 марта 1837 года. В том же году в Германии вышла книга Кенига о русской литературе, в которой также сообщались сведения о работе поэта над подготовкой «Истории Петра». Книга эта, которую часто и вполне справедливо называют книгой Кенига — Мельгунова, была прямо основана на русских и притом достаточно серьезных источниках.

Двадцатого февраля 1837 года Мельгунов писал Шевыреву из-за границы, что он «начал беседовать о Пушкине, а потом и о других русских писателях с одним немецким литератором, Кенигом; из бесед этих выходит книжка», — пояснял он. Князь Вяземский собирался переводить книгу Кенига, «но по цензурным условиям это оказалось делом бесполезным» [2]. Русское издание ее действительно смогло выйти в Петербурге лишь спустя четверть века.

В книге этой, написанной под впечатлением смерти Пушкина, сообщалось: «Император поручил Пушкину (в 1831 г.) написать историю Петра Великого, и потому с этого времени ему производилось жалованье по 6000 рублей в год. Он осмотрел архивы петербургский и московский, собрал всю корреспонденцию Петра Великого, и с жаром, серьезно принялся за дело. Он выработал совершенно новые, особенные взгляды на этого великого человека, проницательным взором историка следил за развитием его характера от вспыльчивости в молодости до снисходительности его в возмужалости. Судя по его симпатии к Петру, казалось, что

---

[1] «Русский архив», 1888, кн. 2-я, стр. 303.

[2] См. А. Кирпичников, «Между славянофилами и западниками. — Н. А. Мельгунов». «Русская старина», 1898, № 11, стр. 321 и 328.

он призван был опровергнуть нерасположенность к нему Карамзина» [1].

Здесь, как видим, осторожно, но прямо говорилось уже не о том только, что Пушкин «осмотрел архивы», но и сообщалось, что «он выработал совершенно новые, особенные взгляды» на Петра Великого. О том же, в чем заключались эти новые взгляды, умалчивалось. Говорилось лишь, что Пушкин призван был опровергнуть «нерасположенность» к Петру Карамзина, и упоминалось, что Пушкин следил за развитием характера Петра.

Леве-Веймар писал в своей статье об отношении Пушкина к личности и характеру Петра конкретнее; это и явилось, надо думать, причиной того, что статья его в русской печати появиться не смогла. В ней говорится:

«История Петра Великого, которую составлял Пушкин по приказанию императора, должна была быть удивительной книгой. Пушкин посетил все архивы Петербурга и Москвы. Он разыскал переписку Петра Великого, включительно до записок полурусских, полунемецких, которые тот писал каждый день генералам, исполнявшим его приказания. Взгляды Пушкина на основание Петербурга были совершенно новы и обнаруживали в нем скорее великого и глубокого историка, нежели поэта. Он не скрывал между тем серьезного смущения, которое он испытывал при мысли, что ему встретятся большие затруднения показать русскому народу Петра Великого, каким он был в первые годы царствования, когда он с яростью приносил все в жертву своей цели. Но как великолепно проследил Пушкин эволюцию этого великого характера и с какой радостью, с каким удовлетворением правдивого историка он показывал нам государя, который когда-то разбивал зубы не желавшим отвечать на его допросах и который смягчился настолько к своей старости, что советовал не оскорблять даже словами мятежников, приходивших просить у него милости».

---

[1] «Очерки русской литературы». Перевод сочинения Кенига «Literärische Bilder aus Russland». СПб., 1862, стр. 110.

Говоря об исторических трудах Пушкина, Леве-Веймар заметил:

«Его беседы на исторические темы доставляли удовольствие слушателям, об истории он говорил прекрасным языком поэта, как будто сам жил в таком же близком общении со всеми этими старыми царями, в каком жил с Петром Великим его предок Аннибал. . .»[1] Этот французский писатель, с которым поэт встречался в последние месяцы своей жизни, подчеркивал, что взгляды Пушкина обнаруживали в нем «великого и глубокого историка». Вместе с тем он указывает, что Пушкин «не скрывал серьезного смущения» по поводу трудностей, с которыми должен был встретиться, выступая в николаевской России как правдивый историк, взявший на себя задачу воссоздать верный исторический образ Петра.

Но, с понятной осторожностью говоря об оригинальных исторических взглядах, выработанных поэтом, современники свидетельствуют о том, как увлекательны были рассказы Пушкина о Петре. «Рассказами своими о Петре Пушкин удивлял Жуковского», — вспоминал Петр Киреевский, который прожил в 1835 году несколько недель в Петербурге и через Жуковского познакомился с Пушкиным. «Он (Киреевский. — *Ред.*) часто видал его у Жуковского и один раз вместе с последним был у Пушкина. Киреевский хорошо помнит большую комнату со шкафами по бокам и с длинным столом по середине, заваленным бумагами»[2]. На столе этом тогда, т. е. в 1835 году, когда поэт, по собственным его словам, был «очень занят Петром» и создавал обширный подготовительный текст своей «Истории», лежали, конечно, относящиеся к этому труду рукописи и бумаги Пушкина.

«Два дня тому назад мы провели очаровательный

---

[1] Перевод статьи Леве-Веймара см. в книге П. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина». Исследования, статьи, материалы. Изд. 3-е, т. I, М.—Л., Государственное издательство, 1928, стр. 413—416.

[2] «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым». Ред. М. Цявловского. Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925, стр. 52.

вечер, — писал 9 января 1837 года А. И. Тургенев. — Пушкин рассказывал нам анекдоты, черты Петра I и Екатерины II...»[1] «Анекдоты» эти Н. М. Смирнов назвал, как мы видели, «характеристическими», — это были устные рассказы Пушкина о Петре.

Итак, Пушкин, по словам современников, не только изучил эпоху Петра и выработал новые исторические взгляды на нее — он своими рассказами о Петре поражал слушателей. Ограничивалось ли, однако, знакомство их с историческим трудом поэта рассказами Пушкина?

На вопрос этот отвечает в своем донесении о смерти Пушкина шведско-норвежский поверенный в делах в Петербурге Густав Нордин, который был лично знаком с поэтом (в дневнике Пушкина есть запись о разговоре на темы исторического характера, который он вел с Нордином в декабре 1834 года)[2].

«Император поручил ему, — сообщал в своем донесении Нордин, — написать историю Петра Великого, и г. Пушкин в последние годы занимался изучением и исследованиями, необходимость коих вытекала из столь огромной задачи; те, кому довелось познакомиться с отрывками, написанными им уже на эту тему, способную действительно вдохновить русского историка, вдвойне оплакивают его преждевременную кончину»[3].

Приведенное свидетельство шведского дипломата, для которого история Петра, победившего Швецию, должна была представлять особенный интерес, говорит нам, как видим, не о рассказах Пушкина, а об отрывках «Истории Петра», уже написанных, с которыми поэт счел возможным ознакомить некоторых слушателей.

Противоречит этому свидетельству, — но, как поста-

---

[1] «Письма Александра Тургенева Булгаковым». М., Государственное социально-экономическое издательство, 1939, стр. 204.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 59.

[3] Перевод донесения Густава Нордина см. в книге П. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина». Изд. 3-е, т. I, М.—Л., Государственное издательство, 1928, стр. 377.

раемся показать, противоречит только на первый взгляд, — запись Д. Е. Келлера о его разговоре с Пушкиным, состоявшемся незадолго до смерти поэта. Разговор касался самых острых вопросов, связанных с работой Пушкина над «Историей Петра». Келлер — «человек образованный» — переводил тогда дневник Патрика Гордона, представляющий собой важный источник для истории петровского времени, и должен был «знакомиться с массою сочинений, относящихся к этой эпохе»[1]. Записанный им разговор с Пушкиным представляет в связи со всем этим большой интерес.

Следует учесть, что содержательная запись Келлера была нам известна не полностью: она напечатана с отточиями, указывающими на какие-то пропуски в ней[2]. Необходимо поэтому установить по возможности полный текст этой записи.

Дневник Келлера находится ныне, как удалось выяснить, в Центральном Государственном военно-историческом архиве, в Москве[3]. Раскрыв подлинник, можно убедиться, что точками в печатном тексте записи Келлера обозначены были места, не поддающиеся прочтению в рукописи дневника. Некоторые строки в нем тщательно зачеркнуты (теми же чернилами, какими написан весь текст). Келлер внес в свой дневник подлинные слова поэта, но, повидимому, сам испугался смелости своей записи и зачеркнул их[4].

Некоторые из зачеркнутых им слов нам удалось все же прочесть; остальные прочитаны были по нашей

---

[1] См. М. Бендер, «О дневнике Гордона». «Журнал императорского русского военно-исторического общества», СПб, 1913, № 12, стр. 597—602.

[2] См. Сочинения Пушкина под ред. П. Ефремова. СПб, изд. А. Суворина, т. VIII, 1905, стр. 586—587.

[3] Дневник надворного советника Дмитрия Келлера. Начат 26 июня 1836 г. Кончен 12 декабря 1837 г. На 47 листах. ЦГВИА, ед. хр. № 1150 (фонд Военно-ученого архива Главного штаба).

[4] Интересующая нас выдержка из дневника Келлера появилась также в названной выше статье М. Бендера, который обратился к дневнику Келлера, заинтересовавшись последним как переводчиком Патрика Гордона. Но и на этот раз запись Келлера опубликована была с пропусками (к тому же без точек, указывающих на допущенные пробелы).

просьбе специалистами Центральной криминалистической лаборатории Всесоюзного института юридических наук при помощи методов специального фотографирования. В зачеркнутых Келлером строках речь идет о насильственной смерти царевича Алексея; к чтению их необходимо будет обратиться, когда мы коснемся работы Пушкина над источниками, относящимися к делу царевича Алексея. Сейчас же рассмотрим запись Келлера, лишь поскольку она может помочь нам выяснить, в какой мере продвинулась работа Пушкина над созданием «Истории Петра».

«Недели за три до смерти историографа Пушкина, — пишет Келлер, — был я по его приглашению у него.

Он много говорил со мной об *истории Петра Великого.* «Об этом государе, — сказал он между прочим, — можно написать более, чем об истории России вообще. Одно из затруднений составить историю его состоит в том, что многие писатели, недоброжелательствуя ему, представляли разные события в искаженном виде, другие с пристрастием осыпали похвалами все его действия... Александр Сергеевич на вопрос мой, скоро ли мы будем иметь удовольствие прочесть произведение его о Петре, отвечал: «Я до сих пор ничего еще не написал, занимался единственно собиранием материалов: хочу составить себе идею обо всем труде, потом напишу историю Петра в год или в течение полугода и стану исправлять по документам...» [1]

Итак, незадолго до смерти сам Пушкин сказал Келлеру, что думает закончить свой труд и написать «Историю Петра» «в год или в течение полугода», то есть (если мы учтем обширность этого труда) надеется закончить его скоро, а между тем «до сих пор ничего не написал» и «занимался единственно собиранием материалов». Что же представляли собой в таком случае эти материалы, если они давали Пушкину возможность так быстро закончить работу над «Историей Петра»?

---

[1] Сочинения Пушкина под ред. П. Ефремова. СПб., изд. А. С. Суворина, т. VIII, 1905, стр. 587.

«Определяйте значение слов, — повторял Пушкин, — и вы избавите свет от половины его заблуждений»[1].

Необходимо поэтому выяснить прежде всего, какой характер носили «материалы», о которых говорил Пушкин Келлеру, т. е. написанный им в течение 1835 года (и теперь только ставший доступным изучению) подготовительный текст «Истории Петра». Сырые ли это материалы-выписки или записи-конспекты, составленные Пушкиным на основе изучения исторических источников? Или, может быть, очень ценные, но составленные поэтом еще только «про себя» черновые программы, отражающие, тем не менее, уже общую историческую концепцию Пушкина и общие контуры создаваемой им «Истории Петра»? То есть не дает ли даже и этот подготовительный пушкинский текст возможности понять общий идейно-художественный замысел Пушкина?

Вспомним в этой связи, как обосновывал Чернышевский свой взгляд на значение неоконченных произведений Пушкина.

Возражая против высказанного редактором Пушкина — Анненковым — мнения, согласно которому не завершенные поэтом «Сцены из рыцарских времен» представляют собой «не настоящее произведение, а только план произведения» или «один остов произведения», Чернышевский писал: «Это произведение яснее всего показывает, что существенная красота заключена не в словах, которыми умеет гениальный писатель облечь свои мысли, а в том гениальном развитии, которое получает мысль в его уме, воображении, соображении, назовите это как хотите, — в художественности, с какою представляется ему план, а не в выражении»[2]. (Разрядка наша. — *И. Ф.*) Эта мысль великого критика чрезвычайно важна, как увидим, для правильного понимания и оценки значения дошедшего до нас подготовительного текста «Истории Петра».

---

[1] Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 434.

[2] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. II. М., Государственное издательство художественной литературы, 1949, стр. 458.

В самом деле, нельзя ли (выражаясь словами Чернышевского) проследить гениальное развитие, какое получила историческая «мысль» Пушкина в созданном им подготовительном тексте его будущей книги, и нельзя ли, изучая рукопись Пушкина, понять «художественность», с какой представлялся ему «план» создаваемой книги? Нет ли, наконец, в этой обширной рукописи Пушкина набросков, определяющих содержание и построение отдельных эпизодов и картин, которые должны были войти в состав подготовляемой «Истории Петра»? Или даже созданных им уже страниц и отрывков исторической прозы?

Только ответив на все эти вопросы и поняв назначение и действительный характер пушкинских «материалов», т. е. писавшегося Пушкиным на протяжении всего 1835 года подготовительного текста, охватывающего все царствование Петра, мы поймем, насколько далеко продвинулся в действительности незавершенный труд Пушкина и каким образом мог он рассчитывать закончить свою работу над «Историей Петра» за год или даже «в течение полугода».

Попытаемся прежде всего читать «Историю Петра» не предвзято, т. е. не принимая заранее на веру утверждение о том, что в ней нет будто бы ничего, кроме выписок-конспектов; не будем бояться видимости беспорядка, вызываемого крайне неоднородным характером изучаемого нами подготовительного текста «Истории Петра», — и мы убедимся, что среди черновых программ и рабочих записей в нем проступают страницы, ничуть не похожие ни на выписки, ни на конспекты.

Приведем примеры. Приближаясь к изображению Северной войны, Пушкин пишет:

«Петр завоеванием Азова открыл себе путь и к Черному морю; но он не полагал того довольным для России и для намерения его сблизить свой народ с образованными государствами Европы. Турция лежала между ими. Он нетерпеливо обращал взоры свои на северозапад и на Балтийское море, коим обладала Швеция. Он думал об Ижорской и Карельской земле, лежащих при Финском заливе, некогда нам принадлежавших, от-

торгнутых у нас незаконно во время несчастных наших войн и междуцарствия»[1].

Невозможно, кажется, отнести эту прозу Пушкина к числу «выписок» или «конспектов».

Вот другой пример. Вслед за строками, говорящими о решении молодого Петра отправиться в заграничное путешествие, мы читаем:

«Скоро намерение государя сделалось известно его подданным и произвело общий ужас и негодование.

Духовенство видело в сообщении с еретиками грех, воспрещаемый священным писанием. Народ жадно слушал сии толкования и злобился на иноземцев, почитая их развратниками молодого царя. Отцы сыновей, отправляемых в чужие края, страшились и печалились. Науки и художества казались дворянам недостойным упражнением. Вскоре обнаружился заговор, коего Петр едва не сделался жертвою». (Стр. 55—56.)

В начале описания Каспийского похода Петра Пушкин говорит:

«Гусейн-шах в то время тиранствовал, преданный своим евнухам, изнеможенный вином и гаремом. Бунты кипели около него. В поминутных мятежах истребился род Софиев.

На отдаленных границах Персии, близ Индии, кочевал дикий и воинственный народ: афганцы, происшедшие из Ширвана, близ Каспийского моря. Тамерлан (умер в 1405) поселил их в царстве Кандагарском; Мирвейс, происшедший из их рода, умел при дворе шаха снискать его доверенность, и он был назначен главным начальником над своими единоплеменниками. . .» (Стр. 422.)

Эти строки «Истории Петра» заставляют нас вспомнить слова Белинского, говорившего, что историческая проза Пушкина кажется писанной на меди и мраморе.

Перечитывая «Историю Петра», можно убедиться, что таких отрывков (вернее, заготовок) исторической

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. IX, стр. 78—79. Текст «Истории Петра» приводится в дальнейшем по этому изданию: ссылки на страницы его даются в скобках, вслед за каждой цитатой

прозы в подготовительном тексте ее немало, причем в ней встречаются не только небольшие отрывки, вроде только что приведенных, но и целые эпизоды, близкие к завершению.

Сколько таких страниц в незавершенной «Истории Петра» и каково их место в ней, выяснить путем простого чтения ее, без специального и более длительного изучения, невозможно. Но наличие такого рода страниц в созданном Пушкиным подготовительном тексте показывает, что работа его над книгой о Петре продвинулась много дальше, чем принято думать.

Близкие к завершению и даже совсем готовые страницы исторической прозы Пушкина оставались незамеченными, главным образом в связи с общей недооценкой «Истории Петра», точнее — в связи с предвзятой оценкой ее, исходящей из того, что в ней нет ничего, кроме «выписок-конспектов». Незамеченными эти страницы оказались, однако, и в силу еще одной, более общей причины.

«Точность и краткость — вот первые достоинства прозы», — писал Пушкин [1]. А в другом месте заметил: «Прелесть нагой простоты так еще для нас непонятна. . .» [2]

Гениальный лаконизм Пушкина не раз озадачивал его критиков, даже когда они судили о законченных произведениях поэта. Вяземский считал, например, что в «Борисе Годунове» «иные сцены. . . недостаточно развиты» Пушкиным и представляют собой скорее «краткое содержание» (или «оглавления») сцен [3]. Погодин заметил в свое время, что многие читатели, привыкшие к риторике, обманывались наружностью «Истории Пугачева» и не отдавали ей справедливости «за мнимую простоту» ее [4]. Говоря о «скупости слога», характерной

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 15.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 344.

[3] «des sommaires de scènes», — стремится он выразить свою мысль по-французски. См. «А. С. Пушкин», вып. II, М., 1885, стр. 39 и «Литературное наследство», № 58, 1952, стр. 79.

[4] М. Погодин. «Несколько слов об «Истории Пугачевского бунта А. С. Пушкина». «Русский архив», 1865, стр. 104.

для «Капитанской дочки», современный нам исследователь подчеркивает, что «по своей сжатости и отрывочности подобная манера письма граничит с конспективной записью и, взятая сама по себе, воспринимается как предварительная словесная загрунтовка» [1].

Надо ли поэтому удивляться, что «нагая простота» гениальной пушкинской прозы, ее «точность и краткость» не однажды приводили к ошибке исследователей незавершенных произведений Пушкина. В статье «Пушкин и античность» И. И. Толстой справедливо писал по поводу неоконченной повести Пушкина «Цезарь путешествовал. . .»: «Общий тон рассказа охарактеризован у него значительной сжатостью. На первый взгляд можно подумать, что сжатость эта объясняется черновым характером первых набросков лишь намечавшейся поэтом повести. Но подобный вывод ошибочен. . .» [2] В подобную же ошибку впали редакторы пушкинской «Истории Петра»: гениальный лаконизм и «нагую простоту» создаваемой Пушкиным исторической прозы они не умели отличить от лаконизма черновых программ, среди которых рождались в подготовительном тексте «Истории Петра» страницы новой пушкинской прозы.

Располагавший рукописью пушкинской «Истории Петра» еще до того, как она была затеряна, Анненков также не заметил этих страниц. Напечатав в своих «Материалах для биографии Пушкина» в 1855 году два отрывка из «Истории Петра» (посвященные основанию Петербурга и смерти Петра), он утверждал, будто оба они «не имеют вида настоящего исторического рассказа, а только, как и все прочее у Пушкина, представляют одну программу его» [3].

Но одни ли только разобщенные отрывки создаваемой Пушкиным исторической прозы можно найти в рукописи «Истории Петра»? Говоря о пушкинской рукописи, Анненков заметил, что в ней «обнаруживается

---

[1] Н. Прянишников. Проза Пушкина и Л. Толстого. Чкалов, 1939, стр. 17.

[2] «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена». Т. XIV. Л., 1938, см. стр. 80—81.

[3] «Материалы для биографии А. С. Пушкина». СПб, 1855, стр. 406.

тайная мысль историка». «Наиболее резким слогом, — отмечал он, — отличаются заметки, касающиеся женитьбы Петра на Екатерине, ...процесса царевича Алексея, ...процесса несчастных Монсов и, — осторожно добавляет он, — обстановки, сопровождавшей смерть реформатора»[1] (т. е. борьбы дворцовых партий, завершившейся возведением на престол Екатерины).

В тех разделах пушкинской «Истории Петра», о которых говорит Анненков, обнаруживается, как увидим, не только «мысль» историка, — притом вовсе не «тайная», а вполне определенная, — здесь в «Истории Петра» проявилась глубокая осведомленность Пушкина, знавшего, как совершались в действительности исторические события, представленные в печатном своде Голикова часто в далеко не полном, смягченном и тенденциозном виде.

Приведем примеры, показывающие, что в важнейших местах своей «Истории Петра» Пушкин вовсе не ограничивался тем, что он мог найти в голиковских «Деяниях Петра Великого». Касаясь дела царевича Алексея, Пушкин пишет: «царевич отпирался. Пытка развязала ему язык». (Стр. 398.)

Между тем о пытке, которой был подвергнут царевич по приказу Петра, Голиков умалчивает. Откуда же почерпнул Пушкин свои сведения и как узнал он о том, что «своеручные» показания (данные 22 июня 1718 года) царевич сначала писал «твердою рукою», «а потом после кнута — дрожащею»? (см. «Историю Петра», стр. 399).

Приведем другой пример: уже в самом начале своей «Истории», описывая поспешное бегство Петра (против которого царевна Софья в августе 1689 года «предначертала... новый мятеж»), Пушкин пишет: «Петр с обеими царицами, с царевной Наталией Алексеевной, с некоторыми боярами, с Гордоном, Лефортом и немногими потешными убежал в Троицкий монастырь», — добавляя: «Гордон говорит: без штанов». (Стр. 39.)

Пушкин ссылается здесь на не изданные в то время

---

[1] П. Анненков. Воспоминания и критические очерки. Т. III. СПб, 1881, стр. 263.

страницы дневника Патрика Гордона, обнаруживая свое знакомство с этим важным рукописным источником. Голиков в «Деяниях Петра Великого» говорит лишь о том, что Петр «в великой скорости побежал в Троицкой Сергиев монастырь, яко обыкновенную свою от злодеев защиту»[1]. В книге Голикова «Изображение жизни и всех славных дел... Лефорта и Гордона»[2] (сохранившейся в личной библиотеке Пушкина) также нет тех подробностей бегства Петра, которые имеет в виду Пушкин. И лишь в дневнике самого Патрика Гордона (подлинник которого хранится ныне в Центральном Государственном Военно-историческом архиве в Москве) можно действительно прочесть о том, что Петр, «будучи извещен» о готовящемся на него покушении, «с великой поспешностью вскочил с постели, не надев сапог, и — в конюшню, где велел оседлать себе лошадь, и отправился в соседний лес, куда ему доставили одежду; одевшись, — говорит далее Гордон, — Петр с теми, кто был готов, с величайшей поспешностью поехал в монастырь св. Троицы, куда прибыл в 8-м часу утра, очень усталый»[3].

В те годы, когда Пушкин работал над своей «Историей Петра», эта запись Гордона не была еще известна в печати. Но Пушкин, как мы узнаем из дневника Келлера, располагал «выпиской из Гордона на немецком языке о стрелецких делах»[4]. Это была, несомненно, выдержка из немецкого перевода, сделанного с английского подлинника Стриттером[5].

Рассказав в подготовительном тексте своей «Истории» о бегстве Петра и кратко добавив: «Гордон гово-

---

[1] «Деяния Петра Великого». Т. I. М., 1788, стр. 212.

[2] (И. И. Голиков.) «Историческое изображение жизни и всех славных дел... Лефорта... и Патрика Гордона...». Москва, 1800, см. стр. 269.

[3] ЦГВИА, фонд Военно-ученого архива Главного штаба, № 21. «Журнал, или дневная записка (на аглинском языке) бывшего российской службы генерала Гордона, им самим писанный», том IV, л. 248 об. и л. 249. Перевод наш. — *И. Ф.*

[4] Дневник Д. Е. Келлера, ЦГВИА, ед. хр. № 1150, стр. 40.

[5] Рукопись этого перевода принадлежала М. П. Погодину. Ныне в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Погодинский фонд, № 2038. Приво-

рит: без штанов», Пушкин в этой сделанной для себя записи обнаруживает не только знакомство с дневником Гордона, но и намерение использовать этот источник в окончательном тексте «Истории Петра», где, конечно, заменил бы свое резкое выражение другим, более уместным в печати.

В своей записи о беседе с поэтом Келлер указывает, что Пушкин «изъявил готовность помогать» ему в его «занятиях книгами и манускриптами», относящимися к истории Петра[1].

Эта осведомленность Пушкина, основанная на широком знакомстве с историческими источниками, включая источники, которые не были доступны Голикову (либо не могли быть напечатаны последним), и давала Пушкину возможность устанавливать действительную картину событий, которые он готовился изобразить в своей «Истории Петра».

Вслед за черновой программой рассказа о деле камергера Монса, мы в ней читаем:

«Оправдалась ли Екатерина в глазах грозного супруга? по крайней мере ревность и подозрение терзали его. Он повез ее около эшафота, на котором торчала голова несчастного. Он перестал с нею говорить, доступ к нему был ей запрещен. Один только раз, по просьбе любимой его дочери Елисаветы, Петр согласился отобедать с той, которая в течение 20 лет была неразлучною его подругою». (Стр. 458.)

Перед нами не только образец блестящей пушкинской прозы. Говоря о последней тетради «Истории Петра», в состав которой входит эта пушкинская страница, даже П. Попов (считающий, что Пушкин всюду, за самыми малыми исключениями, следует Голикову) не мог не заметить, что «в сообщениях об Екатерине Пушкин дополняет Голикова, освещая по-своему ее фи-

---

димое нами место из дневника Гордона находится в т. III перевода Стриттера, лист 215. Немецкий перевод был издан позднее Поссельтом (т. I — Москва, 1849; т. II — Петербург, 1851; т. III — Петербург, 1852). Место, использованное Пушкиным, см. в т. II этого издания, стр. 267—268.

[1] Сочинения Пушкина под ред. П. Ефремова. СПб., изд. А. С. Суворина, т. VIII, 1905, стр. 587.

гуру и взаимоотношения с Монсом; вряд ли впрочем, — говорит названный исследователь, — Пушкин здесь прибегал к каким-либо печатным источникам, храня в памяти традиционные рассказы о романе Екатерины»[1]. Между тем, говоря о Петре и Екатерине, Пушкин мог, конечно, прибегнуть, помимо устных преданий, к источникам рукописным, т. е. прежде всего к труднодоступным запискам современников, в том числе и к запискам иностранных послов при дворе Петра I, являвшихся свидетелями романа Екатерины и казни Монса. Точность и конкретность приводимых Пушкиным деталей наталкивает на эту мысль, а исследование круга изученных Пушкиным источников подтверждает ее.

Вспомним, что такой крупнейший знаток и издатель русских исторических источников, как Александр Тургенев, который тесно общался с поэтом в последние недели его жизни (и к тому же только что сам изучал обнаруженные им в парижских архивах донесения французских послов при петровском дворе, освещающие целый ряд тайных дел и событий его царствования), пишет, что он находил в Пушкине «сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные. . .»[2]

Предвзятая мысль о том, что Пушкин, изучая историю Петра, ни с чем почти, кроме труда Голикова, не ознакомился, помешала исследователям заметить даже прямые ссылки Пушкина на использованные им рукописные и архивные источники, подобно тому как они не заметили проступающих в «Истории Петра» страниц пушкинской исторической прозы. Между тем исторические изучения, развернутые Пушкиным, отразились далеко не только в тех местах его «Истории», где он прямо ссылается на свои источники и называет их. Мы не лишены, однако, возможности установить путем более углубленного исследования действительный круг изученных Пушкиным исторических источников.

---

[1] П. Попов, «Пушкин в работе над «Историей Петра I». «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 474.

[2] А. И. Тургенев, Письмо к И. С. Аржевитинову от 30 января 1837 г. «Русский архив», 1903, кн. 1, стр. 143.

Комментаторы говорят нам, что «вплотную к изучению истории Петра Пушкин подошел лишь в самом конце 1834 года»; они утверждают, что дошедшая до нас рукопись «Истории Петра», начатая Пушкиным в январе и оконченная в декабре 1835 года, «не обнаруживает следов каких-либо предшествующих архивных занятий», что «до конца своей жизни Пушкин считал себя плохо ориентированным в литературе эпохи Петра» и потому использованные им, помимо Голикова, источники «немногочисленны» (или «ничтожны»)[1]. Но верна ли вся рисуемая комментаторами картина работы Пушкина над созданием «Истории Петра»?

«Как известно, внимание Пушкина с давних пор останавливалось на личности и деятельности Петра Великого», и потому он, — указывал еще П. О. Морозов, — «усердно читал «Деяния» Голикова и разные другие сочинения, касающиеся Петровской эпохи», прежде чем, «наконец, в половине 1831 г. серьезно задумал заняться составлением истории Петра. . .»[2]

Неверным является распространенное представление, будто исторической концепции, которая могла бы лечь в основу «Истории Петра», у Пушкина еще не было и ему только предстояло выработать ее после того, как он закончит конспектирование (или, как говорят иногда комментаторы, «свободное переложение») голиковского труда. В действительности к тому времени, когда создавался подготовительный текст «Истории Петра», взгляды Пушкина на Петра определились с достаточной ясностью. В свете этой концепции, ясно выраженной в предшествующих 1835 году высказываниях Пушкина о Петре, и создавался Пушкиным подготовительный текст «Истории Петра».

Говоря в одной из своих статей о недописанной «Истории» Карамзина и отвечая на вопрос Полевого: «Когда же думал историк?», заданный критиком по по-

---

[1] См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. IX, стр. 509 и 512, а также П. Попов, «Пушкин в работе над «Историей Петра I». «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 474—476.

[2] Сочинения и письма А. С. Пушкина. Под ред. П. О. Морозова, издание т-ва «Просвещение», т. VII, СПб., 1909, стр. 7.

воду того, что последняя глава последнего тома «Истории» «была еще не дописана Карамзиным, а начало ее вместе с первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово к печати», Пушкин указывал, что задолго до того, как историк начал свой труд, «думал он об истории России и мысленно обнимал свое будущее создание». Вероятно, замечает при этом Пушкин, что последний, оставшийся недописанным том «Истории» Карамзина «не был им еще начат, а уж историк думал о той странице, на которой смерть застала последнюю его мысль. . .» [1]

Слова эти прямо могут быть отнесены к работе Пушкина над «Историей Петра»: Пушкин, прежде чем начал ее, уже мысленно обнимал свое будущее создание.

«Историю Петра» Пушкин задумал, как известно, еще во второй половине 20-х годов: «Я непременно напишу историю Петра I», — сказал он А. Н. Вульфу в 1827 году [2]. Написать ее было, как сказал он сам в 1831 году, «давнишним» его желанием [3]. В своих так называемых «Заметках по русской истории XVIII века», относящихся к 1822 году, Пушкин высказал уже глубокий взгляд на Петра, предвосхитивший во многом взгляды, развитые им тринадцать лет спустя в подготовительном тексте «Истории Петра». Называя Петра I, в отличие от его «ничтожных наследников», «сильным человеком», «исполином», Пушкин вместе с тем уже тогда, в 1822 году, писал о нем: «История представляет около его всеобщее рабство. . . все состояния, окованные без разбора, были равны пред его *дубинкою»* (в черновике было сказано «пред его палкой»). Все дрожало, все безмолвно повиновалось» [4]. Стремясь определить, кем был Петр, Пушкин в черновике написал сперва: «после. . . смерти деспота. . .», а потом —

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 138.

[2] А. Н. Вульф, «Выдержки из дневника». Запись 16 сентября 1827 г.». «Русская старина», 1899, март, стр. 512.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 638.

[4] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 14.

«после... смерти великого человека...»[1] Строки эти показывают, как ясно видел Пушкин уже в 1822 году двойственность, противоречивость Петра.

Изучение исторических источников петровского времени Пушкин начал действительно с голиковских «Деяний Петра Великого», но начал, как постараемся показать, не в 1835 году, а десятилетием раньше, в 1825 году, в Михайловском. Считая, однако, знакомство с монументальным сводом Голикова и другими печатными источниками для историка Петра далеко не достаточным и получив в 1831 году поручение написать «Историю Петра», он извещал Нащокина: «Зимой зароюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем»[2].

«С зимы 1832 года, — пишет о Пушкине Анненков, основываясь на свидетельствах современников, — он стал посвящать все свое время работе в архивах»[3]. Избрав для себя с 1831 года «великий труд», — вспоминал Плетнев, — и «приступив к сочинению истории Петра Великого», «он каждое утро отправлялся в какой-нибудь архив»[4].

Увлекшись в 1833 году историей Пугачева и с успехом окончив ее, Пушкин в 1834 году вновь усилил работу над «Историей Петра». И к середине 1834 года труд его продвинулся уже настолько, что в конце мая он сообщал жене из Петербурга: «Ты спрашиваешь меня о Петре? идет помаленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок...»[5], а 11 июня того же 1834 года Пушкин писал (ей же): «Петр 1-й идет; того и гляди напечатаю 1-й том к зиме»[6].

Отказавшись затем, повидимому, от мысли издавать «Историю Петра» отдельными томами, по мере оконча-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 289.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 367.

[3] «Материалы для биографии А. С. Пушкина». СПб, 1855, стр. 359.

[4] Сочинения и переписка П. А. Плетнева. Т. I, СПб, 1885, стр. 383—384.

[5] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 486.

[6] Там же, стр. 492.

ния работы над каждым томом, Пушкин, как можно заключить из слов, сказанных им Келлеру, решил сначала «составить себе идею» (т. е. представление) «обо всем труде», а не о Петре, взгляд на которого определился для Пушкина много ранее. И в соответствии с этим новым решением создал в течение 1835 года дошедший до нас единый подготовительный текст своей «Истории», охватывающий все царствование Петра.

Взгляд на «Историю Петра», изложенный нами первоначально в статьях «Незавершенная книга Пушкина» и «Неизвестные строки Пушкина» [1], нашел отражение в очерке «Пушкин», включенном в том VI «Истории русской литературы», вышедший в 1953 году [2]. Очерк этот признает, что «подготовительные тексты» «Истории Петра» «дают возможность всесторонне раскрыть замысел Пушкина», и кратко определяет, в соответствии с названными статьями, сущность взглядов Пушкина на Петра, которые должны были «явиться основой задуманного им исторического труда»; очерк признает также, что Пушкин решал в своем труде не только научно-исторические, но и художественные задачи.

Однако упомянутый очерк продолжает попрежнему называть подготовительный текст «Истории Петра» «обширнейшим конспектом» голиковских «Деяний Петра Великого», не замечая проступающих в нем отрывков пушкинской исторической прозы.

---

[1] «Вестник Академии наук СССР», 1949, № 5 и 1950, № 8.

[2] Ответственный редактор тома и раздела «Пушкин» Б. С. Мейлах. Издательство Академии наук СССР. М.—Л., 1953. См. стр. 279—280.

ЗАМЫСЕЛ ПУШКИНА

Изучая «Историю Петра», не следует, разумеется, упускать из виду незавершенность пушкинского труда: перед нами еще только подготовительный текст будущей книги. Но изучение этого текста открывает перед нами возможность видеть процесс творчества Пушкина и приближает нас к пониманию того, чем должна была стать, по его замыслу, «История Петра». По мере того как мы начинаем уяснять себе намечающееся в ходе работы Пушкина строение «Истории Петра», раскрывая при этом смысл пушкинских указаний на используемые им исторические источники, в его незавершенной «Истории» оживают не только готовые или почти готовые места, но и гораздо более многочисленные страницы совсем чернового или даже программного характера; в свете изучения творческой истории незавершенной книги Пушкина перед нами открывается увлекательная возможность читать эту только еще созидающуюся книгу, и «История Петра», как бы далека ни была она еще в целом от завершения, предстает перед нами как очень значительное, во многом уже подготовленное произведение Пушкина.

Поэтому, прежде чем говорить об изучении Пушкиным исторических источников и о том, как Пушкин перерабатывал найденный им в этих источниках обширный исторический материал, попытаемся раскрыть замысел Пушкина, выяснить его историческую концепцию и проследить, каким образом концепция эта превраща-

лась под пером Пушкина в художественно-историческую концепцию.

Пафос, одушевляющий страницы пушкинского труда, был не только пафосом исторического и художественного постижения прошлого. Говоря в «Полтаве» о вторжении в Россию Карла XII, поэт вспоминал о вторжении и разгроме Наполеона. В войне, которую вел Петр против шведских завоевателей, решалась судьба русского народа и государства; исторический канун Полтавы охарактеризован Пушкиным в «Истории Петра» следующими, глубоко выразительными строками:

«Петр, желая мира, предлагал оный Карлу... На сие Карл ответствовал: о мире буду с царем говорить в Москве, взыскав с него 30 миллионов за издержки войны. Министры шведские объявили намерение короля свергнуть Петра с престола, уничтожить регулярное (русское. — *И. Ф.*) войско и разделить Россию на малые княжества. Генерал Шпар был назначен уже Московским губернатором и хвалился, что они русскую *чернь*... не только из России, но со света плетьми выгонят. Известен, — пишет Пушкин, — отзыв Петра: — *Брат мой Карл хочет быть Александром* — etc» [1] (т. е. Александром Македонским. — *И. Ф.*). Но он — сказал Петр — не найдет во мне Дария, — царство которого разрушил Александр.

Пушкин пишет здесь о том самом шведском генерале (Спарре), несостоявшемся московском губернаторе, о котором потом заметит, что тот бежал с Карлом XII и несколькими сотнями драбантов после полтавского разгрома в Турцию. (Стр. 219.)

Драматический переход от поражений Петра к победам России над Швецией с необыкновенной выразительностью является читателю на страницах, посвященных Пушкиным победе под Лесной, которую, — пишет Пушкин, — «Петр называл потом матерью Полтавской победы, последовавшей через девять месяцев». (Стр. 199.)

В начале описания этого боя Пушкин говорит:

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. IX, стр. 183—184.

«Казаки. . имели повеления, стоя за фрунтом, колоть всех наших, кои побегут или назад поддадутся, не исключая самого государя». (Стр. 197.)

А рассказав о разгроме шведов, пишет:

«Ночь и вьюга спасли остаток шведского войска. Солдаты наши ночевали, кого где вьюга застала. Сам Петр, покрытый снегом и льдом, провел тут же ночь далеко от лагеря». (Стр. 197.)

Вслед за тем идут строки, кончающиеся словами:

«Все было поражено. Казаки... кололи шведских беглецов в лесах и по болотам. Многие из них погибли даже от руки мужиков. Левенгаупт почти один явился к королю с известием о своем поражении». (Стр. 198.)

Вслед за этим, оставшимся в целом недоработанным описанием победы под Лесной Пушкин пишет: «В Смоленск Петр вступил с торжеством». И заключает: «Шведы потеряли свою самонадеянность и презрение к русским». (Стр. 199.)

Исторический спор, решенный в эпоху Петра на полях битв, продолжался после смерти Петра на страницах книг. Вопрос о Петре был в глазах Пушкина не только вопросом о прошлом, но и о будущем России. Создавая книгу о Петре, он спорил с теми иностранными писателями, для которых русский народ был, по словам поэта, вечным предметом невежественной клеветы. Но спор о Петре для Пушкина был спором не только с «клеветниками России».

Своим «Медным Всадником» Пушкин спорил с Мицкевичем, о котором Герцен так верно сказал, что «он далек от ненависти к России, напротив он хвалит ее», но что «в Петре он понял одну отрицательную сторону» [1]. «Историей Петра» Пушкин спорил против неверия в Россию, сказавшегося в пессимизме Чаадаева.

Испуганный николаевской эпохой, Чаадаев писал в своем «Философическом письме», что у России, в отличие от Западной Европы, не было подлинной истории;

[1] А. Герцен. Дневник. Запись 17 марта 1844 г. Полное собрание сочинений и писем. Т. III, П., 1915, стр. 317.

историческое прошлое России казалось ему бледным, полузабытым сном. Против этих взглядов Чаадаева великий поэт решительно возражал.

Незадолго до своей трагической гибели, в день, когда он в стихотворении «19 октября 1836 года» подводил итоги за четверть века [1], Пушкин писал Чаадаеву, возражая на его «Философическое письмо»: «...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя..., но, клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал».

«...Пробуждение России, развитие ее могущества, — писал Пушкин в том же письме, — ее движение к единству (к русскому единству, разумеется)... Как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история!» [2]

Пушкин возражал против отрицания исторического значения прошлого России, указывая на развитие ее могущества, на движение ее к единству и в допетровский период и в эпоху Петра, и решительно отвергал преклонение Чаадаева перед Западом. Горячо возражая тем, кто видел в исторической деятельности Петра одни только отрицательные стороны ее, Пушкин не разделял и официозной, апологетической точки зрения на Петра.

Чтобы оценить смелость и прогрессивность исторической концепции Пушкина, напомним, какой характер носили рассуждения о Петре Полевого, взгляды которого Николай I одобрял. В отличие от Пушкина, Полевой писал о Петре Великом: «Указывать на ошибки его нельзя, ибо мы не знаем: не кажется ли нам ошибкою то, что необходимо в будущем, для нас еще не наставшем, но что он уже предвидел». «В частной, семейной жизни добродетели человека и христианина соединились в Петре Великом. Он был добрый сын,

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 867.

[2] Там же.

нежный брат, любящий супруг, чадолюбивый отец, домовитый хозяин, тихий семьянин, верный друг» [1].

Пушкин в своей «Истории» писал о Петре иначе. Важнейшим из высказываний Пушкина является обобщение, в котором он подчеркнул противоречие в деятельности Петра. «Достойна удивления, — писал он, — разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, *вторые — нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом.* Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у *нетерпеливого* самовластного помещика». (Стр. 413.)

Эта основная для пушкинской концепции мысль, определившаяся в процессе всей работы поэта-историка и ставшая известной еще в прошлом веке, подкрепляется и обогащается многими страницами «Истории Петра», увидевшими свет лишь в наши дни.

Однако пушкинская «История Петра» известна нам все еще не полностью; часть тетрадей, входивших в состав рукописи Пушкина, как было уже сказано, не дошла до нас. Между тем в пропавших тетрадях содержались высказывания, чрезвычайно важные для понимания взглядов поэта на Петра, в том числе и приведенные только что выразительные строки. Эти запрещенные строки — одни только из всего, что содержалось в пропавших позднее тетрадях «Истории Петра» — уцелели, так как сохранились в копии, снятой сто лет назад Анненковым с не пропущенных цензурою мест «Истории Петра» [2]. Они появились в печати давно, но, как теперь выясняется, не полностью.

Сейчас мы имеем возможность добавить к ним еще две заметки из пропавших тетрадей Пушкина, изъятые в 1840 году из «Истории Петра» Сербиновичем, от-

---

[1] Н. Полевой. История Петра Великого, ч. IV, 1843, стр. 305 и 312.

[2] Архив Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР, фонд 244, оп. 8, № 55, лл. 81—83 об. (впервые опубликовано в «Вестнике Европы», 1880, кн. VI, стр. 644—645).

ставным цензором, взявшимся по поручению друзей поэта подготовить рукопись Пушкина к представлению в официальную цензуру.

Изучение «Дела о рукописи А. С. Пушкина «Материалы для «Истории Петра Великого», хранящегося ныне среди бумаг Сербиновича в Центральном Государственном историческом архиве[1], дает возможность убедиться, что в числе изъятых Сербиновичем из пушкинской рукописи замечаний Пушкина о Петре сохранились — в писарской копии — строки Пушкина, остававшиеся неизвестными: с появлением их в печати нам становятся доступными все высказывания Пушкина, которые были в прошлом веке изъяты по цензурным причинам из «Истории Петра».

Эти новые строки Пушкина (опубликованные нами в 1950 году)[2] уясняют вторую существенную сторону выработанной Пушкиным концепции: Пушкин делит царствование Петра на два различных периода, подчеркивая отличие второго периода от первого. Характеризуя в строках, о которых мы говорим, один из петровских указов, изданных в период 1719—1721 годов (какой именно — неизвестно, так как наименование его осталось в не дошедшей до нас тетради), Пушкин оценивает его как *«указ весьма благоразумный с малой примесью самовластия и,* — обобщает Пушкин в этой связи, — *с тою вольною системою, коей ознаменовано последнее время царствования Петра».*

Чем же, с точки зрения поэта, могло определяться различие между двумя явно разграничиваемыми им таким образом периодами царствования Петра и чем «система», ознаменовавшая последний период царствования Петра (которую Пушкин называет здесь «вольной»), отличалась от первого периода?

Современники указывали, как мы знаем, что Пушкин ставил перед собой задачу проследить развитие характера Петра — «от вспыльчивости в молодости до снисходительности его в возмужалости». Пушкин в самом деле стремился дать образ Петра в развитии. Го-

[1] ЦГИА, фонд 1066, ед. хр. 904.

[2] См. И. Фейнберг, «Неизвестные строки Пушкина». «Вестник Академии наук СССР», 1950, № 8, стр. 49—55.

воря, например, о смерти любимого царем трехлетнего наследника, рожденного ему Екатериной, Пушкин заметил: «смерть сия сломила наконец железную душу Петра». (Стр. 412.)

Но перемена в царствовании Петра, о которой говорит Пушкин в новых для нас строках своей «Истории», не сводилась, по его мысли, к изменению, наступившему с годами в крутом характере Петра. В отличие, например, от Карамзина, объяснявшего перелом, совершившийся в царствовании Ивана IV, изменением характера царя, Пушкин ясно говорит об изменении «системы» царствования Петра.

Не может быть сведена эта перемена, с точки зрения Пушкина, также к существенному изменению свойственных Петру приемов управления государством. Пушкин подчеркивал в «Истории Петра», что и в последние годы жизни Петр нередко писал свои указы попрежнему — «кнутом»: указы с большой, а не только «малой примесью самовластия» он продолжал издавать и при новой, «вольной системе», ознаменовавшей, по словам Пушкина, последние годы его царствования (11 января, — записал, например, Пушкин под 1722 годом, — Петр «издал указ, превосходящий варварством все прежние. . .» — стр. 415).

Наконец — и это самое важное — вольная, по выражению Пушкина, система последних лет царствования Петра ни в какой степени не означала вольности для народа.

Еще за полвека до того, как Пушкин приступил к своей «Истории Петра», Радищев, несмотря на то, что видел в Петре «мужа необыкновенного, название великого заслужившего правильно», говорил, что «мог бы Петр славнее быть», «утверждая вольность частную» [1].

Крепостная деревня даже век спустя после смерти Петра мало чем отличалась от допетровской деревни. В пушкинском «Путешествии из Москвы в Петербург» полемизирующий с Радищевым путешественник выну-

---

[1] А. Н. Радищев. «Письмо к другу. . .» Избранные сочинения. М.—Л., Государственное издательство художественной литературы, 1949, стр. 13—14.

жден это признать. «Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году», — говорит он, имея в виду, конечно, не один только наружный вид крепостной русской деревни [1].

В чем же заключалась в таком случае, с точки зрения Пушкина, перемена в системе царствования Петра? Ответ на этот вопрос помогают дать высказывания Пушкина, не предназначавшиеся для печати, но сохранившиеся в его исторических заметках и черновиках 30-х годов. В них, так же как в подготовительном тексте своей «Истории Петра», Пушкин высказывался, не задумываясь, еще о печати и цензуре; поэтому они представляют для нас особый интерес.

Еще до того, как поэт создал подготовительный текст «Истории Петра», в черновике одной из своих статей, он писал о «крутом и кровавом перевороте, произведенном мощным самодержавием Петра» [2]. Говоря далее (в черновиках той же статьи) о Петре, Пушкин пишет про «меры *революционные»,* «предпринятые им по необходимости, в минуту преобразования, и которые не успел он отменить. . .» [3] Пушкин ставил здесь, таким образом, вопрос о том, что Петр, совершив кровавыми средствами крутой переворот (в других местах Пушкин прямо называет этот переворот «революцией»), перешел в последний период царствования к решению новой задачи. Пушкин пишет об этом и в своих известных исторических заметках 30-х годов, смысл которых раскрывается нам теперь с большой ясностью. «Средства, которыми достигается революция, — проницательно указывает он в этих заметках, — недостаточны для ее закрепления». И тут же выразительным сравнением поясняет свою мысль: «Петр I — одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции)» [4].

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 289.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 497.

[3] Там же, стр. 497—498.

[4] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 537; см. также стр. 751.

Сравнивая Петра не только с Робеспьером, но и с Наполеоном (самовластно закреплявшим, как известно, только выгодные крупной буржуазии результаты французской революции), Пушкин считал, таким образом, что Петр — «гений всеразрушительный и всесозидающий», как называет его поэт в другом месте, — закреплял с помощью новых средств во второй период своего царствования результаты совершенного им ранее переворота, хотя делал это, как увидим, с точки зрения Пушкина, недостаточно последовательно. Различный характер этих исторических задач и определял, видимо, то существенное различие между двумя периодами царствования Петра, о котором говорят новые для нас строки «Истории Петра»: «вольная система», ознаменовавшая последнее время царствования Петра, соответствовала, видимо, в глазах Пушкина периоду закрепления основных результатов переворота, совершенного ранее Петром при помощи крутых, «революционных» мер.

Дописав подготовительный текст своей «Истории», изучив и продумав в ходе этой работы новый обширный исторический материал, Пушкин снова вернулся к этому кругу мыслей. В дошедших до нас черновиках программного письма к Чаадаеву от 19 октября 1836 года Пушкин указывает, против кого была направлена, по его мнению, «революция» Петра и в чем заключается социальный смысл этой произведенной самодержавием «революции». Он указывает, что Петр «уничтожил», затем зачеркивает это слово и пишет «укротил» дворянство, «опубликовав *Табель о рангах*. И духовенство — «отменив патриаршество» [1]. Под «дворянством» Пушкин разумеет здесь наследственную земельную аристократию [2]. Это дворянство и духовенство и являлись как раз «двумя первыми сословиями», сломленными французской буржуазной революцией

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XVI, стр. 421—423.

[2] В поэме «Езерский» поэт вспоминал: «...усмиренное боярство Петра могучею рукой...» (там же, т. V, стр. 401).

1789 года, с которой Пушкин сравнивал ранее «крутой и кровавый переворот», совершенный Петром.

Но французская буржуазная революция, историю которой Пушкин начал было писать, прежде чем перешел к работе над историей Петра I, уничтожила тяготевшие над крестьянами феодальные повинности. Ничего подобного этому, как известно, «революция» Петра не совершила.

Говоря о совершенном Петром «перевороте», Пушкин возвращается в черновиках своего программного письма к Чаадаеву к мысли о том, что «одно дело произвести революцию, другое дело это закрепить ее результаты» [1]. Однако на этот раз Пушкин подчеркивает другую сторону своей мысли: он дает понять, что Петр не успел или не сумел закрепить во второй период своего царствования совершенный им переворот, продолжая и в этот, требовавший новых средств период применять, наряду и в противоречии с новыми средствами, прежние средства (о которых Пушкин сказал: средства, необходимые для совершения революции, не те, которыми ее закрепляют). «...До Екатерины II продолжали у нас революцию Петра, вместо того, чтобы ее упрочить», — писал Пушкин 19 октября 1836 года в письме к Чаадаеву [2].

Пушкин-историк сожалел об этом, указывая в том же письме: «Вот уже 140 лет» как изданная Петром «Табель о рангах» «сметает дворянство» [3], так как считал, что независимое от царя родовитое дворянство могло и должно было являться противовесом неограниченной власти самодержавия, выполняя в силу этого в известной степени функцию защиты общенародных интересов. В этом представлении сказалась, конечно,

---

[1] А. С. Пушкин. Полнсе собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XVI, стр. 421—423.

[2] Там же.

[3] «Табель о рангах» была опубликована в 1722 году. Пушкин, надо полагать, имеет в виду не год издания «Табели», а тот новый, лишь окончательно регламентированный и закрепленный «Табелью» порядок, введенный Петром в начале его царствования, в силу которого старое, родовитое дворянство было оттеснено новым дворянством, выдвинувшимся на государственной службе.

исторически обусловленная ограниченность взглядов Пушкина. Говоря то о «подавлении», то об «истреблении» Петром дворянства, Пушкин имел в виду удар, нанесенный Петром принципу наследственности дворянства, т. е. ослабление родовитой аристократии и предоставление новым людям возможности становиться дворянами не по праву рождения, а путем получения введенных Петром чинов.

Предвосхитить марксистско-ленинское понимание Петровской эпохи Пушкин, разумеется, не мог. Но нельзя не видеть, как смело он прорывался в будущее, как далеко опередил не только своих современников, но и большинство последующих дореволюционных историков, сумев разглядеть в Петре не только великого человека, но и коронованного помещика.

Располагавший рукописью «Истории Петра» Анненков считал, что работа Пушкина приостановилась в связи с «раздвоенным психическим состоянием», в какое пришел великий поэт, когда он понял отрицательные стороны личности и деятельности Петра. Между тем изучение показывает, что Пушкин не только сознавал противоречивость Петра, — он строил изображение Петра на раскрытии противоречия, которое так ярко проявлялось, на взгляд поэта, во всей деятельности царя.

Марксистско-ленинская наука объясняет это поражавшее Пушкина противоречие классовой эксплуататорской природой государства, реформированного Петром. Энгельс называл Петра «действительно великим человеком»[1], подчеркивая его заслуги в области внешней политики. Маркс в своей работе «Секретная дипломатия XVIII века» отметил, что Россия, вернув себе в результате победоносно оконченной Петром Северной войны Балтийское побережье, овладела всем, что было абсолютно необходимо для естественного развития страны.

Но вместе с этим Энгельс указывал, что со времени Петра I наряду с ростом русской внешней торговли развивалось крепостное право и помещики получали

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 12.

возможность «все более притеснять крестьян, так что гнет все более и более усиливался» [1]. Сталин, характеризуя государственную деятельность Петра, подчеркивал, что возвышение класса помещиков и содействие нарождавшемуся классу торговцев происходило «за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры» [2].

Преобразования Петра, осуществляемые, по словам Пушкина, крутыми и кровавыми средствами, не являлись, вопреки взгляду поэта, «революцией» (или «переворотом»). Классовая природа реформируемого Петром абсолютистского государства не изменялась, хотя «...русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией, — как указывал Ленин, — не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма» и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освобождать крестьян...» [3].

Российская империя петровского времени являлась государством помещиков с бюрократическими учреждениями, причем ряд особенностей реформируемого Петром государства нельзя понять, не учитывая значения нарождавшегося класса торговцев, которому Петр оказывал деятельное содействие.

В пропавших тетрадях «Истории Петра» содержалась еще одна, остававшаяся до последнего времени неизвестной, заметка Пушкина о Петре [4]. В заметке этой, изъятой Сербиновичем, Пушкин, касаясь событий 1721 года, писал, что Петр *«в Синоде и Сенате объявил себя президентом»*.

Подобного рода и так резко выраженное Пушкиным утверждение («объявил себя президентом») с точки зрения царской цензуры — и духовной и светской — было,

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Государственное издательство политической литературы, 1950. стр. 332.

[2] И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 105.

[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 308.

[4] Опубликована нами в упомянутой выше работе «Неизвестные строки Пушкина». «Вестник Академии наук СССР», 1950, № 8, стр. 53.

разумеется, недопустимо. Дело, однако, никак не сводится к резкости этого пушкинского утверждения. Существенный смысл его раскрывается при сравнении с другими, примыкающими к нему заметками Пушкина, изъятыми цензурой из «Истории Петра» и рисующими отношения между Петром, с одной стороны, синодом и сенатом — с другой. Заметки Пушкина, кроме того, необходимо сопоставить с историческими источниками, на основе изучения которых они возникли.

Рассказав об учреждении синода и приведя утвержденный Петром «Регламент» его, Голиков писал: «Простой народ (говорит государь) не ведает, как разнствует власть духовная от самодержавной, но... помышляет, что таковый правитель (т. е. патриарх. — *И. Ф.*) есть вторый государь, самодержцу равносильный, или еще и больший его...» [1]

Объяснив таким образом действительную причину отмены патриаршества, Голиков замечает далее, что «знатное тогдашнее духовенство... от самыя смерти последнего патриарха скучало государю о избрании на его место нового; но монарх, предположивший уничтожить сию власть, обыкновенно отговаривался недосугами своими». После этого Голиков рассказывает о том, как «прогневавшийся по справедливости за сие монарх» [2] отвечал в синоде на просьбу избрать патриарха.

Этот приведенный в первом издании «Деяний Петра Великого» (но исключенный — явно по цензурным соображениям — из второго издания, вышедшего после смерти Пушкина) рассказ Пушкин приводит в своей «Истории», отбросив оговорки Голикова, рассчитанные на то, чтобы смягчить и оправдать в глазах читателя необыкновенный ответ Петра на просьбу синода.

«По учреждении Синода, — пишет Пушкин, — духовенство поднесло Петру просьбу о назначении патриарха. Тогда-то (по свидетельству современников — графа

---

[1] «Деяния Петра Великого», т. VII, М., 1789, стр. 209—210.
[2] Там же, стр. 232.

Бестужева и барона Черкасова) Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: «вот вам патриарх» [1].

Повествуя далее в «Деяниях Петра Великого» о том, как сенат и синод поднесли Петру титулы «всероссийского императора», «великого» и «отца отечества», Голиков пишет, что «смиренномудрый государь» отказывался от них и лишь после того, как синод и сенат «со слезами» умоляли его принять эти титулы, согласился принять их «по долгом, однакож, сопротивлении» [2]. Пушкин же вместо этого написал: «Петр *недолго церемонился и принял их*» [3].

После длинного описания церемонии, сопровождавшей провозглашение Петра императором, Голиков живописует:

«Весь Сенат провозгласил трикратно виват, а за ними весь народ, внутрь и вне церкви в великом множестве находившийся, с великим воплем трикратно же повторил оное» [4]. Пушкин вместо всего этого в «Истории Петра» написал: «Сенат (т. е. 8 стариков) прокричали vivat». И замечает: «Петр отвечал речью *гораздо более* приличной и рассудительной, *чем это всё торжество*» [5].

«Весь Сенат» у Голикова — в глазах Пушкина всего только восемь стариков, кричащих к тому же по случаю торжества, которое Пушкин признает мало приличным, а о народе, который, по словам Голикова, «в великом множестве» приветствовал Петра вслед за сенатом, нет у Пушкина — по крайней мере в дошедших до нас строках — ни слова. Это место в «Истории Петра» заставляет вспомнить слова, которыми Пушкин окончил «Бориса Годунова»:

«...Что же вы молчите? Кричите да здравствует **царь...**

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. IX, стр. 413.

[2] «Деяния Петра Великого», т. VIII, М., 1789, стр. 6.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. IX, стр. 413.

[4] «Деяния Петра Великого», т. VIII, М., 1789, стр. 9—10.

[5] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. IX, стр. 414.

Народ *безмолвствует»* [1].

В незаконченном романе «Арап Петра Великого» и в «Полтаве» — произведениях, созданных за семь-восемь лет до подготовительного текста «Истории Петра», — перед читателем является написанный гениальным пером Пушкина портрет Петра Великого, который призван был стать образцом для его царствующего потомка, обещавшего в те годы осуществить новое преобразование России. В своей «Истории» Пушкин стремится как можно глубже постичь и воссоздать исторически верный образ Петра.

Лев Толстой отказался от попытки написать роман о Петре потому, что — говорил он — эта эпоха слишком отдалена от нас и ему было «трудно проникнуть в души тогдашних людей, до того они не похожи на нас» [2].

Пушкин, не прибегая в своей «Истории» к средствам художественного вымысла, стремится понять и изобразить характер, «душу» Петра. Он рисует Петра в действиях, выражающих его личность, идет ли речь о государственных делах или о событиях личной жизни царя, неотделимых от них. Смерть царевича Алексея, процесс первой жены Петра, женитьба его на Екатерине и казнь Монса — все это Пушкин хочет понять, чтобы полнее изобразить исторического деятеля и человека, в душе которого мощно сталкивались и боролись противоречивые начала. Задача эта была смелой — напечатать такую книгу во времена Николая I было невозможно, — однако Пушкин не отказался от решения этой задачи.

Говоря о том, что в пушкинской «Истории» проступает уже образ Петра, мы говорим не об отдельных (хотя бы и замечательных) образных выражениях Пушкина-историка. Когда он пишет о том, что многие

---

[1] Среди слов, изъятых Сербиновичем из «Истории Петра» и остававшихся нам до сих пор неизвестными, мы находим еще восклицание: «фарса!» Трудно сказать, к какому месту «Деяний Петра Великого» следует отнести эту по-пушкински выразительную ремарку. Укажем, однако, для сравнения, что под 1706 годом Пушкин в «Истории Петра» также записал: «Ромодановский произвел Петра из капитанов в полковники... За сию фарсу Петр его благодарил письменно» (стр. 168—169).

[2] «Толстовский ежегодник». М., 1912, стр. 63.

указы Петра были «кажется, *писаны кнутом»,* слова эти красноречиво выражают пушкинскую мысль. Однако подобные образные выражения могли бы встретиться и в «Истории», автор которой не ставит перед собой задачу создать образ героя.

Но вот в записи под тем же 1721 годом (приведенной выше в другой связи) мы читаем у Пушкина: «Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: «Вот вам патриарх». (Стр. 413.) Здесь перед нами одна из сцен, рисующих образ Петра, и мы вправе говорить уже не только об отдельных выразительных оборотах Пушкина-историка.

С первых страниц незавершенной пушкинской книги перед нами в живом изображении является юный Петр. Пушкин показывает его после усмирения одного из стрелецких бунтов, противопоставляя соцарствующему с ним брату Иоанну: в то время, как стрельцы «стояли по обеим сторонам дороги, падая ниц перед государями — Иоанн оказывал тупое равнодушие, но Петр быстро смотрел на все стороны, оказывая живое любопытство». (Стр. 32.)

Изображая Петра, едва не ставшего жертвой нового заговора, когда он во время суда над заговорщиками «занемог горячкою», Пушкин говорит: «многочисленные друзья и родственники преступников хотели воспользоваться положением государя для испрошения им помилования... Но Петр был непреклонен: слабым, умирающим голосом отказал он просьбе и сказал: надеюсь более угодить богу правосудием, нежели потворством». (Стр. 58. Разрядка моя. — *И. Ф.*)

Пушкин подчеркивает противоречие между целями, осуществляемыми Петром, и средствами, которые он применял для их достижения:

«Когда народ встречался с царем, — читаем мы в «Истории Петра» под 1703 годом, — то по древнему обычаю падал перед ним на колена. Петр Великий в Петербурге, коего грязные и болотистые улицы не были вымощены, запретил коленопреклонение, а как народ его не слушался, то Петр Великий запретил уже сие *под жестоким наказанием, дабы,* пишет Штелин, *народ ради его* не марался в грязи». (Стр. 116.)

Мы видим любовь царя к строящемуся Петербургу. Пушкин показывает вместе с тем, как выражается в проявлении этой любви своеобычный характер Петра:

«Петербург, по обстоятельствам утвержденный уже надежно за Россией, быстро отстраивался. Петр прибыл прямо на Васильевский остров, который должен был быть обстроен на манер Амстердама.

Заметя, что каналы у́же амстердамских и справясь о том у резидента Вильда, он закричал: «Всё испорчено» и уехал во дворец в глубокой печали.

Петр жестоко пенял за то Меншикову, — пишет Пушкин. — Архитектор Леблонд советовал сломать дома и завалить каналы и строить все вновь. «Я это думал», — отвечал Петр и после уже никогда о том не говорил. . .» (Стр. 396.)

Пушкин приводит изречения, передающие широту характера Петра: из Польши он писал Апраксину: «Здесь. . . еще все дело, как брага, бродит, и не знаем, что будет. Но ежели несчастия бояться, то и счастия не будет». (Стр. 180.) Он рисует черты великодушия Петра и в то же время пишет (в связи с делом первой, постриженной в монахини жены Петра, которая была высечена кнутом): «Петр хвастал своей жестокостию: «Когда огонь найдет солому, — говорил он поздравлявшим его, — то он ее пожирает, но как дойдет до камня, то сам собою угасает». (Стр. 390.)

Пушкин изображает Петра, женившегося на «мариенбургской девке» (Екатерине), которую он полюбил, и пишет о том, как Петр повез Екатерину, когда она изменила ему, вокруг эшафота, на котором торчала голова ее любовника Монса. Пишет наконец о том, что «кажется, при смерти помирился он с виновною супругою». (Стр. 461.)

Мы видим — очень многое для создания образа Петра взято Пушкиным не из панегирически представленных читателю Голиковым «Деяний Петра Великого». Но даже там, где Пушкин пользуется материалами этого источника, мы вправе, говоря о том, что Пушкин сделал с ними, вспомнить слова, которые повторял Чехов: «Ведь сделать из мрамора лицо — это значит удалить из этого куска то, что не есть лицо».

На страницах незавершенной пушкинской книги перед нами является образ времени и Петра, каким его видел Пушкин в последние годы своей жизни.

О своей исторической трагедии «Борис Годунов» Пушкин писал, что он стремился в ней «облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории» [1]. Драма самой истории открывается нам в его «Истории Петра», облекаемая уже в ряде мест в формы строго исторического и вместе с тем художественно строящегося повествования.

Пушкин намечает изображение Петра в действии, в противоречиях, в борьбе с врагами и препятствиями. Образ Петра создавал историк, не прибегающий к средствам художественного вымысла, но обогащенный художественным опытом прозаика и драматурга.

Пушкин — историк Пугачева написал *историю* Пугачева и *роман* «Капитанская дочка». В «Истории Петра» наметился синтез исторической прозы и прозы художественно-исторической. Этот синтез отвечал требованиям развития новой, создаваемой великим писателем-реалистом классической русской литературы.

В русской литературе непосредственным предшественником Пушкина в области художественной истории был Карамзин.

Но от «Истории» реакционно мыслящего Карамзина, в глазах которого русская государственность была неотделима от самодержавия, незавершенную книгу Пушкина отличает, прежде всего, прогрессивность пушкинского патриотизма. Отличительной чертой его является глубокий критицизм, в силу которого труд поэта во времена самодержавия опубликован быть не мог.

Пушкин не разделял исторических взглядов Карамзина, но в «Истории Государства Российского» видел «создание великого писателя» [2]. Высоко ценил Пушкин старую «Историю Руссов», приписывавшуюся в то время перу Георгия Конисского. Множество мест в этой

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 164.

[2] Там же, т. VIII, стр. 68.

книге — замечает Пушкин — «суть картины, начертанные кистию великого живописца» [1].

В сознании читателей пушкинского времени жанр художественной истории требовал от автора не только исторических картин, но и драматического повествования о событиях изображаемой эпохи. (Недаром в одной из своих статей Пушкин говорит о предисловии Карамзина, «столь много критикованном и столь еше мало понятом», приводя из него слова об «истории, где ищем действия и характеров» [2].)

Достаточно, однако, сравнить замечательный, хотя и незавершенный Пушкиным рассказ о смерти Петра или строки, посвященные им делу царевича Алексея, с изображением смерти Грозного, или сценой сыноубийства в «Истории» Карамзина, и мы увидим, что, несмотря на литературные достоинства этих страниц Карамзина, они представляют собой по сравнению с незавершенной исторической прозой Пушкина то же, что историческая мелодрама в сравнении с трагедией.

Тема «Пушкин в работе над Историей Петра» не может быть сведена к проблеме Пушкин-историк, она включает в себя историко-литературную проблему: Пушкин историк-художник. «История Петра» должна была явиться новым словом в развитии жанра художественной истории; в ней сказались реализм исторического мышления Пушкина и глубоко раскрывающее действительность реалистическое искусство, создателем которого явился великий русский поэт. В том же 1835 году, когда Пушкин создавал «Историю Петра», Белинский в статье «О русской повести. . .» писал, задумываясь о будущем литературы: «. . .кто знает? может быть некогда история сделается художественным произведением и сменит роман, так, как роман сменил эпопею? . .» [3]

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 336.

[2] Там же. стр. 138.

[3] В. Г. Белинский. Собрание сочинений. Под ред С. А. Венгерова. Т. II, СПб, 1900, стр. 194.

ПУШКИН В РАБОТЕ НАД ИСТОРИЧЕСКИМИ ИСТОЧНИКАМИ

Каков же был круг исторических источников, к которым Пушкин обратился, работая над созданием «Истории Петра»? И верно ли прежде всего, что «до конца своей жизни Пушкин считал себя плохо ориентированным в литературе эпохи Петра I»? [1]

Для ответа на этот вопрос, т. е. для того, чтобы установить круг печатных источников, с которыми ознакомился Пушкин, мы имеем возможность обратиться к изучению сохранившейся библиотеки поэта.

Нужно, кроме того, осветить вопрос об архивных источниках, охваченных Пушкиным. Мы располагаем сведениями о том, в какие архивы допущен был Пушкин для работы над «Историей Петра». Сохранились до нашего времени и самые архивные дела, скрывавшиеся в этих архивах. Важнейшие дела петровского времени находятся ныне в Москве, в Центральном государственном архиве древних актов. И мы можем в нужных случаях, — например, для ответа на вопрос, видел ли Пушкин подлинное дело царевича Алексея и воспользовался ли он почерпнутыми в петровских архивах данными, — сличить текст пушкинской «Истории Петра» с этими архивными делами.

Известно, что Пушкин получил с разрешения Ни-

[1] См. П. Попов. «Пушкин в работе над «Историей Петра». «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 476.

колая I доступ в библиотеку Вольтера, хранившуюся в императорском Эрмитаже и в то время никому не доступную. Необходимо поэтому выяснить, воспользовался ли Пушкин редкими рукописями, собранными Вольтером в период работы над книгой о Петре Великом, которые поступили в Петербург вместе с купленной Екатериной II библиотекой Вольтера и хранятся ныне в составе фондов Отдела редкой книги Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

Пушкин пользовался, кроме того, частными собраниями исторических материалов. Ему могло быть доступно, например, собрание Погодина, получившее в дальнейшем известность под именем «Древлехранилища», которое находится ныне в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. В состав погодинского «Древлехранилища» входило «Собрание книг, печатанных при Петре Великом» и целый ряд рукописных источников по истории петровского времени, в том числе упомянутый уже нами дневник Патрика Гордона в рукописном немецком переводе Стриттера, «выпиской» из которого пользовался Пушкин [1].

Некоторые из этих материалов находились в собрании Погодина уже в те годы, когда Пушкин работал над «Историей Петра», и Погодин, которого Пушкин стремился привлечь к совместной работе над подготовкой архивных исторических материалов, несомненно ознакомил Пушкина с рукописями своего собрания. Когда «Древлехранилище» разрослось, Погодин опубликовал в «Московских ведомостях» его состав и объявил его открытым «для всех занимающихся историей» [2].

Как видим, база для выяснения вопроса о том, с каким кругом источников ознакомился Пушкин, достаточно широка. Попытаемся установить круг этих источников.

---

[1] См. реестр погодинского «Древлехранилища» под № 2038.

[2] См. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. X, СПб, 1896, стр. 442.

БИБЛИОТЕКА ПУШКИНА

Библиотека Пушкина является ныне украшением Пушкинского дома Академии наук; почти полвека назад вышло в свет прекрасное библиографическое описание ее, составленное Б. Модзалевским. Между тем изучена она до сих пор мало; с интересующей же нас точки зрения библиотека Пушкина не была изучена совсем.

В статье «Исторические воззрения Пушкина», написанной вскоре после выхода из печати описания пушкинской библиотеки, специалист в области русской историографии В. Иконников верно заметил, что занятия поэта «историей Пугачевского бунта и Петра Великого... обозначаются приобретением важнейших сочинений, относящихся к этим эпохам, имеющихся в русской и иностранной литературе» [1]. Место, занимаемое сочинениями, касающимися истории Петра, в библиотеке Пушкина, обращает на себя внимание уже при ознакомлении с каталогом ее.

Большая часть книг, входивших в состав библиотеки поэта, уцелела, хотя до начала нынешнего столетия, т. е. до того, как библиотека была приобретена Академией наук, она хранилась плохо. «Мы слышали, например, — сообщал Б. Модзалевский в предисловии к своему описанию ее, — что некоторое время, уже по выходе Н. Н. Пушкиной за П. П. Ланского, библиотека помещалась в подвалах казарм лейб-гвардии Конного полка (которым Ланской командовал в 1844—1853 годах)» [2]. В последующие годы библиотека перевозилась из имения в имение сыном поэта. При одном из таких перемещений ее в 90-х годах и был забыт, как уже упоминалось, в лопасненской усадьбе хранившийся там в это время вместе с книгами Пушкина ящик, содержавший рукописи «Истории Петра». К 1900 году библио-

---

[1] В. Иконников, «Исторические воззрения Пушкина». «Военно-исторический вестник», 1911, кн. 9—10, стр. 21.

[2] Б. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание». «Пушкин и его современники». Материалы и исследования. Вып. IX—X, СПб, 1910, стр. XI.

тека поэта «оказалась в довольно плачевном состоянии: многие книги были попорчены сыростью и мышами», и «в ней сохранилось далеко не все, чего можно было ожидать: многих книг, вне всякого сомнения бывших у Пушкина, в ней не оказалось» [1].

В наше время все сохранившиеся книги пушкинской библиотеки тщательно реставрированы. А обнаруженные в дальнейшем материалы позволили опубликовать перечень ряда книг, в ней ныне отсутствующих, но входивших в состав библиотеки при жизни поэта [2]. В этом перечне мы также встречаем сочинения, относящиеся к истории Петра.

В состав библиотеки Пушкина входили, кроме печатных, старинные рукописные книги [3]. Это также следует иметь в виду; сохранившиеся счета букинистов дают нам возможность установить, что Пушкин приобретал для своей библиотеки и рукописные книги о Петре и Екатерине, стоившие много дороже печатных. Кроме названной в одном из таких счетов «Истории Петра I» Феофана Прокоповича и печатного же описания коронации Екатерины (совершенной, как известно, 7 мая 1724 года, по желанию Петра), в счетах этих названы: рукописная «Жизнь Петра» — «писанная» (цена 50 рублей) и «Жизнь Екатерины» — «писанная» (цена 50 рублей) [4].

Помимо книг о Петре, входивших в состав библиотеки поэта, мы располагаем сведениями о редких книгах, Пушкину не принадлежавших, которые поэт имел возможность достать и изучить.

---

[1] Б. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание». Предисловие. «Пушкин и его современники». Материалы и исследования. Вып. IX—X. СПб, 1910, стр. XI и XII.

[2] Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина. Новые материалы». «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 1005 и след.

[3] См. письмо В. А. Жуковского к Бенкендорфу (февраль—март 1837), где он сообщает о «рукописных старинных книгах», которые «принадлежат библиотеке» Пушкина. Опубл. в книге П. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина. Исследования, статьи, материалы». Изд. 3-е, М.—Л., 1928, стр. 243.

[4] См. счета букинистов, поданные Пушкину 22 февраля и 5 мая 1833 года и 6 сентября 1835 года. Напечатаны в «Литературном архиве». Изд. Академии наук СССР, 1, 1938, стр. 39.

К тому времени, когда Пушкин начал свой труд, литература о Петре была уже весьма обширна.

Ломоносов в «Слове похвальном Петру Великому», произнесенном в 1755 году, писал [1]: «Приняла новый вид Россия»... «Отверсты внутренности гор сильною и трудолюбивою его рукою. Проливаются из них металлы». Петр создал новое войско и новый флот: на всех морях «видим распущенные российские флаги» и «чудные крепости, летающие чрез волны». «Основаны науки и художества». Петр «с простыми людьми, как простой работник трудился»; войско видело «лицо его пылью и потом покрытое». «Не могу сам себя уверить, что один везде Петр», а не многие, — говорит Ломоносов, удивляясь всеобъемлющей деятельности Петра.

Вдохновенные строки Ломоносова отозвались в 20-е годы следующего века в пушкинских стихах. Но в своем «Слове» Ломоносов именует Петра человеком, «богу подобным». И Пушкин, сознавая историческое значение «Слова», не мог не относить его, конечно, к числу произведений тех писателей, которые, по словам великого поэта, с пристрастием осыпали похвалами все действия Петра.

Оценка Петра с позиций революционных получила выражение в радищевском «Письме к другу...», напечатанном в 1790 году, строки из которого мы уже приводили [2]. Взгляды декабристов на Петра находили себе во времена Пушкина главным образом устное выражение. Главным образом, но не исключительно. В 1951 году нашлась остававшаяся больше ста лет неизвестной рукопись лекции, прочитанной В. Кюхельбекером в Париже в 1821 году. «Петр I, — говорится в ней, — которого по многим основаниям назвали Великим, опозорил цепями рабства наших землепашцев» [3].

---

[1] В сохранившемся в пушкинской библиотеке собрании сочинений Ломоносова «Слово похвальное...» находится в т. II, на стр. 365—412 (библиотека Пушкина, № 218).

[2] «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего». Санктпетербург, 1790.

[3] См. «Литературное наследство», № 59, 1954, стр. 380. Публикация П. Бейсова.

Декабрист Фонвизин позднее писал в своих записках, что «гениальный царь не столько обращал внимание на внутреннее благосостояние народа, сколько на развитие исполинского могущества империи... и не только ничего не сделал для освобождения крепостных, но... еще усугубил тяготившее их рабство» [1].

Кроме критики революционной, существовала также критика, осуждавшая Петра с позиций реакционных, нашедшая свое выражение в неизданной «Записке о Древней и Новой России» Карамзина, в запрещенных записках княгини Дашковой и в рукописных «рассуждениях» князя Щербатова.

Пушкину известна была не только карамзинская критика — та «нерасположенность» историографа к Петру, о которой упоминала, касаясь работы Пушкина над «Историей Петра», вышедшая в год смерти поэта книга Кенига — Мельгунова. Он хорошо был знаком с записками Дашковой, содержащими страницы, резко критикующие Петра и те методы, при помощи которых Петр совершал свои преобразования. Записками Дашковой Пушкин пользовался, как мы знаем, работая над статьей о Радищеве. Выдержки из запрещенных записок ее сохранились в бумагах поэта [2].

Что касается неизданных сочинений князя Щербатова, высоко ценившего Петра, но вместе с тем критиковавшего его со «стародворянских» позиций, то весьма вероятно, что Пушкин мог знать о них от Чаадаева (родного племянника князя Щербатова), с которым вел долгие беседы и споры о Петре. Пушкина, не разделявшего взглядов Щербатова, должна была привлечь самая резкость его критики и сообщаемые им исторические данные и черты, о которых умалчивала официальная историография; вспомним, что рассуждение Щербатова «О повреждении нравов в России» было

---

[1] См. «Обозрение проявлений политической жизни в России» М. Фонвизина. «Библиотека декабристов», вып. 4, М., 1907, стр. 10 и 13.

[2] См. «Дневник А. С. Пушкина». Государственное издательство, М—П., 1923, стр. 191.

напечатано впервые, так же как и записки Дашковой, Герценом в «Вольной русской типографии» [1].

Пушкину были, разумеется, хорошо известны взгляды на Петра, высказанные Вольтером, Монтескье, Мабли и Руссо. Изложение взглядов французских просветителей мы находим и в голиковских «Деяниях Петра Великого»; с писателями этими Голиков спорит, там где они критикуют Петра. Изложению и критике взглядов Мабли, например, он отводит в «Деяниях Петра Великого» целых 50 страниц [2].

Вольтер всецело защищал Петра и его преобразования, возражая тем писателям, которые, как язвительно замечает он, видели в Петре только варвара, размахивающего топором то, чтоб рубить головы, то, чтоб рубить леса. Но Мабли, оценивая, так же как и Вольтер, Петра высоко, упрекает его в том, что он принял Западную Европу за образец, не подумав, заслуживает ли она в самом деле такой чести.

Монтескье в своем «Духе законов» сочувствует стремлению Пётра просветить русский народ и двинуть его вперед по пути цивилизации, но пишет вместе с тем о тирании Петра и о коренном непонимании Петром средств, какими следовало осуществлять намеченные им цели. Он считает, что если Петр и добился результатов, то это произошло независимо от варварских приемов, к которым прибегал Петр, ибо русские отнюдь не нуждались в царской дубинке.

Был известен Пушкину, разумеется, и безнадежный, нигилистический взгляд на Петра, высказанный в «Общественном договоре» Руссо. «Энциклопедия» Дидро, признавая большие достоинства Петра, достаточно

---

[1] Рукопись Щербатова «Примерное времяисчислительное положение, во сколько бы лет при благополучнейших обстоятельствах могла Россия сама собою, без самовластия Петра Великого, дойти до того состояния, в каком она ныне есть в рассуждении просвещения и славы» и его же «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого» увидели свет еще позже, так как были после 1812 года затеряны.

[2] См. «Деяния Петра Великого». Т. IX. М., 1789, стр. 415—464.

ясно указывала на существеннейшие недостатки его деятельности. Сочинения виднейших представителей французского просвещения сохранились в библиотеке Пушкина, но нет необходимости доказывать ссылками на тома и страницы знакомство Пушкина с ними.

Пушкин выработал свои, глубоко оригинальные взгляды на Петра, зная взгляды, высказывавшиеся писателями XVIII столетия, русскими и иностранными, необходимость критического отношения к которым он так ясно подчеркнул в словах, сказанных им незадолго до смерти Д. Е. Келлеру и приведенных нами уже в начале настоящей книги.

Основой для выработки взглядов Пушкина было изучение первоисточников, к которым он обратился, подготовляя «Историю Петра». Какие же печатные источники сохранились в библиотеке Пушкина, помимо широчайшим образом использованного голиковского свода, вопрос о котором будет рассмотрен нами, ввиду важного значения его для работы Пушкина, в особой главе? [1]

Это, прежде всего, «Журнал, или поденная записка... Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадтского мира» [2].

«Журнал Петра Великого», изданный князем Щербатовым полвека спустя после смерти Петра, является, по словам историков, сочинением, на которое мы имеем право смотреть как на труд самого Петра [3]. «Журнал» этот представляет собой не что иное как Историю Свейской (т. е. шведской) войны, которую Петр вел на протяжении большей части своего царствования.

Над подготовкой этой «Истории» трудились Феофан Прокопович, барон Гюйссен, кабинет-секретарь Мака-

---

[1] В библиотеке Пушкина сохранились томы II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX и X «Деяний Петра Великого». Том I, также использованный Пушкиным, отсутствует.

[2] «Часть первая. В Санктпетербурге. При императорской Академии наук. 1770» и «Части второй Отдел 1-й», вышедший в 1772 году (библиотека Пушкина, №№ 433 и 434).

[3] Н. Устрялов. История царствования Петра Великого. Т. I, СПб, 1858, стр. XXXV, а также Е. Шмурло, «Петр Великий в оценке современников и потомства». СПб., 1912, стр. 10 (первой пагинации).

ров, Шафиров и некоторые другие ближайшие сотрудники Петра. В архиве Кабинета Петра Великого хранились восемь предварительных редакций этого труда, из которых пять правлены рукой самого Петра.

Ознакомившись по возвращении из Персидского похода с редакцией «Гистории Свейской войны», подготовленной в результате четырехлетней работы Макаровым, Петр «с свойственным ему жаром и вниманием прочитал все сочинение с пером в руке и не оставил в нем ни одной страницы неисправленною... Немногие места работы Макарова уцелели; все важное, главное принадлежит самому Петру, тем более что и статьи, оставленные им без изменения, выписаны редактором из его же черновых бумаг или из журналов, правленных его собственною рукою» [1]. Петр придавал этому труду большое значение и, занимаясь им, назначил для своих исторических занятий особый день — субботнее утро.

Из сказанного не трудно понять важность, какую представляло для Пушкина знакомство с «Журналом» Петра. Заметим, что А. Н. Вульф видел «Журнал Петра Великого» на рабочем столе поэта уже в Михайловском, в сентябре 1827 года.

Важнейшим источником должно было явиться для Пушкина собрание писем Петра. «Он, — вспоминал Леве-Веймар, общавшийся с поэтом в 1836 году, — разыскал переписку Петра Великого включительно до записок..., которые тот писал каждый день генералам, исполнявшим его приказания» [2].

И хотя из полутора тысяч писем Петра, напечатанных в голиковских «Деяниях», в библиотеке поэта сохранились только первые 445 писем, вошедшие в десятый том «Деяний», нет никакого сомнения, что Пушкин ознакомился и с остальными письмами Петра, опубликованными в XI и XII томах «Деяний Петра Великого».

---

[1] Н. Устрялов. История царствования Петра Великого. Т. I, СПб, стр. XXXV.

[2] См. П. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Исследования, статьи, материалы. Изд. 3-е, т. I, М.—Л., Государственное издательство, 1928, стр. 416 (перевод статьи Леве-Веймара, напечатанной в «Журналь де Деба», 3 марта 1837 г.).

«Большую часть писем сих, — замечает Голиков, — великий государь писал, будучи в воинских походах морских и сухопутных, в путешествиях своих внутрь и вне государства — на почте при перемене лошадей, даже и при самых сражениях с неприятелями, и словом отовсюду, где он ни находился, не отлагая встречающихся ему мыслей до другого времени или места» [1].

Вслед за тем Голиков указывает, где почерпнул он публикуемые им письма Петра, поскольку он далеко не ограничился перепечаткой писем, ранее уже изданных, каковы, например, письма Петра к Шереметеву (значительная часть которых — до средины 1709 года — вошла в издание Голикова). «Всех паче обогатил собрание мое», — говорит Голиков, — Александр Петрович Курбатов, который переписал своей рукой с оригиналов более 900 писем Петра Великого [2]. Предисловие Голикова облегчало Пушкину возможность ориентироваться в источниках, содержащих многочисленные письма Петра. Это следует отметить, так как Пушкин не только знал напечатанную переписку Петра, но и стремился ознакомиться с подлинными письмами его. Известно, что Пушкин получил подлинники четырех писем Петра к кн. В. В. Долгорукову от одного из потомков последнего [3].

Вышедшее в 1830 году «Полное собрание законов Российской империи» в библиотеке поэта не сохранилось. Но известно, что Николай I прислал его Пушкину

---

[1] «Деяния Петра Великого». Т. X, М., 1788, Предисловие, л. 2, об.

[2] См. там же, л. 3, об.

[3] Пушкин знал, вне сомнения, письма Петра к Шереметеву, напечатанные в 1774 году: в «Истории Петра» он ссылается на «Миллерову «Историю Шереметева» (стр. 367), называя так жизнеописание Шереметева, напечатанное Миллером в виде обширного введения к собранию писем Петра Великого к Шереметеву. А на изданные в 1778—1779 годах в четырех частях письма Шереметева к Петру Великому Пушкин указывает, отмечая необходимость использовать их при изображении пребывания Карла XII в Бендерах; найдя у Голикова ссылку на эти письма, он пишет: «смотри... письма Шереметева. Ч. III...» (Стр. 313.)

в подарок[1]. На страницах полного собрания законов с большой полнотой отражена деятельность Петра, многие законы писались под его диктовку или даже его рукой.

Если мы вспомним, что в подготовительном тексте «Истории Петра» Пушкин перечисляет, начиная с 1698 года вплоть до конца петровского царствования, под каждым годом важнейшие указы Петра с целью использовать их в окончательном тексте своей «Истории», то убедимся в важном значении, какое должно было иметь для Пушкина «Полное собрание законов Российской империи» как источник исторический[2].

Воспоминания современников, близко стоявших к Петру, именуемые большей частью на языке того времени историческими анекдотами, привлекали, как известно, особое внимание Пушкина. Мы приводили уже свидетельства о том, что «его голова была наполнена характеристическими анекдотами всех знаменитых лиц последнего (то есть XVIII. — *И. Ф.*) столетия» и что Пушкин любил рассказывать черты из жизни Петра. О записанных Голиковым «неизданных повествованиях», составивших в его «Дополнениях к деяниям Петра Великого» целый том «Анекдотов, касающихся до сего великого государя», будет сказано более подробно в главе об использовании Пушкиным голиковских «Деяний». Помимо голиковского собрания анекдотов о Петре, Пушкин знал, конечно, анекдоты, записанные Штелином. В библиотеке поэта сохранилось третье издание их в четырех частях, куда входят 356 анекдотов[3].

---

[1] См. письмо Бенкендорфа Пушкину от 17 февраля 1832 г. и ответное письмо Пушкина от 24 февраля, где он указывает, что подарок этот будет использован им «для совершения предпринимаемого... труда» (т. е. для написания «Истории Петра»). См. Полное собрание сочинений Пушкина в 16 томах. Изд. Академии наук СССР, т. XV, стр. 12 и 14.

[2] Указы, изданные Петром I в 1700—1725 годах, входят в томы IV, V, VI и VII «Полного собрания законов Российской империи».

[3] «Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелином. Третье издание, вновь исправленное. Москва... 1830» (библиотека Пушкина, № 432).

Приехав в Россию через десять лет после смерти Петра, Штелин прослужил в России полстолетия, став профессором и секретарем Академии. Он писал о театре и музыке, печатал географические статьи, но главной работой его оказалось обширное собрание анекдотов, записанных им со слов здравствовавших еще в его время современников и сподвижников Петра. Штелин указывает в каждом случае, с чьих слов записаны им эти рассказы. Не все в них достоверно, но многое соответствует истине и потому привлекло внимание Пушкина.

Перечисляя в своей «Истории Петра» «особ, доставивших важнейшие сведения Голикову», Пушкин называет на первом месте Неплюева. (Стр. 11.) Со слов последнего были записаны, например, Голиковым, как он сам отмечает [1], подробности пребывания Петра в Париже в 1717 году. Рассказы Неплюева о Петре были напечатаны в «Отечественных записках» в 1823—1826 годах (части 16, 19—21, 23—25). Из них части 19—21 и 23—25, вышедшие в 1824—1826 годах, сохранились в библиотеке поэта [2]. Рассказы Неплюева о Петре, таким образом, несомненно были известны Пушкину. В одном из них Неплюев вспоминает, как он представлялся царю вместе с другими гардемаринами, вернувшимися из-за границы:

«. . .я стал на колени, а государь, обратив руку правою ладонью, дал мне поцеловать, и при том изволил молвить: «видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли, а все от того: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству» [3].

Анекдоты о Петре, записанные по собственным воспоминаниям главным токарем и механиком Петра Великого Андреем Нартовым и пополненные впоследствии его сыном рассказами, взятыми из других источников, появились в 1819 году в «Сыне отечества» под именем «Достопамятных повествований и речей императора Петра Великого». «Повествования» или анек-

---

[1] «Деяния Петра Великого», т. V, М., 1788, стр. 318.

[2] Библиотека Пушкина, №№ 489—491.

[3] «Сын отечества», 1825, ч. 21, стр. 439.

доты эти Пушкин прочел, повидимому, и, конечно, запомнил еще в Петербурге, до ссылки на юг. Многое из них он вспоминал, когда работал впоследствии над подготовительным текстом своей «Истории Петра», встречая у Голикова эпизоды, переданные в «достопамятных повествованиях» Нартова. Таковы рассказы о том, как досадовал Петр, найдя, что каналы, построенные в Петербурге под смотрением Меншикова, оказались узкими, как чествовал Петр первый ботик, назвав его «дедушкой русского флота», и проч. «Сын отечества» за 1819 год в библиотеке поэта не сохранился (в ней уцелели номера журнала за 1820 год), но едва ли можно сомневаться в том, что напечатанные здесь рассказы Нартова Пушкин прочел.

Сохранилась в пушкинской библиотеке также книга «Кабинет Петра Великого», изданная императорской Академии наук унтер-библиотекарем Осипом Беляевым [1]. В ней содержится «подробное описание воскового его величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий и всех вообще достопамятных вещей, лично великому сему монарху принадлежавших и ныне в Санктпетербургской императорской Академии наук Кунсткамере сохраняющихся. . .»

В книге этой помещено изображение Петра, сидящего на троне, гравированное изображение лошади и двух собак его.

Восковую статую Петра, одетую в голубой кафтан, Пушкин видел, несомненно, в Петербургской кунсткамере. Рассказывая о Каспийском походе 1722 года, Пушкин в своей «Истории» заметил: «Петр обрезал свои длинные волосы и сделал из них парик, ныне видимый на его кукле». (Стр. 429.) (Ее можно видеть в Государственном Эрмитаже и поныне.)

Лошадь Петра, чучело которой также сохранилось в кунсткамере, — тот самый конь, который был под Петром в Полтавской битве. «Лошадь сия, — сказано в книге Беляева, — есть жеребец персидской породы, на которой государь был во многих сражениях». «Ежели

---

[1] Библиотека Пушкина, № 58.

верить некоторых преданию, лошадь сия, кроме стройного и красивого своего стана, была толико крепкого сложения, что могла в один день перебегать 150 верст без всякого при том себе труда и надсады»[1]. «Шерсть на ней бурая; станом тонковата и невысока... Стремена железные, едва на пол-фута от земли висящие, кои служат доказательством сколь величественного государь был роста»[2].

В «Журнале Петра Великого», в письмах Петра, в указах его, помещенных в собрании законов, в анекдотах, записанных со слов его сподвижников, говорят о себе потомству сам Петр и его сторонники.

Изданная только век спустя после того, как она была написана, книга Ивана Кирилова, который является, по словам его биографа, «одним из оригинальнейших и замечательных деятелей, выдвинувшихся в эпоху Петра Великого»[3], вышла в свет в 1831 году под названием «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий...» Эта изданная Погодиным книга была хорошо известна Пушкину и сохранилась в его библиотеке[4]. Старая «статистика» Кирилова дает ясное обозрение состояния России, преобразованной реформами Петра. Напечатана она была в 1831 году, по рукописи, принадлежавшей некогда Голикову и находившейся в его библиотеке. Если мы вспомним, что программа «Введения» в «Историю Петра», написанная Пушкиным, содержит такие пункты, как «Россия внутри, Подати, Торговля» и проч., то увидим, каким важным источником сведений должна была послужить Пушкину книга Кирилова.

В библиотеке Пушкина сохранился целый ряд печатных источников, знакомство с которыми было необ-

---

[1] О. Беляев. «Кабинет Петра Великого». Отделение первое. СПб., 1800, стр. 183.

[2] Там же, стр. 181 и стр. 182—183.

[3] См. статью П. П. Павлова-Сильванского в «Русском биографическом словаре». СПб., 1897, т. «И.—К», стр. 666—668.

[4] Библиотека Пушкина, № 186.

ходимо ему для изучения сменявших друг друга периодов и отдельных событий петровского царствования.

В десятитомном «Собрании разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Петра Великого», составленном Ф. Туманским [1], Пушкин мог прочесть работы Г. Миллера о рождении, воспитании и «первом воцарении» Петра Великого, «О венчании царским венцом» Иоанна и Петра, а также «Известие о начале Преображенского и Семеновского полков гвардии» [2].

В разговоре с Келлером Пушкин, упомянув о работах Миллера, сказал: «Весьма часто делал я себе вопросы об исторических фактах и находил им разрешение в бумагах этого ученого. К сожалению многие произведения до сих пор не вышли в печать», — добавил Пушкин [3]. Не приходится сомневаться поэтому, что напечатанные статьи Миллера Пушкин знал.

В том же сборнике Туманского напечатаны говорящие о стрелецких мятежах записки Сильвестра Медведева, жаркого сторонника царевны Софьи, который был казнен как «единомышленник князя Андрея Хованского», и записки графа Матвеева — сына знаменитого боярина, погибшего в начале мятежа. Автор этих записок граф Андрей Артамонович — воевода и посол Петра при европейских дворах, был, в отличие от Медведева, приверженцем Петра и потому освещает события, разумеется, совсем иначе, нежели Сильвестр Медведев.

Рукописная записка Матвеева вместе с рукописным

---

[1] Библиотека Пушкина, № 392. В библиотеке поэта сохранились чч. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10. Сборник вышел в Петербурге в 1787 году. В рукописи своей «Истории Петра» Пушкин ссылается на часть пятую сборника Туманского, что, по верному замечанию П. Попова, указывает на неправильность мнения Б. Модзалевского, считавшего пушкинский экземпляр сборника «совершенно нечитанным». (См. «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 471.)

[2] Эти работы перепечатаны Туманским из «Опыта трудов вольного российского собрания» в томе V его сборника, на который ссылается Пушкин, и в томе VII.

[3] Сочинения А. С. Пушкина под ред. П. Ефремова. СПб., изд. А. С. Суворина, т. VIII, 1905, стр. 587.

же «Описанием дел Петра Великого» П. Крекшина и донесением датского резидента Бутентата фон Розенбуша о событиях, совершившихся в Москве в средине мая 1682 года, послужили источником Ломоносову при составлении им «Описания стрелецких бунтов и правления царевны Софьи». Эта работа Ломоносова, напечатанная впервые только в 1952 году, в советском академическом издании его сочинений представляет собой «экстракт», пересланный из России Вольтеру в период подготовки последним его «Истории России в царствование Петра Великого» [1].

«Включенная в «Историю» Вольтера работа Ломоносова стала достоянием широких читательских кругов Западной Европы», поскольку «во многих случаях текст Вольтера почти дословно воспроизводит сочинение Ломоносова» [2]. Хорошо зная книгу Вольтера, Пушкин имел, таким образом, возможность почерпнуть и в ней сведения о стрелецких мятежах, собранные Ломоносовым на основе записок Матвеева и других источников.

Рукописное сочинение Крекшина Пушкин читал в Государственном архиве (и, как увидим далее, повидимому брал к себе на дом). Вслед за Голиковым Пушкин излагает некоторые сведения, попавшие в «Деяния Петра Великого» из рукописи Крекшина. Но в то время, как Голиков повторяет эти сведения, Пушкин отнесся к ним критически.

«Голиков слепо поверил выдумке Крекшина», — замечает, например, Устрялов, приводя рассказ последнего о том, как десятилетний Петр, присутствовавший при знаменитом «словопрении» о вере, — «повеле изгнати еретиков вон» [3].

Пушкин же, рассказав о том, что стрельцы вошли в

---

[1] См. М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Изд. Академии наук СССР, т. VI, 1952, стр. 132—161. Редакторы тома — Б. Д. Греков и А. И. Андреев. Работа Ломоносова напечатана по рукописи посланного Вольтеру французского перевода ее, так как русский оригинал не сохранился.

[2] См. там же, стр. 570; комментарий В. Р. Свирской.

[3] Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, Т. I, СПб, 1858, стр. 288.

церковь «с налоем и свечами и с каменьями за пазухой», и о том, как начался этот «феологический спор», пишет: «Настает шум, летят каменья (сказка о Петре, будто бы усмирившем смятение). Бояре, — поясняет Пушкин, — при помощи стрельцов-нераскольников изгоняют наконец бешеных феологов» (т. е. теологов). (Стр. 25.)

В библиотеке Пушкина есть книга, им разрезанная, в которой сохранилось оставленное нам современником изображение одиннадцатилетнего Петра. В книге этой помещено описание путешествия Мейерберга по России, совершенного в средине XVII столетия [1]. Но в приложении даны выдержки из дневника Кемпфера, назначенного в 1681 году секретарем при Шведском посольстве в Россию и Персию.

Кемпфер видел в Москве юного Петра при представлении посольства царям Иоанну и Петру в 1683 году: «Оба их величества сидели не посредине... залы... на двух серебряных епископских креслах... Старший сидел почти неподвижно, с потупленными, совсем почти закрытыми глазами опущенною низко шапкою; младший, напротив того, взирал на всех с открытым прелестным лицом, на коем при обращении к нему речи, беспрестанно играла кровь юношества...» [2] Кемпфер описывает Кремль, вид, вооружение и знамена стрельцов [3]; картина эта, разумеется, не могла не заинтересовать Пушкина.

Истории азовских походов посвящены две книги, сохранившиеся в пушкинской библиотеке. Одна из них носит название, достаточно ясно передающее ее содержание: «Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города и торжественное оттуды с победоносным воин-

---

[1] Библиотека Пушкина, № 235. «Барон Мейерберг и путешествие его по России. С присовокуплением рисунков, представляющих виды, обряды, портреты и т. п. в продолжение сего путешествия собранных». Издана Федором Аделунгом. Перевод с немецкого. Санктпетербург, 1827.

[2] См. названную книгу, изданную Аделунгом, стр. 337—338.

[3] Там же, стр. 334—341.

ством возвращение в Москву... Издал в свет Василий Рубан»[1].

При описании в этой книге Азовского триумфа, когда вслед за победителями провезен был по Москве изменивший Петру под Азовом офицер-иностранец Якоб Янсен, выданный турками после сдачи Азова, на странице 192 мы читаем:

«Телега намощена тесом и поставлены рели, а на релях по столпам воткнуты по обе стороны два топора, два ножа, повешены два хомута, десять плетей, двои клещи, два ремня, а Якушка в турецком платье, голова в чалме обвита по-турецки, руки и около поясницы окован цепями, на шее петля, на грудях бумажное зерцало, на перекладе веревка петлею и ложена на шею... На зерцале на груди написано: *злодей*».

Пушкин внес в свою «Историю Петра» эту выразительную деталь Азовского триумфа, которую мог почерпнуть из приведенного описания[2].

Вторая сохранившаяся в библиотеке поэта книга, посвященная Азовским походам, называется «Кратким описанием всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу»[3]. Книга эта, при которой приложен «План осады и взятия Азова в 1696 году», представляет собой сделанный И. К. Таубертом перевод труда академика Байера, использовавшего неизданный дневник генерала Патрика Гордона.

Дневник, который вступивший в русскую службу в 1661 году шотландец Патрик Гордон вел на протяжении четырех десятилетий, является важным источником для начального периода истории петровского царствования. Заслуги Гордона в Азовскую кампанию и решительность, проявленная им при разбитии мятежных стрельцов в 1698 году, в бытность царя за границей, по-

---

[1] Книга издана в Санктпетербурге в 1773 году (библиотека Пушкина, № 334).

[2] Как и в сборнике Туманского (ч. V, стр. 43), на который указывает П. Попов. (См. «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 471.)

[3] Книга вышла в Санктпетербурге в 1738 году (библиотека Пушкина, № 198).

ставили Гордона в круг ближайших помощников молодого Петра.

В библиотеке Пушкина сохранилась биография Гордона, написанная Голиковым, и изданная последним вместе с жизнеописанием Лефорта в 1800 году[1]. Но обширный дневник Гордона, чрезвычайно интересовавший Пушкина, оставался неизданным; лишь отдельные отрывки из него появлялись в печати. Оценив значение этого исторического источника, Пушкин стремился получить доступ к нему и ознакомиться с ним.

На дневник Гордона, точнее на возможность ознакомиться с ним в рукописной английской копии, обратил внимание Пушкина Александр Тургенев, как только ему стало известно, что Пушкину поручено написать историю, или биографию, Петра Великого. 16 сентября 1831 года Тургенев сообщал Жуковскому: «Для биографа Пушкина нужен и журнал шотландца (т. е. дневник Гордона. — *И. Ф.)*, служившего у нас...»[2] Сообщая в письме, написанном из Лондона 10 мая 1831 года[3], что ему удалось купить там английскую копию дневника Гордона «с генваря 1684 до 1699 года», Тургенев подчеркивал: «эта рукопись — точно историческая драгоценность, об истинных государственных делах, как тогда их разумели, а не о предметах одного ученого или антикварного любопытства»[4].

Перевод дневника Гордона на немецкий язык выполнен был еще в XVIII веке академиком Стриттером, и выписка из немецкого перевода, остававшегося также в то время неизданным, была получена и использована Пушкиным: она касалась, как мы знаем из записи Келлера, «стрелецких дел».

Но ни немецкий перевод дневника Гордона, который был доступен Пушкину в извлечении, ни воз-

---

[1] Библиотека Пушкина, № 99.

[2] См. «Литературное наследство», № 58, 1952, стр. 105.

[3] См. «Письма Александра Тургенева Булгаковым». М., Государственное социально-экономическое издательство, 1939, стр. 185—186.

[4] Купленная Тургеневым английская копия дневника Гордона находится ныне, как нами установлено, в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

можность ознакомиться с английской копией, купленной Тургеневым, не удовлетворили Пушкина. Вот почему он, узнав, что подлинный дневник Гордона вытребован, по распоряжению царя, из Московского архива и что Келлеру поручено перевести его с подлинника для русского издания, с таким нетерпением стремился увидеться с Келлером.

Пушкин встретился с ним в конце декабря 1836 года на балу у Е. Ф. Мейендорфа, где, узнав о данном Келлеру поручении, «нетерпеливо» спрашивал: Ну где ж он, где ж он? «Егор Федорович (Мейендорф. — *И. Ф.*) нас познакомил, — сообщает Келлер. — Пошли расспросы об объеме и содержании рукописи. Пушкин удивился, когда узнал, что у меня шесть томов инкварто, и сказал: «Государь говорил мне об этом манускрипте, как о редкости, но я не знал, что он столь пространен». Пушкин «спросил, не имею ли других подобных занятий ввиду, по окончании перевода, и упрашивал навещать его». Вторую запись Келлера, сделанную им вскоре после смерти поэта, где подробно рассказывается о его следующей встрече с Пушкиным, мы уже цитировали. Здесь добавим, что, касаясь перевода рукописи Гордона, поэт на этот раз сказал Келлеру: «Продолжайте им заниматься, вы окажете большую услугу» [1].

Все это говорит о глубоком интересе Пушкина к дневнику Гордона, до нашего времени еще по-русски полностью не изданному, и о постоянном стремлении Пушкина к знакомству с подлинными рукописными источниками, там, где дело шло об источниках действительно важных. Ныне подлинный дневник Патрика Гордона в старинных переплетах тисненой кожи хранится в Центральном Государственном военно-историческом архиве, помещающемся в том самом дворце Лефорта, где Патрик Гордон не однажды встречался с Петром. Последняя запись в дневнике сделана была Гордоном 31 декабря 1698 года. Он умер в следующем, 1699 году.

---

[1] См. Сочинения А. С. Пушкина под ред. П. Ефремова. СПб., изд. А. Суворина, т. VIII, 1905, стр. 587.

О «Большом посольстве» и первом путешествии Петра за границу говорит «Записная книжка любопытных замечаний великой особы, странствовавшей под именем дворянина Российского посольства в 1697 и 1698 году». Дневник этот напечатан был в 1830 году в журнале «Отечественные записки», ч. 43, сохранившемся в библиотеке Пушкина [1], где он назван «путевыми записками, веденными самим государем Петром Великим». В том же году дневник этот напечатан был и в «Московском вестнике» (1830, ч. VI), где Погодин назвал его «Журналом, веденным одним из чиновников посольства. . .» В «Московском вестнике» Пушкин принимал ближайшее участие и потому бесспорно знал дневник, о котором мы говорим, и в этой журнальной публикации.

Известно ему было и Путешествие Шереметева, описанное последним. Шереметев путешествовал за границей в 1697 году. Дневник его содержится в томе V «Древней российской вивлиофики», изданной Новиковым, все двадцать томов которой сохранились в библиотеке Пушкина [2].

О пребывании Петра в Голландии много сведений, полученных от потомков тех лиц, с которыми Петр общался в Голландии, а также архивных данных опубликовал Якоб Схельтема в своем труде, вышедшем в Амстердаме [3]. Корнилович, к работам которого, посвященным Петру, Пушкин относился, как известно, с большим вниманием, напечатал в 1822 году в «Сыне отечества» (ч. 82) очерк «Петр I в Заандаме», в котором приведены материалы, найденные им у Схельтемы [4]. Этот номер «Сына отечества» в библиотеке поэта не сохранился, но мы можем почти с полной уверенностью утверждать, что Пушкин прочел напечатанный в нем очерк Корниловича и таким образом позна-

---

[1] Библиотека Пушкина, № 495.

[2] Библиотека Пушкина, № 135.

[3] «Rusland en de Nederlanden. . .», т. II, 1817.

[4] См. А. Грумм-Гржимайло. «Декабрист А. О. Корнилович. Жизнь и литературная деятельность». Сб. «Декабристы и их время», т. II, М., 1932, стр. 335.

комился с историческими данными, опубликованными в труде Схельтемы.

«Дневник поездки в Московское государство в 1698 году» Иоанна Корба, являющийся важным источником для истории этого страшного, по словам Пушкина, года, Пушкин прочел очень внимательно: упоминая, например, в «Истории Петра» о кончине сестры Петра Наталии, он называет ее «любимой сестрой» царя, ссылаясь на Корба. (Стр. 331.) [1]

На глазах Корба происходил кровавый стрелецкий розыск, он присутствовал на Красной площади при совершении казней и даже «измерил, — как сам пишет, — шагами длину плах», причем нашел, что ширина их была вдвое больше длины [2]. Описывая «шестую казнь 27 октября 1698 года», Корб говорит: «Эта громадная казнь могла быть исполнена потому только, что все бояре («сенаторы царства», — поясняет он), думные и дьяки, бывшие членами совета, собравшегося по случаю стрелецкого мятежа, по царскому повелению были призваны в Преображенское, где и должны были взяться за работу палачей. Каждый из них наносил удар неверный, потому что рука дрожала при исполнении непривычного дела... Сам царь, — добавляет Корб, — сидя на лошади, смотрел на эту трагедию» [3].

О четвертой казни, 21 октября 1698 года, когда

---

[1] Дневник Корба назван в числе «немногочисленных источников», которыми, по мнению комментатора, пользовался Пушкин, в примечаниях к указанному десятитомному академическому изданию сочинений Пушкина (т. IX, стр. 512). Для чего воспользовался Пушкин дневником Корба, при этом не устанавливается.

[2] Цитаты из дневника Корба, вышедшего в Вене в конце 1700 или в начале 1701 года (год на издании не обозначен), приводим по русскому переводу: «Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I, к царю и великому князю московскому Петру Первому в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоанном Георгом Корбом». Перевод с латинского. М., 1867. Приведенные строки см. на странице 141 этого русского издания.

[3] См. указанный выше перевод дневника Корба, стр. 228—229.

стрельцов вешали на бревнах, воткнутых в бойницы крепостных стен, Корб замечает: «едва ли столь частый частокол ограждал какой-либо другой город, какой составили стрельцы, перевешанные вокруг Москвы» [1].

Наконец Корб, ссылаясь, правда, в этом случае не на собственные впечатления, а на чужие слова, сообщает, будто 14 февраля 1699 года сам царь «отрубил мечом головы восьмидесяти четырем мятежникам, причем боярин Плещеев приподымал за волоса их, чтоб удар был вернее» [2].

Вот о чем вспоминал Пушкин на страницах, посвященных им в «Истории Петра» 1698 году, где он пишет сначала о том, как Петр, узнав «о разбитии стрельцов», «продолжал свой путь, готовясь к ужасному предприятию». (Стр. 73.) И потом, сопровождая свои слова выразительным многоточием, замечает: «Начались казни... Лефорт старался укротить рассвирепевшего царя». (Стр. 74.)

Знакомство Пушкина с дневником Корба отразилось в скупых строках «Истории Петра», посвященных стрелецким казням, хотя Пушкин на Корба здесь не ссылается и даже не упоминает о нем. Это ясно показывает, что знание Пушкиным источников, о которых Голиков умалчивает, находило отражение на страницах «Истории Петра» и там, где Пушкин на эти, хорошо ему известные источники, почему-либо не ссылается.

Корб писал в своем дневнике не только о стрелецких казнях, — он сидел часто за царским столом, слышал суждения Петра о государственных делах и отзывается о царе и его речах с большим уважением. Тем не менее дневник Корба был, по требованию представителей Петра, запрещен, и непроданные экземпляры его были уничтожены австрийским правительством.

Совсем иной интерес, нежели дневник Корба, должно было представлять для Пушкина сохранившееся в его библиотеке «Путешествие через Московию Корни-

---

[1] См. указанный выше перевод дневника Корба, стр. 228.
[2] Там же, стр. 143.

лия Де Бруина»[1]. Де Бруин, голландский живописец, путешествовавший по России и Востоку, отправился морем в Архангельск и в январе 1702 года приехал по зимнему пути в Москву, где пробыл целый год. Здесь он часто видел Петра, написал его портрет и участвовал в царских увеселениях.

В «Путешествии» своем Де Бруин остается живописцем. Петр позволил ему, первому из иностранцев, изобразить и описать достопримечательности своей столицы. Де Бруин восхищается красотой Москвы и вспоминает вид, открывающийся с высоты Ивана Великого.

Он пишет, что русский народ обладает замечательными способностями, а о приказах, т. е. о присутственных местах, говорит неодобрительно, замечая, что они помещаются в каменных палатах, где сидит постоянно множество писцов в покоях, похожих на тюрьмы. Главные же чины сидят там за длинными столами, покрытыми красным сукном.

Де Бруин пишет об огромном колоколе, упавшем в 1701 году. Описывает насильственное брадобритие, совершаемое по приказу Петра. Наконец подробно изображает торжественную шутовскую свадьбу Шанского, отпразднованную в присутствии Петра. Царя Де Бруин, увидев впервые, узнал по портрету и отличил его еще потому, что Петр ехал в санях, почти не украшенных, в отличие от свиты, сопровождавшей его.

Из Москвы де Бруин отправился по Волге в Астрахань, оттуда в Персию и далее на Восток, в Индию, Цейлон и Батавию. После четырехлетнего путешествия по этим странам он, проехав назад через Астрахань, вновь увидел Москву. И через два года, по возвраще-

---

[1] Библиотека Пушкина, № 677. Мы не приводим здесь, как и в дальнейшем, полных, зачастую весьма пространных названий книг русских и иностранных, сохранившихся в библиотеке поэта, чтобы не загромождать изложения. Читатель найдет эти полные названия в библиографическом описании библиотеки Пушкина, составленном Б. Модзалевским («Пушкин и его современники», вып. IX—X, 1910). Номера же, под которыми значатся в библиотеке поэта книги, о которых мы говорим, нами повсюду указаны.

нии в Амстердам, издал описание своего путешествия, украсив его множеством сделанных им самим по дороге рисунков.

Едва ли можно сомневаться в том, что Пушкин вспоминал яркое описание Де Бруина, отмечая, например, в «Истории Петра» «Свадьбу шута царского Шанского». (Стр. 105.) Картины Москвы в самом начале нового XVIII столетия, сохраненные в книге Де Бруина, вероятно, запомнились Пушкину еще при чтении больших отрывков из записок Де Бруина, напечатанных в 1829 году в «Отечественных записках». Здесь мы находим и страницы, посвященные описанию свадьбы царского шута.

Но Пушкин этим неполным переводом не удовольствовался и приобрел для своей библиотеки пятитомное французское издание «Путешествия» Де Бруина, третий и пятый томы которого посвящены России. В каждом из этих томов много иллюстраций и карт.

В составленном для Вольтера в России хронологическом перечне важнейших событий петровского царствования, переписанном рукой Пушкина, ссылки на Де Бруина встречаются не раз. Но Де Бруин, конечно, понадобился Пушкину, в отличие от составителя этого хронологического перечня, не для того, чтобы датировать постройку монетного двора или открытие в Москве первой аптеки. Колорит петровской Москвы, ярко переданный в «Путешествии» Де Бруина, должен был привлечь внимание Пушкина, поскольку он имел в виду создание в дальнейшем не только подготовительного, чернового, но и окончательного текста своей «ученохудожественной» «Истории Петра».

Корб, писавший в своем дневнике о стрелецких казнях, был секретарем австрийского посольства в Москве. Де Бруин писал как путешественник и художник. Несколько лет спустя под Полтавой взят был русскими в плен швед Филипп Иоганн Страленберг (Табберт), попавший вслед за этим в Сибирь. Возвратившись после заключения мира в Швецию, он издал в Стокгольме в 1730 году на немецком языке книгу «Северовосточная часть Европы и Азии», где писал о России петровского времени.

Русские звали Страленберга Иваном Филипповичем Таббертом. Он хотел сначала посвятить свою книгу Петру, но потом, когда проект этот не осуществился, посвятил ее Фридриху, королю шведскому.

Голиков открывает свои «Деяния Петра» полемикой со Страленбергом. Пушкин законспектировал в подготовительном тексте «Истории Петра» это полемическое введение Голикова, отметив: «Страленберг говорит о двух сторонах, существующих в России, за и против Петра I». Вслед за тем Пушкин записал по пунктам сущность этих разногласий (стр. 9—10). Не довольствуясь Голиковым, он приобрел для своей библиотеки книгу Страленберга, где она и сохранилась до нашего времени [1].

Ключом при оценке отношения Пушкина к показаниям иностранцев, писавших по личным впечатлениям о петровской России, является мысль, высказанная им в предисловии к «Запискам бригадира Моро де Бразе», отрывок из которых, касающийся Прутского похода 1711 года, Пушкин, как известно читателю, подготовил к печати.

Говоря о том, что «в пристрастных и вместе искренних сказаниях современника и свидетеля» можно часто найти «множество любопытных подробностей», Пушкин заметил: «Моро не любит русских и недоволен Петром; тем замечательнее свидетельства, которые вырываются у него поневоле» [2].

Критическое отношение к источникам, соединенное с необыкновенной проницательностью, позволяет Пушкину использовать для выяснения исторической истины свидетельства пристрастные и даже враждебные, ибо и в них истина вырывается иногда, вопреки желанию писавшего, «поневоле».

О том, как «исправляет» Пушкин свидетельства, содержащиеся в записках Моро де Бразе, необходимо будет сказать в дальнейшем подробнее в связи с тем, что Пушкин побывал в местах, где совершались военные

---

[1] Библиотека Пушкина, № 1413.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах, Изд. Академии наук СССР, 1949, т. VIII; стр. 399—400.

события, описанные Моро. Эта проверка исторических записок действительностью, отраженная в предисловии и в комментариях Пушкина к запискам Моро де Бразе, представляет большой интерес.

Здесь отметим только, что, как указывает один из исследователей, в армии Петра I Моро в числе старших офицеров не числился. Возможно, что он проделал Прутскую кампанию в качестве рядового участника ее. Присваивая себе относительно высокий чин, Моро утверждает, будто бы жена его состояла при дворе принцессы Шарлотты — супруги царевича Алексея. Это также вымысел. Имени Моро и его жены нет ни в полковых списках, ни в списках придворных того времени [1].

Но очевидцем и участником Прутского похода Моро, видимо, все-таки был. Это не вызывает у Пушкина никакого сомнения, и записки Моро производят действительно впечатление воспоминаний, основанных на личных впечатлениях.

Из числа других, сохранившихся в библиотеке Пушкина записок иностранцев, писавших о Петре, необходимо назвать книгу Вебера «Преобразованная Россия». Следует упомянуть еще «Записки» графа Дона, а из иностранных сочинений позднейшего времени, на которые Пушкин ссылается в «Истории Петра», книги Дюкло и Лемонте, где содержатся сведения о пребывании Петра в Париже [2].

Историю Карла XII, написанную Нордбергом, капелланом короля, состоявшим при шведском войске, и книгу Мотрея (де ла Мотрэ), находившегося в Бендерах во время Прутской кампании [3], Пушкин знал еще с того времени, когда в 1824 году побывал в Бендерах вместе с Липранди, который пишет об этом в своих воспоминаниях.

---

[1] См. Р. Минцлов, «Петр Великий в иностранной литературе. Подробный каталог иностранных сочинений о России. . .» СПб., 1872, стр. 132.

[2] См.: Библиотека Пушкина, №№ 1476, 887, 888, 1088. Три последние книги указаны в комментариях к «Истории Петра». См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Изд. Академии наук СССР, 1949, т. IX, стр. 513.

[3] «Voyages du Sr. de La Motraye. . .», 1727, 2 vol.

Материалы для изучения Северной войны содержатся в общих источниках по истории петровского времени, собранных Пушкиным в его библиотеке. Следует добавить, что Пушкин знал бесспорно «Рассуждение» Шафирова о причинах Северной войны, хотя книга Шафирова в библиотеке Пушкина не сохранилась. Книга эта представляет собой блестящее публицистическое произведение, в котором доказывается законность и неизбежность этой многолетней войны. В «Заключении к читателю» (входящем в состав «Рассуждения»), которое было написано самим Петром, проводится мысль о необходимости продолжать войну до тех пор, пока Россия не утвердит за собой побережье Балтийского моря [1].

Сохранился в библиотеке Пушкина и «Журнал Гизена» (т. е. Гюйссена), занимающий томы III и VIII в десятитомнике Туманского. Трудно представить себе, что Пушкин не обратил на этот «Журнал» внимания, в особенности если мы вспомним, что в своей «Истории Петра» Пушкин, упоминая о том, что Гизен состоял при царевиче Алексее, счел нужным отметить: «Сей Гизен написал Историю Петра 1-го, но не кончил оной». (Стр. 15.) «Журнал» этот доведен до 1710 года, и в нем содержится много подробностей из истории Северной войны, в том числе и подробности, не вошедшие в «Журнал Петра Великого».

Сохранилось, наконец, в библиотеке Пушкина издание мирного договора, заключенного в 1721 году в Нейштадте и окончившего Северную войну [2].

Мы не ставим здесь задачей дать исчерпывающий перечень печатных источников по истории петровского времени, собранных Пушкиным в его библиотеке. Источников, с которыми Пушкин ознакомился, изучая историю царевича Алексея, мы коснемся в главе, говорящей о работе Пушкина над делом царевича. А сей-

---

[1] П. Попов, касаясь одного из текстов пушкинской «Истории Петра», относящегося к 1707 году, замечает, что Пушкин «заглянул» в книгу Шафирова. (См. «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 472.)

[2] Библиотека Пушкина, № 394.

час перейдем к сохранившимся в его библиотеке историческим сочинениям, посвященным истории петровского царствования в целом.

Из числа ранних исторических сочинений, посвященных царствованию Петра, следует назвать прежде всего книгу Феофана Прокоповича: «История императора Петра Великого от рождения его до полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно. . .» Книга Феофана, Пушкину хорошо известная, была издана по «обретающемуся в Кабинетской архиве. . . списку, правленному рукою самого сочинителя» [1].

В «Истории» Феофана широко использована «Книга Марсова» — богато иллюстрированное собрание реляций, посвященных действиям русских войск против шведов во время Северной войны, ближайшее участие в подготовке и редактировании которой принимал сам Петр.

В подготовительном тексте своей «Истории Петра» Пушкин упоминает о сочинении Феофана неоднократно. Он отмечает также, что Феофана Петр «узнал» в Киеве, приехав туда после Полтавской победы. «Речь его, — пишет Пушкин, — понравилась Петру, и он принял его в свою особую милость». (Стр. 223.)

Из сочинений, вышедших в странах Западной Европы вскоре после смерти Петра Великого, в библиотеке Пушкина сохранилась книга Антонио Катифоро, представляющая собой компиляцию, где использованы изданные к тому времени записки Вебера и Перри, иностранцев, близко наблюдавших деятельность Петра, а также страницы, посвященные Петру Вольтером в «Истории Карла XII», имевшей шумный успех [2].

---

[1] Книга эта была в библиотеке Пушкина (2-е издание. М., 1788), но не сохранилась в ней.

[2] «Жизнь Петра Великого» Антонио Катифоро вышла впервые в Венеции в 1736 году, без имени автора (который указал свое имя в последующих изданиях). В библиотеке Пушкина сохранилось под № 712 третье итальянское издание этой книги, вышедшее в Венеции в 1748 году, и русский перевод ее, изданный

Сохранилась в библиотеке Пушкина, также в двух изданиях, «История Петра I, наименованного великим, императора всероссийского» и проч. [1] Книга эта, написанная Мовильоном (одним из писателей, особенно ненавидимых Вольтером) и вышедшая в Амстердаме и Лейпциге в 1742 году, существенного значения для изучения эпохи Петра I иметь не могла.

«История России в царствование Петра Великого», написанная Вольтером, так же, как и его «История Карла XII», входит в состав 42-томного собрания сочинений Вольтера, сохранившегося в библиотеке Пушкина [2]. Ряд страниц в этих книгах Вольтера разрезан Пушкиным, в ряде мест им положены закладки. И так как одна из последних представляет собой обрывок письма, поддающегося датировке (1834—1836 годы) [3], то не вызывает сомнения, что Пушкин перечитывал эти книги Вольтера в период своей работы над созданием «Истории Петра».

Задачей написанной Вольтером, при поддержке петербургского правительства, книги, посвященной петровскому царствованию, было рассеять неправильные представления о Петре, распространенные в тогдашней европейской литературе, — и в этом отношении книга его сыграла, несомненно, положительную роль. Однако книга эта, написанная писателем, который смотрел на Россию сочувственно, но со стороны, без внимательного, глубокого проникновения в ее историческую жизнь, не могла удовлетворить передовых русских читателей: внешний интерес и занимательность исторического повествования были достигнуты Вольтером в-

---

в Петербурге в 1772 году, выполненный С. Писаревым, который выдает Катифоро за грека, с целью представить его не католиком, а православным (библиотека Пушкина, № 145).

[1] Библиотека Пушкина, № 989—990.

[2] Библиотека Пушкина, № 1491. Издание это выходило в Париже в 1817—1820 годах.

[3] Закладки зарегистрированы Б. Модзалевским, датировавшим письмо Сергея Львовича Пушкина, обрывок которого поэт использовал для одной из своих закладок. См. «Библиотека А. С. Пушкина». Библиографическое описание. «Пушкин и его современники». СПб., 1910, вып. IX—X, стр. 362.

книге о Петре за счет пренебрежения исторической конкретностью, а иногда и достоверностью рассказа. Недостатки ее с сердцем критиковал — не только как ученый, но и как русский писатель-патриот — великий Ломоносов. Отрицательную оценку дали ей впоследствии Денис Давыдов и Вяземский. Источником исторических сведений книга Вольтера о Петре в целом для Пушкина служить не могла.

Чрезвычайно заинтересовали его, однако, исторические материалы (частью посланные Вольтеру из России, частью собранные самим Вольтером за границей), так как Вольтер использовал в своей книге эти ценные рукописные материалы далеко не полностью. Пушкин внимательно прочел письма Вольтера к Шувалову, пересылавшему Вольтеру исторические материалы, и многие из этих писем отметил закладками [1]. Заинтересовавшись судьбой собранных Вольтером рукописей, Пушкин решил обратиться к этим ценным источникам, использовать которые Вольтер по различным причинам не пожелал или не смог.

Рукописные материалы посылались Вольтеру из России во французских переводах, сделанных для него с подлинников, обычно остававшихся в России, которые в силу этого были доступны Пушкину и без обращения к бумагам Вольтера. Материалы же, собранные последним самостоятельно, но так же мало использованные в написанной им книге о Петре, оставались в бумагах Вольтера.

Пушкин отметил своими закладками письма Вольтера, касающиеся процесса и смерти царевича Алексея. Но не мог, разумеется, довольствоваться высказываемой Вольтером радостью по поводу того, как удачно удалось пройти ему в своей «Истории» «по этим горячим угольям». Чтоб узнать правду о деле царевича, Пушкин счел необходимым обратиться к не доступному Вольтеру подлинному архивному делу царевича Алексея.

---

[1] Переписка Вольтера с Шуваловым напечатана в томах XXXIII и XXXIV принадлежавшего Пушкину собрания сочинений Вольтера. Закладки зарегистрированы Б. Модзалевским в его библиографическом описании библиотеки поэта.

Для выяснения истории воцарения Екатерины, т. е. смутных обстоятельств, связанных со смертью Петра, а также для выяснения вопроса о деле Монса, казненного Петром, Пушкин счел нужным обратиться к бумагам Вольтера. И, как увидим, не ошибся в своих расчетах.

Сохранилась в библиотеке Пушкина «Венецианская история» Петра, на титульном листе которой значится *«Житие и славные дела* государя императора *Петра Великого*... Ныне первее на славенском языке списана и издана. Часть вторая. В Венеции. В типографии Димитрия Феодозия. 1772»[1].

В книге этой, на которую часто ссылается Голиков и автором которой принято считать издателя ее Димитрия Феодози, указано, что сочинитель ее пользовался русскими источниками и материалами, полученными им из России от историка Миллера. Упоминая в своем предисловии о писателях иностранных, автор книги подчеркивает «осторожность», с какой он пользовался их сочинениями: он «их всех справливал с российскими писателями».

Говоря в связи с этим, что «Житие» Петра, изданное Феодози, не следует считать сочинением «безусловно иностранного происхождения», Е. Шмурло, как и некоторые другие историки, относит его, однако, к числу переводных, называя «писанным не по-русски»[2].

Между тем, История Петра, изданная Феодози, не только основана в значительной мере на русских материалах: она написана, как и указано на титульном листе ее, «на славенском языке»[3]. «Житие» Петра Великого не представляет по своему языку сколько-нибудь существенных отличий от того славяно-русского языка, на котором писались и издавались в то время многие русские книги[3].

---

[1] Библиотека Пушкина, № 146.

[2] См. Е. Шмурло. «Петр Великий в оценке современников и потомства». СПб., 1912, стр. III и стр. 103—104.

[3] В посвящении автор называет язык, на котором он написал свою книгу, «иллирическим диалектом», повидимому в связи с тем, что он вводит в славяно-русский язык некоторые сербские слова и обороты.

Дело в том, что Феодози был только издателем этой книги о Петре. Автором же ее является сербский писатель Захария Орфелин, как установил Д. Руварац в статье под заголовком: «Кто написал книгу *Житие и славные дела государя императора Петра Великого. . .*»? [1]

Почти все экземпляры «Венецианской истории» Петра вышли в свет без имени автора: австрийское правительство недружелюбно смотрело на книги сербских писателей, отражавшие тяготение их к России и связь с русской культурой. Д. Руварацу удалось, однако, найти экземпляр «Венецианской истории» Петра с титульным листом, на котором прямо указано, что книгу эту «сочинил Захария Орфелин». Посвящение в найденном экземпляре также подписано, в отличие от обычно встречающихся экземпляров этой книги, не издателем Феодози, а автором ее — Захарией Орфелином [2].

Не лишним будет заметить, что Голиков часто ссылаясь в «Деяниях Петра Великого» на «Венецианскую историю» Петра, нигде не называет Феодози автором ее, но всюду пишет: «сочинитель в Венеции изданной Истории Петра Великого» и т. п. [3] Мы остановились на вопросе о происхождении этой книги в связи с тем, что Пушкин почерпнул в ней, повидимому, некоторые сведения, в том числе сведения, использованные им там, где он говорит в своей «Истории» о жестокой судьбе первой жены Петра царицы Евдокии.

В 1782 году во Франции начала печататься пятитомная История России Левека, а в 1783 году вышла «История естественная, нравственная, гражданская и политическая Древней и Новой России» Леклерка, в состав которой входит история царствования Петра I.

---

[1] Димитрије Руварац. «Ко је писац књиге: «Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго. . .»? «Гласник српскога ученог друштва». Кн. 72, Белград, 1891, стр. 193—200.

[2] Такой именно экземпляр и был послан, несомненно, Екатерине II, которой посвящена написанная им «История Петра Великого».

[3] См. например, «Деяния Петра Великого». Т. I, М., 1788, стр. 159; т. V, М., 1788, стр. 379.

Что касается книги Левека, то в библиотеке Пушкина сохранилось только изданное тем же автором в 1783 году «Продолжение» ее под названием «История различных народов, обитающих под властью России, или продолжение Истории России»[1]. Помимо этого «Продолжения», была у Пушкина, вероятно, и самая «История России», написанная Левеком. О книге его следует упомянуть в связи с тем, что Левек указывал в ней на резкие контрасты, которые делают, по его словам, из Петра как бы две разные личности; объяснял он этот контраст недостатками воспитания.

«История» Левека дала повод Денису Давыдову пылко высказаться в защиту Петра в статье «О России в военном отношении», написанной в 1831 году. Он сочувственно противопоставляет в ней Левеку труд «нашего Голикова», «который, не взирая на тяжелый слог свой, невольно приковывает внимание читателя к тучным десяти томам. . .»[2] Статья Давыдова или, по крайней мере, мысли, в ней изложенные, были, вероятно, знакомы Пушкину.

Сочинение Леклерка в библиотеке Пушкина сохранилось[3], но ни один из шести томов его не разрезан. Зато мы находим в библиотеке поэта под № 48 книгу Болтина «Примечания на Историю Древния и Нынешния России г. Леклерка. . .», изданную в 1788 году.

Болтин не только отвергает ряд общих утверждений Леклерка, указывая на неблагоприятную для России тенденцию, ясно выраженную в его сочинении. Труд Болтина являлся вкладом в русскую историческую науку, так как автор вводит в состав своих «примечаний» на историю Леклерка результаты собственных исторических изучений, представляющих самостоятельный интерес.

В первом томе своей книги, сохранившемся в библиотеке Пушкина, Болтин отводит много места начальному периоду жизни и царствования Петра, причинам

---

[1] Библиотека Пушкина, № 1098.

[2] Денис Давыдов. Военные записки. Ред. Вл. Орлова. Государственное издательство художественной литературы. М., 1940, стр. 414—415.

[3] Библиотека Пушкина, №№ 1081, 1082.

и событиям Северной войны, а также делу царевича Алексея. (Стр. 481—609.)

Во втором томе, в библиотеке Пушкина не сохранившемся, Болтин оправдывает (на стр. 393—394) закон Петра о престолонаследии, резко осуждаемый Пушкиным, который в «Истории Петра» под 1722 годом замечает: «5 февраля Петр издал манифест и указ о праве наследства (устанавливающий, что царствующий император вправе сам назначить себе преемника. — *И. Ф.*), то есть, — говорит Пушкин, — уничтожил всякую законность в порядке наследства и отдал престол на произволение самодержца». (Стр. 415.) По всей вероятности, в библиотеке Пушкина был и этот второй том книги Болтина, теперь в ней отсутствующий.

Шеститомная «История Петра Великого» Бергмана, переведенная с немецкого Е. Аладьиным, сохранилась в библиотеке поэта в издании 1833—1834 годов [1].

В предисловии к своей «Истории» Бергман указывает, что он «заимствовал большую часть известий из книги Голикова» (т. I, стр. II). Поэтому сочинение Бергмана в целом не могло иметь большого значения для работы Пушкина, которому голиковские «Деяния Петра Великого» были как нельзя лучше известны. В одном месте своей «Истории Петра» Пушкин упоминает о Бергмане, выясняя дату задуманного Соковниным, Федором Пушкиным и Цыклером в 1697 году покушения на жизнь Петра [2].

Но поскольку обширное сочинение Бергмана основано было все же не только на «Деяниях» Голикова, Пушкин разрезал в нем страницы, посвященные казни стрельцов, измене Мазепы, Прутскому походу Петра, делу царевича Алексея, биографии Меншикова и биографическому сообщению об Абраме Петровиче Ганнибале. Если не говорить о последней заметке, представлявшей для Пушкина личный интерес, можно заметить, что разрезал он в обширном сочинении Бергмана только те разделы, где рассчитывал найти сведения, у

---

[1] Библиотека Пушкина, № 25.

[2] Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. X, 1938, стр. 375.

Голикова отсутствующие и привнесенные Бергманом из других источников.

Разделы, которые привлекли к себе внимание Пушкина, посвящены, как нетрудно видеть, замалчиваемым тогдашней официальной историографией сторонам и событиям царствования Петра. При описании стрелецких казней Бергман использует, например, дневник Корба [1] и приводит, кроме того, из него большие латинские цитаты. Бергман мог натолкнуть Пушкина и на записки Моро де Бразе, которые он также цитирует, указывая, что записки Моро представляют для историка Прутской кампании большой интерес [2].

Из числа зарубежных книг, посвященных истории царствования Петра, вышедших в первой трети XIX столетия, в библиотеке Пушкина мы находим двухтомное сочинение графа Сегюра, изданное в 1829 году в Брюсселе [3]. И, наконец, «Материалы о жизни Петра Великого» [4]. Последняя книга, напечатанная в Лондоне в 1832 году, представляет собой один из выпусков «Семейной библиотеки». Но, несмотря на то, что она не претендует, таким образом, на внимание исследователей, книга эта могла, в отличие от сочинения графа Сегюра, заинтересовать Пушкина, так как в ней цитируется касающееся процесса и смерти царевича Алексея «Путешествие» Кокса и некоторые другие сочинения, в то время в России запрещенные.

Весьма важным источником для изучения военной истории петровского царствования являлась для Пушкина сохранившаяся в его библиотеке «Военная история походов россиян в XVIII столетии» Д. Бутурлина [5]. В библиотеке поэта сохранились четыре тома ее. Из них первый и второй содержат в себе «Полное описание походов императора Петра Великого против шведов и турок, предшествуемое введением, представляющим картину постепенного возрастания могущества России».

---

[1] См. указанное сочинение Бергмана, т. 1, стр. 302.

[2] Там же, т. III, стр. 153—155.

[3] Библиотека Пушкина, № 1381.

[4] Библиотека Пушкина, № 1150. Автором этой книги, имя которого в данном издании ее не было указано, является Барроу.

[5] Библиотека Пушкина, №№ 55, 56 и 57.

Третий том представляет собой «дополнения к первым двум томам», а четвертый содержит «Планы и карты к военной истории походов россиян в XVIII столетии».

30 ноября 1833 года Пушкин сделал в своем дневнике запись о встрече с Бутурлиным, в которой, между прочим, указывает: «Мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бутурлиным» [1]. В примечаниях к запискам Моро де Бразе, говоря о Прутском походе, Пушкин обнаруживает прекрасное знание «Истории русских походов» Бутурлина [2].

Бутурлин написал свой труд по-французски, так что его пришлось переводить на русский язык, и автору дано было, отмечаемое Пушкиным в дневнике, прозвище — «Жомини». Но ценность труда, о котором мы говорим, связана в значительной мере с тем, что ближайшее участие в подготовке его принимал Корнилович. Бутурлин, не отличавшийся трудолюбием, поручил ему делать выписки из архивных источников, хранившихся в Петербургском и Московском архивах Иностранной коллегии [3]. Роль Корниловича в подготовке «Военной истории» Бутурлина, несомненно, значительна, несмотря на то, что будущий декабрист был тогда еще совсем молодым человеком.

В числе книг, посвященных царствованию Петра, в библиотеке Пушкина сохранилась изданная в 1808 году в Петербурге *«Жизнь,* анекдоты, военные и политические деяния российского генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича *Шереметева,* любимца Петра Великого и храброго полководца. . .» [4], на которую Пушкин ссылается в своей «Истории Петра». (Стр. 369.) А из жизнеописаний других ближайших сподвижников Петра мы находим в библиотеке поэта *«Историю о князе Якове Федоровиче Долгорукове. . .»,*

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Изд. Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 29.

[2] Там же, стр. 443. О Турецком (Прутском) походе 1711 года см. т. II (Части первой), стр. 452—508, книги Бутурлина.

[3] Сведения об этом приводятся в работе А. Грумм-Гржимайло «Декабрист А. О. Корнилович». Сб. «Декабристы и их время», т. II, М., 1932, стр. 326—327.

[4] Библиотека Пушкина, № 142.

составленную Евдокимом Тыртовым [1]. И, наконец, упоминавшееся уже нами ранее в связи с записками Патрика Гордона и изданное Голиковым в 1800 году вместе с жизнеописанием последнего «Историческое изображение жизни и всех славных дел... Франца Яковлевича *Лефорта...*» [2] Сюда же следует отнести книгу «Жизнеописания первых российских адмиралов...» (в которой Берх использовал материалы, собранные умершим в 1780 году адмиралом Нагаевым) [3].

Рассмотрение пушкинской библиотеки показывает, что подбор исторической литературы, посвященной Петру и его эпохе, выполнен был Пушкиным широко и притом, несомненно, с большим знанием предмета. Каким же образом могло возникнуть мнение, будто Пушкин сам считал себя плохо ориентированным в литературе о Петре? (Добавим, что мнение это не вызвало до сих пор возражений.) Возникновению этого ошибочного мнения, которое повело к тому, что библиотека поэта оставалась до сих пор необследованной, способствовало недоразумение, основанное на неверном понимании письма, посланного Пушкиным Корфу.

В конце 1836 года Пушкин разговаривал об «Истории Петра» с этим своим лицейским товарищем, который по выходе из лицея задался мыслью о составлении «каталога иностранных книг, содержащих в себе сведения о России», и «постоянно делал библиографические заметки на особых листках о подобных сочинениях, им прочитанных или его интересовавших» [4]. «Последний наш разговор о великом твоем труде, — писал Пушкину Корф 13 октября 1836 года, — припомнил мне эту работу. Из разрозненных ее остатков я собрал все то, что было у меня в виду о Петре Великом, и посылаю тебе, любезный Александр Сергеевич, ce que j'ai glané sur ce champ («то, что я подобрал на этой ниве». — *И. Ф.*)...

Это одна голая, сухая библиография, и легче было выписывать заглавия, чем находить самые книги, кото-

---

[1] Библиотека Пушкина, № 393.

[2] Библиотека Пушкина, № 99.

[3] Библиотека Пушкина, № 29.

[4] А. Бычков, «Граф М. А. Корф». «Древняя и Новая Россия», 1876, № 4, стр. 337.

рых я и десятой части сам не видал, — признается Корф. — В этой выборке нет ни системы, ни даже хронологического порядка: я выписывал заглавия книг так, как находил их в своих заметках. . .»[1]

Перечень иностранных сочинений, относящихся к эпохе Петра, присланный Корфом Пушкину, напечатан в академическом издании «Истории Петра»[2], но рассмотрен по существу не был, и потому действительное значение книг, перечисленных Корфом, не было выяснено. Пушкин на другой же день, 14 октября 1836 года, отвечал Корфу:

«Вчерашняя посылка твоя мне драгоценна во всех отношениях и останется у меня памятником. Право, жалею, что государственная служба отняла у нас историка. Не надеюсь тебя заменить. Прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованных книг мне неизвестна. Употреблю всевозможные старания, дабы их достать. . .»[3]

Из этих слов Пушкина комментаторы «Истории Петра» и сделали вывод, что Пушкин «до конца своей жизни... считал себя плохо ориентированным в литературе эпохи Петра I»[4]. Между тем, как показывает изучение работы Пушкина над «Историей Петра» и ознакомление с библиотекой Пушкина, все существенное из числа книг, перечисленных Корфом, было Пушкину известно; Корф был библиофилом, не входившим в оценку содержания книг, названия которых он выписывал, большей частью не читая их, и которых, по собственным его словам, он даже «и десятой части сам не видел»; в особенности ценил он книжные редкости, вне зависимости от того действительного интереса, какой они могли представлять для историка Петра.

«Громкие деяния Петра, как при жизни, так и по смерти его, — заметил в свое время Устрялов, — вызва-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XVI, стр. 165.

[2] Там же, т. X, 1938, стр. 466—478.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 594—595.

[4] П. Попов, «Пушкин в работе над «Историей Петра I». «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 476.

ли, в особенности за границею, целую толпу компиляторов, которые, не зная ни России, ни русского языка, не имея доступа к главным историческим материалам, частию из немногих обнародованных документов, частию из скудных известий двух или трех очевидцев, еще более из газетных объявлений, один за другим составляли жалкие сочинения о Петре, дополняя недостаток исторических известий более или менее неудачными предположениями, даже явными выдумками» [1].

Слова Пушкина в письме к Корфу о том, что большая часть «цитованных» Корфом книг поэту неизвестна, относятся к подобного рода иностранным сочинениям о Петре, без разбора включенным Корфом в библиографический список, который он послал Пушкину и в котором нет, по собственным словам Корфа, «ни системы, ни даже хронологического порядка», ибо Корф только «выписывал заглавия книг так, как находил их в своих заметках». Поэтому считать, основываясь только на ответе Пушкина Корфу, будто Пушкин считал себя плохо ориентированным в исторической литературе, относящейся к эпохе Петра, у нас так же мало оснований, как и принимать всерьез ироническое обращение Пушкина к Корфу: «Право, жалею, что государственная служба отняла у нас историка» («Не надеюсь тебя заменить», — добавляет, не довольствуясь еще этой фразой, Пушкин).

Между тем ответ Пушкина ввел в заблуждение его комментаторов: печатая в академическом издании список, включающий книги о Петре, которых сам Корф не видел, а Пушкин не читал, они не сочли нужным выяснить, какие же книги о Петре Пушкин знал и собрал в своей библиотеке.

Мы приводили уже свидетельства, близко стоявших к работе Пушкина знатоков русских исторических источников: М. П. Погодина, который отметил, что Пушкин «с усердием перечитал... все сочинения... писанные» о Петре Великом, и А. И. Тургенева, оценивавшего «начитанность» Пушкина о России, «особенно о

---

[1] Н. Устрялов. История царствования Петра Великого. Т. I, СПб., 1858, стр. XLVII—XLVIII.

Петре», чрезвычайно высоко. Изучение библиотеки Пушкина подтверждает, как видим, обоснованность этих свидетельств.

„ДЕЯНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО"

Созданный Пушкиным на протяжении 1835 года подготовительный текст «Истории Петра» Пушкин писал, несомненно «имея перед глазами» голиковские «Деяния Петра Великого». Но, как ни странно, редакторы пушкинского труда не считали нужным установить с достаточной точностью: 1) что же собственно представляют собой составленные Голиковым «Деяния Петра Великого»; 2) когда Пушкин впервые ознакомился с ними и 3) каким образом и для чего воспользовался он ими в 1835 году?

Сожалея о том, что преждевременная смерть Пушкина надолго лишила Россию надежды иметь ученохудожественную историю Петра, Белинский заметил, что «из прежних попыток сделать что-нибудь для истории Петра Великого достоин величайшего уважения только бескорыстный и простодушный труд Голикова».

«Прекрасное, отрадное явление в русской жизни этот Голиков! — писал Белинский. — Полуграмотный курский купец, выучившийся на железные гроши читать и писать, чувствует сильную потребность во что бы то ни стало узнать историю Петра Великого. Недостаток в средствах лишает его возможности собирать материалы; однако он делает для этого всевозможные пожертвования, урывками от коммерческих занятий и житейских забот читает он все, что попадется ему под руку о Петре, делает выписки и таким образом полагает начало своему труду, огромности которого и сам не предчувствует».

Белинский рассказывает читателю о том, как Голиков оказался в тюрьме, а потом был освобожден «вследствие милостивого манифеста по случаю открытия в Петербурге монумента Петру Великому», как, упав перед ним на колени, он дал обет составить Историю Петра. «*Тридцать томов* остались памятником его благородного рвения, и в безыскусственном, беспорядочном его рассказе нередко заметно одушевление, до-

стойное предмета, его возбудившего», — восклицает Белинский, указывая, что труд Голикова недостаточно оценен был в тогдашней России. «Явись Голиков у англичан, французов, немцев — не было бы конца толкам о нем, не было бы счета его биографиям. . .» [1]

«Деяния Петра Великого» изданы были сначала в двенадцати томах в 1788—1789 годы Новиковым, а потом, когда Университетская типография была у него отобрана и сам Новиков был посажен по приказу Екатерины в крепость, собранные Голиковым восемнадцать томов «Дополнений к Деяниям Петра Великого» напечатаны были в 1790—1797 годах в той же Университетской типографии, перешедшей к новым владельцам.

Что же представляет собой тридцатитомный труд Голикова?

«Из предисловия к первому тому Деяний Петра Великого, — указывает сам Голиков, — публика видела, что я ни мало не имею дерзости присвоить себе имя историка, или втесниться в пресловутое сословие так называемых авторов; но что только усердный я собиратель материалов, относящихся ко славе нашего отечества, и приводитель оных в хронологический порядок» [2].

В предисловии этом Голиков скромно и правдиво говорит о задачах своего труда, называя его «собранием материалов, могущих послужить со временем к изображению по достоинству важнейшей эпохи в российской истории». «Я совсем не историк, — поясняет он, — но только собиратель воедино дел Петровых и благодарный повествователь оных»; к тому же Голиков признает, что он «не искусен в историческом слоге» [3]. В соответствии со сказанным он и озаглавил свой труд: «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам».

«Пушкин делал свои записи по мере чтения

---

[1] В. Г. Белинский. Собрание сочинений. Под ред. С. Венгерова. Т. VI, СПб., 1903, стр. 120.

[2] «Дополнения к Деяниям Петра Великого». Т. I. М., 1790, Предисловие, л. 3-й и 3-об.

[3] «Деяния Петра Великого». Т. I. М., 1788, Предисловие, стр. IX.

Голикова, а не после изучения книги», — утверждает редактор «Истории Петра» П. Попов [1]. Утверждение это повторяется и в Малом академическом издании сочинений Пушкина [2]. Поэтому у читателя может создаться впечатление, что Пушкин, впервые читая «Деяния Петра Великого» (или по крайней мере впервые серьезно знакомясь с ними) в 1835 году, конспектировал тут же новый для него — и огромный поистине — исторический материал, содержащийся в многотомном труде Голикова. Между тем в действительности Пушкин ознакомился с этим монументальным трудом еще в Михайловском. В своей статье «Прогулка в Тригорское» М. Семевский, побывавший там в 1866 году, сообщал:

«. . .В небольших старинных шкапчиках помещается библиотека Тригорского; новых книг здесь не много, но зато я нашел здесь не мало изданий новиковских, довольно много книг по русской истории. . ., первое издание «Деяний Петра I-го», творение Голикова, и проч. Между прочим по этому экземпляру, и именно в этой самой комнате, Пушкин впервые познакомился с жизнию и деяниями монарха, историю которого, как известно, Пушкин взялся было писать в последние годы своей жизни» [3].

30 ноября 1825 года в письме к Александру Бестужеву, посланном из Михайловского, Пушкин упоминает о «голиковской прозе» [4]; упоминание это было, повидимому, отзвуком недавнего чтения «Деяний Петра Великого», содержанию которых Пушкин придавал такое серьезное значение, иронизируя над голиковским слогом.

Во всем этом нет, разумеется, ничего неожиданного, — удивительно было бы, если б Пушкин, так глубоко интересовавшийся Петром и уже во второй поло-

---

[1] П. Попов. «Пушкин в работе над «Историей Петра I». «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 476.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. IX, стр. 512.

[3] «С.-Петербургские ведомости», 1866, № 139, 24 мая.

[4] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 191.

вине 20-х годов задумавший написать его историю, не был к 1835 году достаточно хорошо знаком с голиковскими «Деяниями Петра Великого». Сочинение это в то время «читали в глухой помещичьей деревне, не было оно забыто и представителями высших классов», которые «в каждом из многочисленных своих имений держали по экземпляру голиковских «Деяний» [1].

Печатая отрывки «Арапа Петра Великого», Пушкин ссылался на Голикова [2], в «Полтаве», как отмечено уже было исследователями поэмы, Пушкин также использовал исторический материал, найденный им у Голикова.

Это «первый старательный и обильный свод фактов» и «попытка систематизировать их», — замечает о голиковском труде исследователь посвященной Петру исторической литературы. «Достоинством книги, — поясняет он, — является то, что с точки зрения построения было, в сущности, ее недостатком: поверхностная обработка материала, переданного в руки читателя почти в нетронутом виде»... «Чем дальше, тем изложение все более и более переходит в погодное размещение сырого материала, — обстоятельство... несомненно имевшее выгодную сторону: оно обеспечило труду Голикова вплоть до нашего времени значение первоисточника» [3].

Какие же источники собрал и опубликовал Голиков в своем многотомном своде? Он перечисляет их в начале своего труда (стр. XI—XII), печатая «Роспись книгам, из которых выбраны предлагаемые здесь Деяния Петра Великого». Голиков имеет в виду прежде всего книги рукописные, а затем печатные.

Охватив в первых девяти томах своего труда в строго хронологическом порядке жизнь и царствование Петра, Голиков напечатал в следующих трех томах около полутора тысяч писем Петра. Среди 18 томов «Дополнений к Деяниям Петра Великого» мы находим два

---

[1] Е. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912, стр. 94.

[2] См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. VIII, кн. 2, стр. 533.

[3] Е. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912, стр. 94 и 92—93.

тома (XV и XVI), содержащие «полное описание славной Полтавской победы и предшествовавшей измены Мазепы», а также том, содержащий, как мы уже упоминали, записанные Голиковым «анекдоты» о Петре Великом.

В подготовительном тексте своей «Истории» Пушкин использовал первые девять томов голиковских «Деяний», охватывающие, как сказано, все царствование Петра. Но, бесспорно, знал и следующие за ними три тома писем Петра, как и составленные Голиковым «Дополнения к Деяниям Петра Великого». «Дополнения», посвященные подробному описанию Полтавской победы и измены Мазепы, например, Пушкин читал, работая над «Полтавой» [1].

Собранные Голиковым «анекдоты» о Петре Пушкин, будучи сам знатоком и собирателем такого рода исторических рассказов, не только знал, но и исправлял [2]. «Славный анекдот об указе, разорванном князем Яковым Долгоруким, рассказан у Голикова ошибочно и не вполне», — говорит он, записывая со слов кн. А. Н. Голицына этот «славный анекдот». Со слов того же Голицына записал Пушкин и другой анекдот о Петре («Некто отставной мичман, будучи еще ребенком, представлен был Петру I в числе дворян, присланных на службу...») [3].

«Под названием *Анекдотов,* — говорит Голиков в предисловии к тому записанных им анекдотов о Петре, — разумеются такие повествования, которые в свет не изданы; и которые, следовательно, немногим только известны. Достоверность же таковых преданий, — поясняет он, — зависит от следующего: 1) ежели повествуемое в них взято из подлинных записок или частных

---

[1] См. Н. В. Измайлов, «К вопросу об исторических источниках «Полтавы». «Пушкин. Временник». Издание Академии наук СССР, т. 4—5, 1939, стр. 444.

[2] «Хорошо знакомым Пушкину» называет Голикова, касаясь изданных им исторических анекдотов, Л. П. Гроссман в своей работе «Искусство анекдота у Пушкина». «Этюды о Пушкине». М.—П., 1923, стр. 42.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 90—91.

журналов тех времен; 2) ежели особы, предавшие их словесно, были или очевидцами повествуемого, или удостоверены о истине того от современников, заслуживающих уважение; 3) ежели оные подтверждаются преданием, от самого того же времени из рода в роды преходящим, и которые не противоречат самой истории. И таковые Анекдоты по справедливости заслуживают историческую достоверность» [1].

Множество анекдотов о Петре Голиков поместил в основных томах своих «Деяний». Пушкин часто упоминает об этих анекдотах в подготовительном тексте «Истории Петра», несомненно имея в виду использовать некоторые из них в окончательном тексте ее.

Помимо «неизданных повествований» о Петре, как называет Голиков собранные им «анекдоты», Голиков широко использовал собранные им и им же впервые опубликованные записки и устные рассказы современников Петра. Пушкин отмечает это: «Особы, доставившие важнейшие сведения Голикову, — говорит он, — были И. И. Неплюев, адмиралы А. И. Нагаев, С. И. Мордвинов, И. Л. Талызин, комиссар Крекшин и московские купцы Сериков, Евреинов, Полуярославцев и Ситников и олонецкий купец Барсуков». (Стр. 11.)

«Он спас для будущего историка, — писал о Голикове в своей «Истории царствования Петра Великого» Устрялов, — многие изустные рассказы, которые без него погибли бы невозвратно, также не мало и документов, едва ли уцелевших в частных архивах» [2]. Этого рода материалы, собранные Голиковым, представляли для Пушкина, конечно, большой интерес; они сохраняют значение первоисточника и поныне, хотя нуждаются (как и все другие приводимые Голиковым) в критической оценке.

Что касается огромного числа печатных источников, собранных и расположенных Голиковым в хронологическом порядке, то нет никакого сомнения в том, что

---

[1] «Дополнения к Деяниям Петра Великого». Т. XVII, М., 1796, Предисловие, стр. III.

[2] Н. Устрялов. История царствования Петра Великого. Т. I, СПб., 1858, стр. XLVI.

труд Голикова чрезвычайно облегчал Пушкину возможность изучения и использования необходимых ему исторических источников. Важнейшие из них Пушкин знал не только по своду Голикова — он читал их в том виде, в каком они были в свое время изданы, — по-русски и на других языках, — и собрал, как мы видели, в своей библиотеке достаточно широкий круг печатных источников, относящихся к эпохе Петра.

Там, где Пушкин в подготовительном тексте своей «Истории Петра» «близок к Голикову», он близок попросту к источникам, собранным в голиковском своде. Этому ничуть не мешает то, что Голиков время от времени прерывает текст приводимых (или весьма близко пересказываемых) источников своими рассуждениями. Пушкин не обращает внимания на эти «простодушные», по его словам, рассуждения Голикова.

Когда Пушкин пишет в своей «Истории», что в ответ на угрозы шведов Петр ответил: *«брат мой Карл хочет быть Александром» etc.»*, — это означает, что Пушкин прекрасно помнил ответ Петра, зная о нем вовсе не только из Голикова, но и из ряда других источников. Об ответе этом Пушкин знал, в частности, из книг Вольтера, который приводит этот ответ Петра и в «Истории Карла XII» и в своей «Истории России в царствование Петра Великого» (ч. 1, гл. 16), а также из книги Антонио Катифоро «Житие Петра Великого», сохранившейся в библиотеке Пушкина и на итальянском и на русском языке, где можно прочесть о том, как: «Великий Петр... выговорил сии слова: *«Изрядно! брат мой Карл хочет всегда так поступать, как Александр, однако я надеюсь, что не найдет он во мне Дария»* [1].

Когда Пушкин при описании взятия Нарвы Петром близко следует, казалось бы, Голикову [2] (создавая в действительности страницы новой военно-исторической прозы), он следует на самом деле вовсе не Голикову, а достаточно хорошо известным ему источникам, использованным Голиковым. Ибо Голиков основывается здесь

[1] «Житие Петра Великого...» Перевел... Стефан Писарев. СПб., 1772, стр. 258.

[2] См. «Деяния Петра Великого». Т. II, М., 1788, стр. 134—141.

на хорошо известном Пушкину «Журнале Петра Великого».

К сведениям, взятым из «Журнала» Петра, Голиков добавляет сцену, описание которой заимствовано им из книги Штелина «Любопытные и достопамятные сказания о Петре Великом»: Петр показывает взятому в плен шведскому коменданту Нарвы свою шпагу, обагренную кровью. Но и книга Штелина также была прекрасно известна Пушкину [1].

Помимо названного Голиковым Штелина, Пушкин знал об этой сцене из упомянутой выше книги Катифоро и из других, более надежных источников. Так, Вебер рассказывает, что при проезде его через Нарву — пятнадцать лет спустя после взятия ее Петром — ему показывали тот самый стол, на который царь бросил свою окровавленную шпагу [2]. Книга Вебера также сохранилась в библиотеке Пушкина; заинтересовался же он ею еще в 1833 году, когда писал А. С. Норову: «Нет ли у тебя сочинения Вебера о России (Возрастающая Россия или что-то подобное)?» [3]

Кроме материалов, включенных в «Деяния Петра Великого», Пушкин нашел у Голикова важные библиографические ссылки, которые должны были его заинтересовать.

Стремление Голикова охватить источники в возможной полноте оказывалось нередко сильнее его апологетических тенденций. Неверным является, кроме того, утверждение, будто Голиков, «не зная иностранных языков, . . .иностранные источники не привлекал почти вовсе» [4]. Как отметил еще Устрялов, Голиков «извлек при пособии наемных переводчиков некоторые сведения из писателей чужеземных» [5].

---

[1] Третье издание ее, «вновь исправленное», вышедшее в Москве в 1830 г., сохранилось в библиотеке Пушкина.

[2] См. «Das Veränderte Russland...». Frankfurt und Leipzig. Erster Theil, 1744, s. 67.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 457.

[4] П. Попов, «Пушкин в работе над «Историей Петра I». «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 472.

[5] Н. Устрялов. История царствования Петра Великого. Т. I, СПб., 1858, стр. XLV.

Находя в голиковских «Деяниях Петра Великого» ссылки на печатные источники, Пушкин не только отмечает их, он обращается к ним и достает книги — русские и иностранные, — не довольствуясь ссылками и цитатами, приводимыми Голиковым. Так, например, изображая Каспийский поход Петра, Пушкин пишет: «Переход был труден. Жар, вихрь и пыль были несносны. Петр весь день был верхом. См. Беля, III—171». (Стр. 428.) Эта ссылка дана Пушкиным по Голикову [1]. Но в библиотеке Пушкина мы находим и французское издание «Путешествия» Белла, вышедшее в трех томах в Париже в 1776 году [2].

Ссылка на Белла в «Деяниях Петра Великого» — ссылка, с цензурной точки зрения, невинная. Но вот Пушкин касается в своей «Истории Петра» процесса первой жены Петра Евдокии и пишет: «Царица высечена и отвезена в Новую Ладогу». (Стр. 390.) Между тем в соответствующем месте у Голикова сказано только: «Что касается до бывшей царицы (говорит венецианского издания истории монаршей писатель), она отдана была духовному суду, от которого дарована ей жизнь, и после отвезена она в Новую Ладогу в монастырь».

Но, ограничиваясь как будто этими сведениями, Голиков ссылается на «венецианское издание» Истории Петра не только в приведенных строках: в сноске к ним [3] он указывает на вторую часть названной им книги, отсылая читателя к той странице ее, где можно найти сведения о наказании, которому была подвергнута бывшая царица.

Эта глухо указанная Голиковым страница гласит: «По учиненном розыске отдана была она духовному суду, от которого хотя и пожалована животом, однако по приговору была *бичевана* двумя монахинями, а потом отвезена в Новую Ладогу под караул» [4].

---

[1] См. «Деяния Петра Великого». Т. VIII, М., 1789, стр. 244, примечание.

[2] Библиотека Пушкина, № 591.

[3] См. «Деяния Петра Великого», т. VI, М., 1788, стр. 44—45.

[4] См. «Житие и славные дела... Петра Великого». Часть вторая. В Венеции. В типографии Димитрия Феодозия. 1772, стр. 136. (Курсив наш — *И. Ф.*)

Итак, Голиков о бичевании царицы умалчивает, но ссылается на «венецианское издание», где сообщается о наказании, которому подверглась первая жена Петра. Книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина, и указание Голикова могло помочь ему найти в ней сведения о том, что бывшая царица была «высечена»[1].

«Невидимая» часть Голикова, заключающая в себе ссылки на источники, привести которые полностью Голиков не мог, являлась для Пушкина важной: пользуясь подобными ссылками, Пушкин искал и находил не слишком заметно, но достаточно точно указанные Голиковым запретные источники.

Повествуя о судьбе царевича Алексея, Голиков приводит обширные извлечения из записок Брюса, а также из «Путешествия» Кокса. Пушкин отмечает это, указывая в подготовительном тексте «Истории Петра»: «см. *Брюса:* описание царевича, и *Кокса».* (Стр. 386.) Вслед за тем Пушкин имел возможность прочесть у того же Голикова, что в книге Кокса есть «выражения, которые сколько бы было дерзко, столь и стыдно и вносить сюда»; после чего Голиков однако указывает в сноске, где именно можно найти эти раскрывающие роль Петра в деле царевича Алексея «дерзкие выражения» (повторять которые Голикову «стыдно»). «О сих местах, — говорит он в сноске, — смотри в помянутой Коксовой книге главу 5, страницу 67 и 73» и т. д.[2] Нет сомнения, что, находя у Голикова подобного рода указания, Пушкин не мог не заинтересоваться ими и стремился достать упомянутые Голиковым книги.

Что касается «Записок» Брюса, рассказывающего, как и передает Голиков, будто царевич был отравлен по приказу Петра, то из письма А. Я. Вильсона к Пушкину от 18 декабря 1835 года мы узнаем, что Пушкину

---

[1] «Житие и славные дела... Петра Великого». Часть вторая В Венеции. В типографии Димитрия Феодозия». 1772. (Библиотека Пушкина, № 146.) Автором этой книги являлся, как было указано выше, сербский писатель Захария Орфелин.

[2] «Деяния Петра Великого». Т. VI, М., 1788, стр. 153 и примечание на стр. 154.

удалось достать эту книгу[1]. «Вместе с сим получить изволите, — писал Пушкину Вильсон, — Записки капитана Брюса, в которых найдете много любопытства достойного»[2]. Книгу эту Пушкин, как сейчас увидим, не только получил, но и прочел.

Мы упоминали уже о разговоре Пушкина с Д. Келлером, записанном последним в своем дневнике, а также о том, что Келлер зачеркнул в этой записи некоторые строки; в связи с этим они печатались до сих пор в следующем, неполном виде:

«Он раскрыл мне страницу английской книги... о Петре Великом, в которой упоминалось о смерти Алексея Петровича...» «Я сам читаю теперь эту книгу, но потом, если желаете, и Вам пришлю»[3] (сказал Пушкин Келлеру). Что это была за книга, установить в свое время, т. е. при публикации записи Келлера, исследователям не удалось, так как строки, зачеркнутые Келлером, не поддавались прочтению. Обратившись к подлиннику дневника Келлера[4], нам удалось разобрать, что в зачеркнутых им строках речь идет именно о записках Брюса, на которые Пушкин сослался в «Истории Петра» вслед за Голиковым и которые прислал ему А. Я. Вильсон.

Чтение наше подтверждалось и тем, что Келлер говорит в своей записи о книге, где упоминается не про-

---

[1] Книга эта была издана на английском языке под названием «Memoirs of Peter Henry Bruce Esq a military officer, in the Services of Prussia Russia and Great Britain, containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West-Indies etc. as also several very interesting private anecdotes of the Czar, Peter I of Russia», London MDCCLXXXII.

В следующем, 1783 году в Дублине вышло под тем же названием новое издание ее.

Достоверность сведений о России, сообщаемых в ней, давно взята под сомнение русскими исследователями исторических источников петровского времени.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XVI, стр. 67.

[3] Сочинения А. С. Пушкина под ред. П. Ефремова. СПб., изд. А. Суворина, т. VIII, 1905, стр. 587.

[4] Центральный Государственный военно-исторический архив Ед. хр. 1150 (фонд Военно-ученого архива Главного штаба), стр. 40—41.

сто «о смерти» царевича Алексея (как печатали до сих пор), а об отравлении его; версия же об отравлении царевича излагается именно в «Записках» Брюса. Правильность такого чтения была окончательно установлена специалистами Центральной криминалистической лаборатории Министерства юстиции СССР, которым удалось прочесть интересующее нас место в дневнике Келлера полностью.

Келлер, как теперь можно считать установленным, писал в нем, вспоминая о своей встрече с Пушкиным: «Он раскрыл мне страницу Английской книги, записок Брюса о Петре Великом, в которой упоминается об отраве царе[вича] Алексея Петровича, приговаривая: «Вот как тогда дела делались. Я сам читаю теперь эту книгу, но потом, если желаете, ее вам пришлю» [1].

Мы получаем теперь возможность не только установить, какую именно книгу показал Келлеру Пушкин, но и определить ту страницу ее, которую поэт прочел Келлеру. Вот она:

«Маршал Вейде, выйдя из крепостного бастиона, где заточен был Алексей (рассказывает Брюс, — *И. Ф.*) приказал мне пойти к господину Бэру, аптекарю, чья лавка находилась поблизости, и сказать ему, чтобы он приготовил то питье, которое было ему заказано, ибо царевич тяжко болен. Когда я передал это известие господину Бэру, он побледнел, затрясся, задрожал и показался мне совершенно растерявшимся. Все это настолько удивило меня, что я попросил его объяснить, что с ним происходит. Но он неспособен был что-либо ответить.

В это время пришел сам маршал, который был почти в таком же состоянии, как и аптекарь. Маршал сказал ему, что он должен поторопиться, так как состояние царевича стало после приключившегося с ним

---

[1] Заключение Центральной криминалистической лаборатории Высшего института юридических наук Министерства юстиции СССР от 24 ноября 1953 г., за подписью выполнившей расшифровку записи Келлера ст. научного сотрудника В. Ф. Орловой, которой, так же как и заведующему лабораторией Б. И. Шевченко, выражаю свою глубокую благодарность за содействие в работе.

апоплексического удара крайне опасным. В ответ на это аптекарь передал маршалу серебряный сосуд с закрытой крышкой, и маршал ушел с ним в помещение царевича; ушел он, шатаясь, как пьяный» [1].

Рассмотренный случай с большой ясностью говорит о том, что Пушкин доставал даже книги, весьма трудно доступные, не довольствуясь тем, что приводит из них в своем своде Голиков.

Исторические источники приведены и пересказываются у Голикова в хронологическом порядке. Пушкин, имея в пору своей работы «перед глазами» голиковский свод и следуя в подготовительном тексте «Истории Петра» этому порядку, следовал в этом смысле Голикову. Можно, и необходимо, выяснить, каким образом Пушкин пользовался составленным Голиковым сводом. Но следует, конечно, помнить, что для Пушкина Голиков, как историк, не существовал; ни на слог, ни на рассуждения его Пушкин, как уже сказано, внимания не обращал. Поэтому предметом изучения является для нас работа Пушкина не «над Голиковым», а над сведенными, или же близко пересказанными последним, историческими источниками.

Пушкин читал и собирал сочинения о Петре, которые сохранились в значительном числе в его библиотеке. Он изучал рукописные сочинения (а не только документы), касающиеся истории Петра, найденные им в Государственном архиве. После смерти поэта Нессельроде писал Бенкендорфу о том, что Пушкин не возвратил в архив перевод дневника Корба. В черновике этого письма Нессельроде первоначально было сказано: «Не возвращены же им две рукописи: 1-я, описание Путешествия Корба и 2-е История Петра Великого, писанная Крекшиным» [2]. Работал Пушкин, как постараемся показать, и над другими рукописными и архивными источниками.

Этим путем он возмещал неполноту голиковского свода, зная источники шире, нежели они представлены

---

[1] См. указанное нами издание записок Брюса, стр. 185—186 (Перевод наш. — *И. Ф.*)

[2] Архив Института Русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, фонд № 244, оп. 16, № 123.

в «Деяниях Петра Великого». Но даже там, где Пушкин действительно следовал изложению Голикова, его историческая точка зрения определяла новую перспективу в изображении Петра и его эпохи, и поэтому почерпнутый им в своде Голикова материал приобретал на страницах пушкинской «Истории Петра» новое качество — историческое и художественное.

Отношение народа к Петру — тема первостепенного значения. Голиков старается не замечать остроты ее. В книге Пушкина ей предназначается важное место.

Так, например, описав взятие Нарвы Петром, Пушкин заканчивает страницы, посвященные событиям 1704 года, изображением последовавшего за взятием Нарвы торжественного въезда Петра в Москву. У Голикова, сводом которого воспользовался Пушкин, говорится, что «множество народное», наблюдавшее триумфальный въезд Петра, начало «узнавать пользу преображенного своего воинства в вид, суеверию их казавшийся неприятным» [1].

Пушкин пишет не только о преобразовании войска, о его новом виде, который раньше «суеверию» казался «неприятным». Он остается *как будто* очень близок к Голикову, когда говорит: «Знатнейшие люди всех сословий поздравляли государя. Народ смотрел с изумлением и любопытством на пленных шведов, на их оружие, влекомое с презрением, на торжествующих своих соотечественников и начинал мириться с нововведениями». (Стр. 129.) Но в отличие от своего источника, говоря, что народ *начинал мириться с нововведениями*, Пушкин намечает здесь узел одной из главных линий «Истории Петра»: речь идет о насильственном характере петровских преобразований и об отношении к ним народа. Описание Нарвского триумфа у Пушкина становится поэтому не только концовкой намечающейся главы, в которой описано взятие Нарвы, но и важным — тематически и композиционно — моментом построения всей книги о Петре. Это становится ясным, если сравнить с пушкинским описа-

[1] «Деяния Петра Великого». Т. II, М., 1788, стр. 158.

нием Нарвского триумфа пушкинское же описание триумфа, последовавшего за Полтавской победой.

В то время как Голиков при описании Полтавского триумфа пишет лишь о пушечной пальбе, колокольном звоне, военной музыке, барабанном бое и «радостном от неисчетного народа восклицании сих слов: *здравствуй, государь, отец наш!*»[1], Пушкин пишет, что после Полтавской победы Петр вступил в Москву при «восклицании наконец с ним примиренного народа: здравствуй, государь, отец наш!» (Стр. 230. Разрядка наша. — *И. Ф.)*

Эти строки говорят о том, как переменилось, на взгляд Пушкина, отношение к Петру со стороны народа, который пять лет назад, после Нарвской победы, только «начинал мириться с нововведениями».

Немногими чертами, иногда двумя-тремя словами, Пушкин решительно меняет освещение найденных им в своде Голикова фактов. Под 1698 годом Пушкин пишет: «В начале года Петр отправился в Англию на яхте и на трех английских военных кораблях, присланных от короля с частию своего посольства». (Стр. 69.) «А господина Лефорта», — говорит в этом месте Голиков, — Петр «оставил в Амстердаме, при разлучении с которым, яко с верным другом, прощался со слезами»[2]. Пушкин же пишет: «Лефорта оставил он в Амстердаме и, расставаясь с ним, плакал (вероятно, будучи пьян)». (Стр. 69.) Последнее замечание сделано Пушкиным, видимо, «про себя» и не предназначалось для включения в окончательный текст «Истории Петра».

Рассказывая о пребывании Петра в Голландии, Пушкин говорит о его работе на кораблестроительной верфи. С фактической стороны он здесь следует Голикову, который упоминает о том, что Петр был «по искусству своему в работе назван Питер-Басом, то-есть Петром-мастером, которое название было ему приятнее тогда всех титулов величества»[3].

---

[1] «Деяния Петра Великого». Т. III, М., 1788, стр. 148.
[2] «Деяния Петра Великого». Т. I, М., 1788, стр. 316.
[3] Там же, стр. 303.

Пушкин вместо того написал: «Корабельные мастера звали его Piter Bas[1], и сие название, напоминавшее ему деятельную, веселую и странную его молодость, сохранил он во всю жизнь». (Стр. 63.) У Голикова нет, разумеется, ничего подобного этим словам Пушкина, которые так выразительно характеризуют молодость Петра.

В действительности даже и тогда, когда Пушкин кажется близким к Голикову, он часто очень далек от него.

В примечании к «Медному Всаднику» Пушкин пишет: «Альгаротти где-то сказал: «Петербург — окно, через которое Россия смотрит в Европу»[2]. Не повторяя этого пассивного, созерцательного образа («Россия смотрит в Европу»), Пушкин сказал:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно.

И мысль стала другой, ибо одно дело — смотреть в окно, другое — рубить его.

Изменением одного слова Пушкин сильно меняет иногда смысл не только взятого им из книг материала. Так бывало и при работе Пушкина над своими стихами. В черновике «Медного Всадника», там, где в окончательном тексте поэмы теперь сказано:

Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам, —

Пушкин сначала написал:

И заторгуем на просторе!

Изменив затем последний стих, Пушкин сказал:

И запируем на просторе!

Переменой этой поэт сказал, что в глазах Петра, со-

---

[1] Петр мастер.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. IV, стр. 396 и 548. Перевод. Фраза Альгаротти приведена Пушкиным по-французски.

здающего морскую столицу, торговля была не целью, а средством к достиженью больших исторических целей. Перемена эта, разумеется, для Пушкина не случайна. Недаром в «Арапе Петра Великого», изображая строительство Петербурга, Пушкин писал о Петре, «утверждающем морское величие России» [1]. А позднее сказал: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, — при стуке топора и при громе пушек...» [2] Все в этих словах великого поэта передает мощь и стремительность России, которая вошла в Европу победами в труде и в бою. И древняя, давно стершаяся метафора — «корабль государства» — приобретает под пером Пушкина новый, действенный смысл.

Эти примеры, взятые из произведений Пушкина, помогают нам понять, как, в свете исторических идей поэта, совершалось в «Истории Петра» превращение устарелой голиковской прозы (там, где Голиков не просто приводит, а перелагает исторические источники) в пушкинскую историческую прозу, и показывают, насколько обманчива близость Пушкина к Голикову даже там, где на поверхностный взгляд видны только сокращение и перевод архаического по слогу голиковского труда на язык Пушкина.

Гоголь восхищался отличающей Пушкина «чрезвычайной быстротой описания» и его «необыкновенным искусством немногими чертами означить весь предмет». Это необыкновенное искусство Пушкина мы узнаем и на страницах «Истории Петра». Даже там, где Пушкин «только сокращает» материал, найденный у Голикова, Пушкин гениально меняет пропорции, создавая новую перспективу в изображении воссоздаваемых им событий. Говоря о слоге Пушкина, Гоголь заметил: «Рисует ли он боевую схватку... слог его... летит быстрее самой битвы» [3]. В движении живой пушкинской мысли создается ничем не напоминающий Голикова новый

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VI, стр. 24.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 307.

[3] Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Издание Академии наук СССР, т. 8, 1952, стр. 52 и 51.

ритм и темп повествования, и перед нами открываются страницы создающейся пушкинской прозы.

Голиков протоколирует исторические события, Пушкин стремится изобразить их — он создает в своем повествовании драматическое движение как при изображении общего хода событий, обнимаемых его незавершенной книгой, так и внутри каждого из намечавшихся разделов будущей «Истории Петра».

Пушкин создавал новую по идейной и художественной структуре великую книгу, и поэтому даже там, где он меняет, по видимости, используемый им исторический материал только «чуть-чуть», он меняет его чрезвычайно сильно, как меняется все, что видит наблюдатель, если чуть-чуть повернуть линзы телескопа.

В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ

Хорошо осведомленные современники поэта свидетельствуют о том, что Пушкин перечитал «все сочинения», написанные о Петре Великом. Но почему же Александр Тургенев находил его знания «редкими, единственными»? Потому, видимо, что они основаны были на знакомстве не только с печатными источниками, но и с архивами, недоступными в то время другим историкам.

До сих пор не изжито представление, будто обращение Пушкина к архивным делам петровского времени ограничилось получением им от царя разрешения «рыться в старых архивах» [1]. Приводя письмо Пушкина к Блудову от 20 января 1832 года, где Пушкин писал: «Буду ожидать приказания Вашего, дабы приступить к делу, мне порученному» [2], Л. Модзалевский комментирует: «Дело мне порученное — история Петра», но утверждает, будто бы «предварительные сношения Пушкина этим и ограничились, и работой над историей Петра он занялся лишь в 1835 году» [3].

Распространению подобного представления, несомненно, способствовал Устрялов — представитель реакционной, официозной историографии, которому Нико-

---

[1] «Дела III Отделения об А. С. Пушкине». СПб., 1906, стр. 120.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 402.

[3] Пушкин. Письма. Т. III. Ред. Л. Б. Модзалевского. М.—Л., Academia, 1935, стр. 470 и 471.

лай I поручил после смерти великого поэта написать вместо него «Историю Петра». Устрялов подчеркивал, что в государственных архивах, открытых ему «по высочайшему соизволению», нашел он средства узнать «то, что другим историкам было недоступно». «Последним историком Петра, — утверждал он, — имевшим доступ к государственным архивам, был курский купец Иван Иванович Голиков [1]. О Пушкине Устрялов умалчивает.

Даже в статье П. Софинова «Работа А. С. Пушкина в архивах», посвященной главным образом работе поэта над историей Пугачева и содержащей много верного, повторено мнение, будто «в работе над «Петром» Пушкин избрал другой метод исторического исследования»: «решил вначале написать историю по печатным материалам, и уже после исправлять на основе документальных данных» [2]. Названный нами исследователь, в отличие от остальных, отмечает все же, что «знакомство с архивным материалом» давало Пушкину «все больше и больше отрицательных фактов о Петре I, так что, — пишет он, — Пушкин в своем конспекте книги Голикова вносил одно за другим возражения, характеризующие Петра в нелестных для последнего выражениях» [3]. Сколько-нибудь конкретно вопрос о работе Пушкина над «Петром» в архивах, однако, до сих пор не ставился.

Между тем изучение сохранившихся материалов позволяет нам не только установить, к каким архивам обратился Пушкин, изучая эпоху Петра, и не только представить себе с внешней стороны картину этой его работы. Необходимо выяснить, к каким фондам архивных источников должен был обратиться (и обратился действительно) Пушкин и получил ли он доступ к секретным делам петровского времени, так его интересовавшим.

Уже в своих вышедших в свет в 1855 году «Матери-

---

[1] Н. Устрялов. История царствования Петра Великого. Т. I, СПб., 1858, стр. IX и XLIII.

[2] «Архивное дело». М., 1936, № 4 (41), стр. 95.

[3] Там же.

алах для биографии Пушкина» Анненков, как мы упоминали, писал, что «с зимы 1832 года» поэт «стал посвящать все свое время работе в архивах, куда доступ ему был открыт еще в прошлом году. Из квартиры своей в Морской (дом Жадимеровского) отправлялся он каждый день в разные ведомства, предоставленные ему для исследований. Он предался новой работе своей с жаром, почти со страстью. Так протекла зима 1832 года... Весной 1833 года он переехал на дачу, на Черную речку и отправлялся пешком оттуда каждый день в архивы, возвращаясь таким же образом назад» [1].

Принято считать почему-то, что эти занятия Пушкина, вопреки ясным указаниям современников поэта и прямым документальным свидетельствам, целиком или почти целиком посвящены были изучению архивных материалов о Пугачеве. Между тем Анненков верно указывал: «При собирании документов для истории Петра Великого Пушкин встретился с материалами, которые показались ему столь важными, что он положил их в основание побочного исследования (т. е. «Истории Пугачева». — *И. Ф.*), нисколько не упуская из вида главного предмета своих розысков» [2]. Понимая, как важны были для Пушкина пугачевские материалы, Анненков подчеркивает, как видим, что Пушкин изучал их, «нисколько не упуская из вида» материалов петровского времени.

Перечислив с большой точностью различные архивы, материалами которых пользовался Пушкин, Анненков замечает, что «с сокровищами Государственного архива он познакомился под руководством и наблюдением» графа Блудова [3].

Что же представляли собой хранившиеся в Государственном архиве Российской империи исторические «сокровища» и почему работа, которой Пушкин предался, по словам Анненкова, «с жаром, почти со страстью», была поставлена под наблюдение Блудова?

---

[1] «Материалы для биографии А. С. Пушкина». СПб., 1855, стр. 359.

[2] Там же, стр. 360.

[3] Там же, стр. 360.

В Государственном архиве хранились «акты и бумаги, относящиеся до особенных внутренних дел и важнейших происшествий империи»[1]. Николай I по своем восшествии на престол, говорит Пушкин в предисловии к «Истории Пугачева», приказал привести их в порядок: «сии сокровища вынесены были из подвалов, где несколько наводнений посетило их и едва не уничтожило»[2].

«Создав для борьбы с нарастающим революционным движением целую систему охранительных органов, Николай I создал и специальное секретное хранилище, в котором должны были быть сосредоточены все документы, касающиеся царской фамилии, борьбы вокруг трона, борьбы самодержавия с революционным движением, — словом, все документы особой политической для самодержавия значимости»[3].

Сюда же были переданы из состава «Кабинета его величества» бумаги Петра I. В 1829 году из всех этих фондов был создан в помещении Министерства иностранных дел архив, получивший с 1834 года название Государственного[4]. В архив этот и был допущен для занятий Пушкин.

После смерти Пушкина Нессельроде сообщал Бенкендорфу, что «покойный камер-юнкер Пушкин занимался в самом доме Министерства иностранных дел прочитыванием и деланием выписок из бумаг, касающихся до царствования императора Петра Великого, и из дел о бунтовщике Пугачеве; для чего отведена была ему особая комната. По мере прочитывания он возвращал даванные ему бумаги»[5]. Документ этот подтвер-

---

[1] См. В. Иконников. «Опыт русской историографии». Киев, 1891, т. I, кн. 1, стр. 438.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 145.

[3] И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР. История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции. М., 1941, ч. 1-я, стр. 231.

[4] Там же, стр. 231—232.

[5] Дела III Отделения об А. С. Пушкине. СПб., 1906, стр. 199. (Подлинный черновой отпуск этой бумаги от 6 февраля 1837 г. в Архиве Пушкинского Дома АН СССР, фонд 244, оп. 16, № 123.)

ждает, что Пушкин не только читал «даванные ему бумаги», но и делал из них выписки. Какие именно выписки сделал он в Государственном архиве из бумаг петровского времени, мы установить сейчас не можем, так как материалы, которые Пушкин, по собственным словам его, «скоплял» и «приводил в порядок» в 1834 году, не дошли до нас [1].

Умалчивая в своих воспоминаниях о работе Пушкина в Государственном архиве, Устрялов дает нам, тем не менее, возможность представить себе внешнюю обстановку, в которой очутился Пушкин, работавший в том же архиве, поскольку порядки, в нем заведенные, за годы царствования Николая I почти не менялись, а директором архива в период работы Устрялова продолжал оставаться все тот же В. А. Поленов, с которым вынужден был иметь дело и Пушкин.

Государственный архив, «который открывался очень немногим», «находился, — вспоминает Устрялов, — там же, где и теперь — в Главном штабе, в верхнем этаже, в Отделении Министерства иностранных дел». Что касается начальника его Поленова, то «человек он был старый, тяжелый, большой формалист». Ознакомление с архивом надо было начинать с изучения реестров, т. е. перечней хранящихся в нем документов и дел петровского времени: это были, во-первых, документы, написанные или подписанные самим Петром; во-вторых — донесения и просьбы, ему адресованные. Реестры, в которых документы эти были перечислены, «состояли, — пишет Устрялов, — из трех огромных фолиантов, переплетенных в сафьян еще в царствование Екатерины II» [2].

Громада писем и бумаг Петра I так обширна, что начатое при Александре II полное издание их, выходящее поныне отдельными томами, к настоящему времени

---

[1] «Фонды черновых материалов, относящихся к работе Пушкина над «Историей Пугачева» и «Историей Петра», сохранились далеко не полностью», — верно отмечает Ю. Оксман. «Пушкин в работе над «Капитанской дочкой». «Литературное наследство», № 58, 1952, стр. 239, примечания.

[2] Н. Устрялов, «Воспоминания о моей жизни». «Древняя и новая Россия», 1880, август, стр. 629.

доведено только до 1709 года — года Полтавской победы. Чтение почерка Петра представляет к тому же большую трудность, ибо почерк этот (как и отмечал Устрялов) «неправилен и в высшей степени неразборчив»[1]. Следует напомнить в этой связи, что в бумагах Пушкина сохранились четыре письма Петра I, факсимильно воспроизведенные Пушкиным, который старался, по-видимому, освоить таким способом почерк Петра[2].

Изучение бумаг Петра I, хранившихся в Государственном архиве, Пушкин должен был начать, разумеется, с обозрения их, т. е. с знакомства с описями их. В бумагах Пушкина сохранилась действительно рукописная опись (писанная двумя лицами, нам неизвестными), воспроизведенная в X томе академического издания сочинений Пушкина без выяснения вопроса о том, что представляет собой этот документ: он опубликован под заголовком, данным ему в подлиннике и оставшимся нерасшифрованным — «Дела под названием «Архив императора Петра I»[3]. Между тем документ этот, имеющий для нас существенное значение, представляет собой не что иное, как опись важнейших дел, входящих в состав бумаг Петра I и поступивших — в основном — в Государственный архив, где работал Пушкин. В описи этой значатся:

«1. Двадцать книг с указами, письмами и прочими бумагами императора Петра I-го и императрицы Екатерины I-й».

«2. Семьдесят две книги, содержащие в себе историю государя Петра I».

«Почти все сии книги содержат собственноручные императора Петра I поправки», — сказано в этой же описи. В ней по пунктам перечислены важнейшие из

---

[1] Н. Устрялов, «Воспоминания о моей жизни». «Древняя и новая Россия», 1880, август, стр. 629.

[2] Эти письма Петра к кн. Вас. Влад. Долгорукову (1667—1746) напечатаны в Полном собрании сочинений Пушкина. Издание Академии наук СССР в 16 томах, т. X, 1938, стр. 456—457 (с некоторыми мелкими неточностями). Пушкин получил подлинники этих писем от кн. Вас. Вас. Долгорукова (1787—1858), как указано в сб. «Рукою Пушкина». М.—Л., 1935, стр. 594—595.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. X, 1938, стр. 458—462.

этих 72-х книг, в состав коих входит рукопись Истории Северной войны, написанной под руководством Петра и собственноручно им редактированной; она была издана, как мы знаем, в царствование Екатерины II Щербатовым под названием «Журнал или поденная записка Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира». Пушкина должны были заинтересовать, конечно, страницы, собственноручно вписанные в нее Петром. Кроме того, в принадлежавшей Пушкину описи было указано содержание рукописных книг, в состав которых входили неизданные материалы, подготовленные сподвижниками и сотрудниками Петра для истории Северной войны.

В той же описи назван «Журнал путешествий его царского величества с 1702 по 1711», «Тетради записные его императорского величества Петра I-го» (изданные князем Щербатовым только за 1704—1706 годы) и другие ценные материалы, включая «Тринадцать записных книжечек императора Петра I-го, писанные карандашом или грифелем на аспидных дощечках». Своеобразные записные книжечки Петра должны были заинтересовать Пушкина, знавшего уже, надо думать, содержание их, опубликованное Голиковым в «Дополнениях к Деяниям Петра Великого» [1].

В сохранившейся у Пушкина архивной описи указаны были также дела о бунтах петровского времени — Стрелецком, Мазепы и проч.

Эта опись позволяла Пушкину ориентироваться в важнейших исторических материалах, хранившихся в Государственном архиве среди «Кабинетных» бумаг Петра I; вместе с тем опись говорила о том, какие из этих материалов и где именно были опубликованы, что облегчало Пушкину изучение их.

«Кабинетные» бумаги, т. е. бумаги, хранившиеся ранее в архиве «Кабинета» Петра и поступившие при Николае I в Государственный архив, находятся ныне в Центральном Государственном архиве древних актов в Москве (разряд IX, Кабинет Петра I). Вместе с ними

---

[1] «Дополнения к Деяниям Петра Великого». Т. XVI. М., 1795, стр. 436 и след.

хранится и составленный князем Щербатовым «Реэстр разобранным в архиве... Петра Великого... делам и письмам, переплетенным в книги в 1769-м, 1770-м, 1771-м, 1774-м и 1777-м годах». Сопоставление с этим реестром описи, уцелевшей в бумагах Пушкина, подтверждает указанное нами значение ее для архивной работы Пушкина, который достаточно ясно представлял себе состав «Кабинетных» бумаг Петра (или «Архива императора Петра I», как названы они были в принадлежавшей Пушкину описи). Опись эта не дает, однако, ответа на вопрос о том, получил ли Пушкин доступ к материалам, хранившимся в секретном отделе Государственного архива. Между тем разрешить этот вопрос необходимо; тем более, что Нессельроде, которому подчинен был Государственный архив, склонен был, несомненно, толковать данное Пушкину царем позволение «рыться в старых архивах» ограничительным образом.

12 января 1832 года он счел поэтому необходимым обратиться к царю с докладом, в котором сообщал, что о допущении Пушкина в архивы им сделано «во исполнение высочайшей воли» уже «распоряжение». «Но при том я осмеливаюсь испросить, — писал Нессельроде, — благоугодно ли будет вашему императорскому величеству, чтобы титулярному советнику Пушкину открыты были все секретные бумаги времен императора Петра I, в здешнем Архиве хранящиеся, — как-то: о первой супруге его, о царевиче Алексее Петровиче; также дела бывшей Тайной Канцелярии» [1]. На подлиннике этого запроса сохранилась помета: «Докладывано в С.-Петербурге. Генваря 12-го дня 1832 года» [2].

Три дня спустя Нессельроде извещал Блудова:

«Его императорское величество... повелел... чтобы из хранящихся в здешнем Архиве дел секретные бумаги времен императора Петра I открыты были г. Пушкину не иначе, как по назначению вашего превосходитель-

[1] Сб. «Пушкин». Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его с 1831—1837 гг. Сост. Н. Гастфрейнд. СПб., 1900, стр. 17—18.

[2] Архив Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР, фонд 244, оп. 16, л. 3.

ства, но, чтобы он прочтением оных и составлением из них выписок занимался в Коллегии иностранных дел, и ни под каким видом не брал бы вообще всех вверяемых ему бумаг к себе на дом» [1].

Снискавший своим участием в суде над декабристами полное доверие Николая I, Блудов получил в свое ведение и важнейшие политические дела прошлых царствований. Он «имел по высочайшему разрешению возможность ознакомиться со всеми документами тайных архивов, — писал Н. Погодин, — и знал в то время лучше и обстоятельнее всех дело царевича Алексея» [2], которое распечатал 8 декабря 1826 года по высочайшему повелению; оно хранилось до того вместе с бумагами Тайной канцелярии петровского времени в двух запечатанных сундуках с делами неизвестного содержания» [3]. Дела этой «Тайной розыскных дел канцелярии» также помещались в здании Главного штаба и разбирались по картонам под ближайшим наблюдением гр. Д. Н. Блудова [4]. Все это достаточно объясняет нам, почему Николай I признал необходимым, чтобы «секретные бумаги времен императора Петра I открыты были Пушкину не иначе, как по назначению» графа Блудова.

Вскоре после того, как Пушкин был извещен об этом решении царя, К. С. Сербинович, занимавшийся под руководством Блудова разбором и описанием бумаг Петра Великого[5], сообщал Пушкину в письме от 18 февраля 1832 года по прямому поручению Блудова:

«Дмитрий Николаевич поручил мне уведомить вас, милостивый государь Александр Сергеевич, что он будет сегодня в Архиве Иностранной коллегии в час по-

---

[1] См. названный сборник «Пушкин». Сост. Н. Гастфрейнд, стр. 18.

[2] Н. Погодин. Петр I. Трагедия в пяти действиях. М., 1873, стр. 157, послесловие.

[3] См. В. Веретенников. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910, стр. 102—103.

[4] М. И. Семевский. Очерки и рассказы из русской истории XVII века. Слово и дело. 1700—1725, изд. 2-е, СПб., 1884, стр. 5.

[5] См. В. Нечаева, «Пушкин в дневнике К. С. Сербиновича» «Литературное наследство», № 58, 1952, стр. 259.

полудни. Посему не угодно ли будет и Вам туда приехать. А я, кончив некоторые дела, отправлюсь туда же прямо и постараюсь упредить Вас, чтобы предуведомить Василия Алексеевича Поленова»[1] (управляющего архивом). Блудов и Сербинович направились туда в этот день, чтобы открыть Пушкину доступ к секретным делам времен Петра Великого, важнейшим из которых, по своей недоступности, было дело царевича Алексея.

Но воспользовался ли Пушкин полученным разрешением? Видел ли он, прежде всего, подлинное дело царевича? Устрялов утверждает в своей «Истории», что из документов, входящих в состав этого запретного «дела», «наибольшая часть оставалась недоступною для историков. Там находятся, — говорит он, — допросные пункты, писанные рукою Петра; ответы и показания царевича... и всех прикосновенных к делу лиц»[2] и т. д.

Подлинное дело царевича Алексея сохранилось и находится теперь в Центральном Государственном архиве древних актов в Москве. Изучив его страницы, мы получили возможность убедиться в том, что Пушкин читал подлинное дело царевича и воспользовался почерпнутыми в нем данными в своей «Истории Петра». В тексте последней не только сказывается знакомство Пушкина с архивным делом царевича Алексея, но и содержится прямая ссылка на него, сделанная Пушкиным и не замеченная исследователями: «14 июня, — пишет Пушкин, — Петр прибыл в Сенат и, представя на суд несчастного сына, повелел читать выписку из страшного дела (с м. п о д л и н н и к)»[3].

В другом месте своей «Истории» Пушкин ссылается на печатный сборник документов, относящихся к процессу царевича Алексея, который был обнародован по

---

[1] А. С. П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XV, стр. 13.

[2] Н. У с т р я л о в. «История царствования Петра Великого», Т. VI, СПб., 1859, стр. VI.

[3] А. С. П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. IX, стр. 398. (Разрядка наша. — *И. Ф.*)

приказу Петра тотчас же после окончания процесса царевича[1]. Сборник этот, ставший большой редкостью, так как при Петре II (сыне царевича Алексея) экземпляры его отбирались под страхом жестокого наказания, был перепечатан Погодиным в 1829 году в журнале «Московский вестник». Предисловие Погодина начиналось словами «Суд над царевичем»...[2] На это печатное издание Пушкин и ссылался в «Истории Петра» под 1716 годом, указывая: «См. суд над царевичем»). (Стр. 356.)

Но, ссылаясь — под 1718 годом — на «выписку из страшного дела», Пушкин имеет в виду (как он и пишет) архивный подлинник. Ибо в печатном издании, Пушкину хорошо известном, пропущены были все содержащиеся в подлинной выписке указания на пытку, которой был подвергнут царевич. В подлиннике же, на который в данном случае прямо ссылается Пушкин, не только содержатся все эти указания, но и отмечены те места, которые не могли появиться в печатном издании процесса царевича: «Не печатать» — помечено на полях в ряде мест этой сохранившейся до нашего времени в архиве подлинной выписки (см., напр., л.л. 72 и 72-об., 150, 151, 151-об. и 153)[3] Голиков, следуя печатному изданию ее, старается представить дело так, будто «розыск», которому подвергся царевич, не означал пытки. «Слово р о з ы с к, как то мы неоднократно изъясняли, — пишет он в «Дополнениях к Деяниям Петра Великого», — не означало телесного наказания, но значило рассмотрение, или розыскание дела...»[4]

Между тем Пушкин не только пишет о пытке, которой был подвергнут царевич, и не только указывает, когда именно пытали царевича, он, как уже было ска-

---

[1] «Объявление розыскного дела и суда по указу его царского величества на царевича Алексея Петровича, в Санктпитербурхе отправленного, и по указу его величества в печать, для известия всенародного, сего июня в 25 день, 1718 выданное».

[2] «Московский вестник», 1829, ч. V, стр. 7.

[3] Центральный Государственный архив древних актов. Раздел VI, д. № 33, ч. I: «Суд над царевичем Алексеем Петровичем и выписки из розыска о нем 1718 г.», ч. I.

[4] «Дополнения к Деяниям Петра Великого». Т. XII, М., 1794, стр. 63, примечание.

зано, упоминает о показаниях царевича от 22 июня 1718 года, писанных сначала «твердою рукою», «а потом после кнута — дрожащею». (Стр. 399.) Этот документ, по утверждению Устрялова, никому из историков до него недоступный, был, как видим, известен Пушкину (он хранится теперь вместе с другими в Центральном Государственном архиве древних актов) [1].

В существовавших во времена Пушкина печатных источниках подобного рода конкретных сведений о процессе царевича не содержалось. Даже в книге Кокса, о которой, вслед за Голиковым, упоминает Пушкин, говорится только, что «бросающиеся в глаза расхождения между показаниями царевича на первом следствии в Москве (которое, по словам Кокса, протекало более гласно) и на Петербургском процессе, который велся в большой тайне Петром и ближайшими его сотрудниками, заставляют думать, что по отношению к царевичу применены были пытки» [2]. Перед нами, как видим, только предположение писателя-иностранца, а не те, основанные на знакомстве с подлинным делом царевича Алексея, сведения, которые Пушкин, получив доступ к этому «страшному делу», внес в подготовительный текст своей «Истории Петра».

Лишь предвзятая мысль о том, что Пушкин не знал и не мог знать хранившегося в секретном Государственном архиве подлинного дела царевича Алексея, помешала исследователям заметить следы знакомства Пушкина с этим архивным делом, которые ясно обнаруживаются в тексте пушкинской «Истории Петра».

Пушкин вовсе не стоял на стороне царевича, он писал, что «Петр ненавидел сына, как препятствие настоя-

---

[1] Фонд VI, год 1718, дело № 32, лл. 107—110-об. («Допросы и ответы царевича Алексея Петровича, также Ефросиньи Федоровны с 3 февраля по 25 июня 1718 г.».)

[2] «Travels in Poland, Russia, Sweden and Denmark; illustrated with charts and engravings». By William Coxe... in five volumes. London 1802, vol. II, p. 308

Приводимого нами места из книги Кокса Голиков не цитирует и не излагает; у нас нет также данных о том, что Пушкин располагал сочинением Кокса. Приведенная выдержка дается нами в переводе по указанному выше пятому, лондонскому, изданию книги Кокса. (Разрядка наша. — *И. Ф.*)

щее и будущего разрушителя его создания». (Стр. 386.) Но со всей страстью подлинного историка Пушкин стремился установить действительную картину событий и правдиво воссоздать ее в своей книге.

Относящиеся к делу царевича Алексея и хранившиеся в секретном отделе Государственного архива империи документы многочисленны. И мы должны в заключение постараться ответить на вопрос: все ли они были показаны Пушкину?

Документы о пытке, которой подвергся царевич во время следствия, Пушкин видел, знал он даже писанный дрожащею после кнута рукою ответ Алексея на вопросы Петра[1]. Но секретный документ из архива Тайной канцелярии, проливающий свет на причину таинственной для современников смерти царевича, показан Пушкину не был.

В своей «Истории Петра» он пишет, что «царевич умер отравленный». (Стр. 399.) Между тем Устрялов дает понять, что царевич умер, не выдержав новых пыток, которым был подвергнут по приказу Петра уже после объявления смертного приговора. Петр опасался, повидимому, что приговоренный к смерти царевич унесет с собой имена сообщников, еще им не названных. Нам известно, что Тайная канцелярия и сам Петр долго еще разыскивали их после смерти царевича. . .

---

[1] Пользуемся случаем отметить, что чтение одного слова в данном месте «Истории Петра», печатающемся во всех изданиях ее по неисправной писарской копии, сделанной после смерти поэта (т. к. подлинная пушкинская тетрадь, посвященная событиям 1718 года, не сохранилась), нуждается в исправлении. Место, о котором идет речь, печатается в следующем виде: «Он представил и своеручные вопросы Петра с ответами Алексия своеручными же (сказали — твердою рукою писанными, а потом после кнута — дрожащею) (от 22 июня)». Следует же читать: «сначала — твердою рукою писанными, а потом — после кнута — дрожащею». На необходимость такого исправления допущенной писарем в 1840 году ошибки, повторяемой в печатных изданиях, указал нам С. М. Бонди. Б. В. Томашевский, под редакцией которого вышел текст «Истории Петра» в изданном Академией наук СССР в 1949 году десятитомном собрании сочинений Пушкина (исправляемое слово находится в нем в т. IX, на стр. 399), подтвердил со своей стороны необходимость такого исправления при последующих изданиях текста «Истории Петра».

Документ, позволяющий судить о причине смерти Алексея, не был показан ни Пушкину, ни, позднее, Устрялову. И лишь воспоминания последнего, напечатанные в 1880 году, открывают нам, откуда Устрялов почерпнул свои сведения. Когда печатание шестого тома устряловской «Истории», посвященного делу царевича Алексея, уже «было в полном ходу, — говорит в своих воспоминаниях Устрялов, — я отправился к доброму и умному К. И. Арсеньеву», чтобы «узнать у него наверное, как умер царевич?» [1]

Это был тот самый Константин Иванович Арсеньев, с которым за двадцать пять лет до этого, в 1834 году, Пушкин беседовал в доме П. А. Плетнева «о лицах и событиях времен Петра Великого, историю которого собирался тогда писать великий поэт». «О лицах этих и их отношениях между собою — родственных и служебных, — говорил Арсеньев с такими подробностями, точно был современником им и близким человеком» (вспоминал присутствовавший при беседе Пушкина с Арсеньевым историк Петербургского университета В. В. Григорьев) [2].

Арсеньев состоял сначала профессором университета, а потом преподавал русскую историю цесаревичу Александру (будущему Александру II) и был допущен к занятиям в Государственном архиве.

«Я рассказал ему, — передает, вспоминая состаревшегося Арсеньева, Устрялов,— все, как у меня написано, т. е., что царевич умер в каземате от апоплексического удара, как свидетельствует Вебер.

Арсеньев мне возразил: «Нет, не так! Когда я читал историю цесаревичу, потребовали из Государственного архива документы о смерти царевича Алексея. Управляющий архивом Поленов принес бумагу, из которой видно, что царевич 26 июня в 8 часов утра (т. е. после объявления ему смертного приговора. — *И. Ф.*) был пытан в Трубецком раскате, а в восемь часов вечера ко-

---

[1] Н. Устрялов, «Воспоминания о моей жизни». «Древняя и новая Россия», 1880, август, стр. 680.

[2] См. «Историю Санктпетербургского университета», 1870, примечания, стр. 3.

локол возвестил о его кончине». Эту бумагу прочли, — передает Устрялов слова Арсеньева, — запечатали и отдали Поленову, «который, — замечает в этом месте своего рассказа Устрялов, — не сказал мне о том ни слова»[1].

Узнав от Арсеньева о содержании этого секретного архивного документа, Устрялов получил возможность внести содержавшиеся в нем сведения в свою «Историю»[2]. Пушкин же об этом строго секретном документе так и не узнал...

Какое значение придавал Пушкин архивам, показывает его письмо к Погодину, которому он 5 марта 1833 года писал: «Сколько отдельных книг можно составить тут! сколько творческих мыслей тут могут развиться!»[3]

---

[1] Н. Устрялов, «Воспоминания о моей жизни». «Древняя и новая Россия», 1880, август, стр 680.

[2] Исторические воззрения Устрялова, представителя реакционной историографии, лишены научного значения. Однако, получив доступ к архивам, он опубликовал, главным образом в приложениях к своему труду, найденные им в архивах ценные документы.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 428—429.

ПУШКИН В БИБЛИОТЕКЕ ВОЛЬТЕРА

В составе библиотеки Вольтера, хранящейся ныне в Ленинграде, стоят и сейчас пять фолиантов в переплетах коровьей кожи, в которых содержатся рукописные исторические материалы о Петре, собранные Вольтером. Они, как помнит читатель, вместе с купленной Екатериной II библиотекой Вольтера привезены были после смерти его в Петербург, вслед за чем библиотека Вольтера помещена была в императорском Эрмитаже.

Двадцать четвертого февраля 1834 года Пушкин обратился через Бенкендорфа к царю с просьбой «о дозволении» ему «рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, пользовавшегося разными редкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловым для составления его Истории Петра Великого» [1]. Пять дней спустя Бенкендорф известил Пушкина, что он доложил его просьбу «государю императору, и его величество всемилостивейше дозволил» Пушкину «рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера» (о чем и сообщено министру императорского двора) [2]. Таким образом, для Пушкина сделано было исключение, поскольку Николай I строжайше запретил кому бы то ни было читать книги Вольтеровой библиотеки и делать из них выписки.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии Наук СССР, т. XV, стр. 14.

[2] Там же, стр. 15.

Пушкин был единственным русским читателем, которому удалось преодолеть этот запрет.

О содержании сохранившихся в библиотеке Вольтера исторических материалов Пушкин знал, как мы уже говорили, из напечатанной переписки Вольтера с Шуваловым.

В одном из своих писем Вольтер сообщал, что помимо материалов, полученных им из России, он «собирал рукописи по всей Европе и встретил помощь, на какую не смел и надеяться». «По счастливой случайности, — указывает он в этом же письме, — я получил мемуары послов»[1] (аккредитованных при дворе Петра I). Таким образом, Пушкин мог рассчитывать найти в библиотеке Вольтера, помимо русских материалов, собранные Вольтером записки иностранных послов при петровском дворе.

Насколько недоступными оставались для историков материалы, собранные Вольтером, можно судить по замечанию, сделанному Устряловым во Введении к «Истории царствования Петра Великого»; он считал, что материалы, посланные Вольтеру, пропали: «не жаль потери золотых медалей и дорогих мехов (присланных из России в подарок Вольтеру. — *И. Ф.*), — пишет он, — но жаль материалов, которые частию посланы были в подлиннике и утратились невозвратно»[2]. Слова Устрялова могут быть объяснены только тем, что он был введен в заблуждение: не желая допустить историка к интересовавшим его рукописям, министерство двора, повидимому, сообщило ему, что материалы эти не сохранились.

Третьего марта 1832 года Придворная контора по предписанию министра императорского двора известила академика Е. Е. Келлера, начальника 1-го отделения Эрмитажа, о том, что Пушкин «допущен по высочайшему повелению к занятиям в библиотеке Вольтера»[3]. «Несомненно, что именно с Е. Е. Келлером

[1] Письмо от 9 ноября 1761 года.

[2] См. т. I, СПб., 1858, стр. XI.

[3] Отношение Придворной конторы по 2-й экспедиции от 3 марта 1832 года, № 22. См. «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 910.

Пушкин и имел дело, посещая Эрмитаж для своих занятий, — пишет Л. Модзалевский, комментируя это письмо, но добавляет: «к сожалению, нам неизвестно, когда и сколько раз он там был. Известно только, что библиотеку Вольтера он рассматривал 10 марта, о чем оставил запись в своей записной книжке» [1].

В этой записной книжке, хранящейся ныне в Пушкинском доме [2], уцелел рисунок Пушкина, изображающий статую Вольтера работы Гудона, которую Николай I приказал поставить подальше от глаз в не посещяемую никем библиотеку Вольтера. (Под рисунком этим Пушкин и сделал свою помету: «10 марта, 1832 г. Библиотека Вольтера») [3].

Кроме рисунка, в записной книжке Пушкина сохранилось несколько кратких, беглых заметок. «Ни одна из них, — пишет Д. Якубович, рассматривая эти заметки в своей статье «Пушкин в библиотеке Вольтера», — не оправдывает мотивировки, данной Пушкиным для получения права входа в Эрмитаж. Все они, наоборот, нисколько не связаны со строгими занятиями официального историка. Несомненно, — замечает названный исследователь, — были здесь и другие работы и иные, более значительные, важные и обширные записи, выписки. Вероятно, прежде всего, чтобы оправдать свое официальное заявление, обращался Пушкин к петровским богатым материалам» [4]. Но сам Д. Якубович ограничился, как сказано, изучением только беглых, побочных по отношению к этим петровским материалам, заметок Пушкина. «Надо полагать, — говорит он в своей статье, — что многое из материалов, оставшихся в бумагах Пушкина после его смерти, еще будет приведено в связь с библиотекой Вольтера». Какие именно материалы имел он при этом в виду, недостаточно ясно. Между тем необходимо поставить вопрос, основной для нас: ознакомился ли Пушкин в библиотеке Вольтера

---

[1] Пушкин. Письма. Т. III. Ред. Л. Б. Модзалевского. М.— Л., Academia, 1935, стр. 480—481.

[2] Архив Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР. Фонд № 244, оп. № 1, № 840.

[3] Там же (оригинал по-французски).

[4] «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 920.

с интересовавшими его материалами по Петру? И если ознакомился, то что нашел он в них и использовал ли почерпнутые сведения в своей «Истории Петра»?

В академическом издании сочинений Пушкина вслед за «Историей Петра» напечатан сохранившийся в бумагах Пушкина «Хронологический перечень главных событий царствования Петра I», представляющий собой, как и сказано в примечаниях, список, сделанный Пушкиным с французской рукописи, находящейся среди бумаг библиотеки Вольтера; документ этот был составлен для Вольтера в России «историком Миллером лично или под его наблюдением» [1].

В этом переписанном Пушкиным «хронологическом перечне» содержатся ссылки на сочинения современников Петра — Корба, Перри, де Бруина, — издавших записки о петровском времени, с которыми Пушкин ознакомился. Но особенно важное значение этот перечень приобретает для нас потому, что он является прямым доказательством использования Пушкиным петровских материалов, сохранившихся в библиотеке Вольтера. Эта сделанная Пушкиным обширная выписка является единственной дошедшей до нас; но возможно ли предположить, что, получив доступ ко всем пяти томам материалов по истории Петра, собранных Вольтером, Пушкин прочел из них только переписанный им перечень и тем ограничился, не обратив внимания на все остальное?

Рукописные материалы, о которых мы говорим, переплетены в пять томов и легко обозримы. Пушкин знал об их ценности. Перед ним были не только малодоступные другим историкам источники, уже собранные в коллекцию, — рукописи, лежавшие перед ним, соединяли всю заманчивость редкости с доступностью книги, ибо записки современников Петра, в том числе и записки, написанные по-немецки, были переведены для Вольтера на французский язык, которым Пушкин так блестяще владел, и каллиграфически переписаны;

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. X, стр. 443—455; перевод — стр. 492—502, примечания — стр. 488—489.

чтение их не требовало поэтому от Пушкина ни большого труда, ни чрезмерной затраты времени. Следует добавить, что важнейшие из записок, собранных Вольтером, не могли не обратить на себя внимание Пушкина уже своим внешним видом. Две рукописи, из числа собранных Вольтером, должны были сразу же привлечь его внимание.

Это, во-первых, записки Бассевича, рассказывающего о чрезвычайно итересовавших Пушкина событиях, сопровождавших смерть Петра и воцарение Екатерины I и замалчиваемых тогдашней официальной историографией. Вольтер, как было известно Пушкину, основывается в своей книге о Петре на записках Бассевича, но до последней крайности смягчает его рассказ. Пушкин, касаясь в своей «Истории Петра» казни Монса, счел нужным, что важно для нас, отметить: «Вольтер ссылается на Бассевича... бывшего тогда в Петербурге. (Стр. 458. — Разрядка наша. — И. Ф.) Рукописью записок Бассевича открывается третий том материалов Вольтера.

Во втором фолианте обращает на себя внимание роскошная по своему виду рукопись «Анекдотов о русском дворе в царствование Петра I и его второй супруги Екатерины». Автором ее назван на титульном листе Вильбуа — «командир русской эскадры». Авторство последнего давно уже поставлено под сомнение: в литературе, посвященной изучению источников петровского времени, было высказано предположение, что действительным автором этих записок являлся французский посол при дворе Петра I Кампредон. Но независимо от вопроса о том, кто является в действительности автором этих исторических анекдотов о Петре и Екатерине, независимо даже от степени достоверности всех рассказов, входящих в их состав, несомненно, что рукопись, о которой мы говорим, содержит в себе рассказы очевидца, имевшего возможность следить в последние годы царствования Петра за отношениями, сложившимися между Петром и Екатериной. В рукописи этой много занимательных, а отчасти и достоверных сведений и черт, характеризующих петровский двор. Записки эти, не только должны были заинтере-

совать Пушкина, но и послужили ему источником при ознакомлении с чрезвычайно интересовавшей Пушкина историей Монса и Екатерины.

Сказанное не означает, конечно, что Пушкин оставил без внимания остальные материалы, собранные Вольтером, но мы остановимся здесь только на двух названных выше рукописях и постараемся показать, что именно Пушкин мог почерпнуть и действительно почерпнул в них.

Записками Бассевича (министра герцога Гольштейнского, — указывает Пушкин, упоминая о нем в своей «Истории Петра») начинается третий из фолиантов Вольтера, и на рукопись эту, как сказано, невозможно не обратить внимания даже при самом беглом ознакомлении с содержанием данного фолианта.

Письмо Шувалова Вольтеру от 8 июня 1761 года, в котором сообщалось, что рукописи Бассевича посланы Вольтеру через Салтыкова, было отмечено в собрании сочинений Вольтера закладкой Пушкина. Уже по всему этому трудно сомневаться в том, что Пушкин, увидев среди бумаг Вольтера рукопись записок Бассевича, прочел ее. Но дело не сводится только к внешним данным, указывающим на возможность знакомства Пушкина с рукописью Бассевича[1].

Рассказав в своих записках о борьбе сторонников возведения на престол малолетнего Петра — сына царевича Алексея, стремившихся к восстановлению допетровских порядков, против партии Меншикова и Екатерины, Бассевич пишет:

«Меншиков, Бассевич и кабинет-секретарь Макаров в присутствии императрицы после того с час совещались о том, что оставалось еще сделать, чтобы уничтожить все замыслы против ее величества...

Император скончался на руках своей супруги утром на другой день... Сенаторы, генералы и бояре тотчас же собрались во дворец...» Бассевич сказал Ягужинскому: «Уведомляю вас, что казна, крепость, гвардия, синод и множество бояр находятся в распоряжении

[1] Точнее говоря, с французским извлечением из нее, сохранившимся в бумагах Вольтера.

императрицы». — «Передайте это тем, в ком вы принимаете участие, и посоветуйте им сообразоваться с обстоятельствами, если они дорожат своими головами»... «Весть эта быстро распространилась между присутствовавшими. Когда Бассевич увидел, что она обежала почти все собрание, он подошел и приложил голову к окну, что было условленным знаком, и вслед за тем раздался бой барабанов обоих гвардейских полков, окружавших дворец...»

Меншиков говорил сначала от имени императрицы, а потом отвечал ей от имени собравшихся. «Все целовали ей руку и затем открыты были окна. Она показалась в них народу, окруженная вельможами, которые восклицали: «Да здравствует императрица Екатерина!» Офицеры заставляли повторять эти возгласы солдат, которым князь Меншиков начал бросать деньги пригоршнями...» [1]

Записки Бассевича были, бесспорно, важнейшим источником для историков, изображавших смерть Петра и воцарение Екатерины. Они были опубликованы в 1775 году Бюшингом в издававшемся им в Германии «Сборнике новой истории и географии» [2]. В книге, изданной в 1831 году в Петербурге под названием «Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елисаветы Петровны, — сочинение А. Вейдемейера», в первой же главе, где описывается смерть Петра, автор ссылается на записки Бассевича, приводя «подробности вступления на престол Екатерины I, изложенные большею частию по запискам графа Бассевича, очевидца сего происшествия

---

[1] См. рукописные материалы для «Истории России в царствование Петра Великого», собранные Вольтером, т. III, лл. 95—100. Перевод даем по изданию «Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича». М., 1866, стр. 176—177 и 180—181.

[2] Однако данными о том, что эта публикация была известна Пушкину, мы не располагаем.

и одного из главных действовавших в оном лиц»[1]. Изложение записок Бассевича в этой книге, однако, смягчено.

Голиков в «Деяниях Петра Великого» утверждает, будто сам он не знал действительных обстоятельств, сопровождавших возведение на престол Екатерины I, ибо, говорит он, я «не имею точных о сем в собрании моем записок»[2]. Поэтому он также приводит основанный на записках Бассевича, но бледный, как мы уже говорили, т. е. чрезвычайно смягченный, рассказ Вольтера, чем и ограничивается.

Пушкин, в отличие от этого, изобразив в своей «Истории» смерть Петра, кратко и вместе резко указывает: «Екатерина провозглашена императрицей (велением Меншикова, помощию Феофана и тайного советника Макарова)». В этой краткой записи, которую Пушкину предстояло еще, конечно, развернуть в исторический рассказ, отразилась осведомленность Пушкина о действительном ходе событий, представленных Вольтером в его книге в столь смягченном виде, что даже Голиков счел возможным привести в своем своде эти страницы Вольтера.

Резкость пушкинских строк объясняется не тем только, что он «обострял» выражения Вольтера и Голикова, а тем, что осведомленность его о событиях, сказавшаяся в «Истории Петра», основывалась по всем данным на знакомстве с записками Бассевича, найденными Пушкиным в библиотеке Вольтера. В рукописи этой, несмотря на то, что Бассевич являлся сторонником Екатерины и Меншикова, роль последнего представлена, как мы видели, с достаточной ясностью. И не случайно Анненков, напечатавший в свое время пушкинский рассказ о смерти Петра, принужден был исключить из него строки Пушкина, говорящие о том, что Екатерина провозглашена была императрицей «велением Меншикова»...

---

[1] См. стр. 3, 5, 6 и 14. Книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина, но разрезано в ней лишь немногое. См. Б. Модзалевский. «Библиотека А. С. Пушкина». Библиографическое описание. «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 19.

[2] «Деяния Петра Великого». Т. IX, М., 1789, стр. 204.

В записках, приписываемых Вильбуа, «командиру русской эскадры», содержатся сведения о чрезвычайно интересовавшем Пушкина деле Монса [1].

Екатерина, говорится в этой рукописи, достигнув всего, что только доступно честолюбию, изменила Петру, вступив в связь с камергером своего двора Монсом. Автор записок говорит, что он подозревал об этой любви, имея возможность видеть Екатерину и Монса вдвоем, хотя не был никем предупрежден об их романе. Увидев Екатерину и Монса в обществе, т. е. в кругу придворных, он окончательно убедился в правильности своих подозрений. Когда Екатерина почувствовала, что ее ожидает, как сказано в записках, падение с высоты трона в пропасть, она испугалась и захотела прибегнуть к содействию графа Толстого и графа Остермана. Ибо царь, получив неопровержимые доказательства неверности Екатерины, желал судебного процесса, стремясь открыто погубить ее. Он говорил о своем плане с Толстым и Остерманом; тот и другой бросились на колени, стремясь отговорить Петра. Они доказывали, что разумнее будет скрыть происшедшее, иначе невозможен станет брак дочерей Петра — Анны и Елизаветы, которые должны были вскоре вступить в супружество с европейскими принцами. Петра удалось удержать от задуманного им мщения, и он отомстил иначе: публично отрубив голову любовнику Екатерины (Монс был осужден за должностные преступления). Автор записок рассказывает, что обезглавленный труп Монса выставлен был на площади вместе с его отрубленной головой и Петр заставил Екатерину проехать вместе с ним в открытых санях мимо самого эшафота. Петр глядел на нее пристально, но Екатерина сумела удержаться от слез и скрыть свои чувства. В записках рассказывается о приступе ярости, овладевшей

[1] См. рукописные материалы для «Истории России в царствование Петра Великого», собранные Вольтером, том II, стр. 56—60, — по пагинации, данной переписчиком. Извлечение из этой рукописи было издано в Лондоне в 1780 году под названием «Anecdotes secrètes de la Cour du Czar Pierre le Grand et de Catherine son epouse. . .» Но сведений о том, что Пушкин был знаком с этим редким изданием, у нас нет.

Петром, но автор их отвергает предположение, что Екатерина отравила Петра; он указывает, что Петр умер от давней своей болезни.

Бассевич в своих записках также упоминает о том, что Петр провез Екатерину мимо столба, к которому пригвождена была голова Монса, но умалчивает о том, что Екатерина и Монс (сторонником которых был Бассевич) находились между собой в тайной связи. «Завистники, — пишет он, — очернили в глазах императора» отношения к императрице сестры Монса г-жи Балк и ее брата.

Вольтер, знавший и рукопись, приписываемую Вильбуа, и записки Бассевича, не решился рассказать в своей книге действительную историю казни Монса. Он глухо говорит о «семейственных печалях, которые может быть причинили» смерть Петру, пишет, что «у Екатерины был один молодой камергер Монс де ля Круа, родившийся в России от фамилии фландерской», который «был очень пригож», пишет, что Монс и сестра его посажены были в тюрьму «за то, что они принимали подарки», несмотря на то, что это запрещено было чиновникам под страхом смертной казни. «Монса, — сообщает Вольтер, — присудили на смерть, а его сестре — любимице императрицы, определили одиннадцать ударов кнутом. . .»[1] (Голиков в «Деяниях Петра Великого» о действительной причине казни Монса, конечно, также умалчивает.)

Пушкин был хорошо осведомлен, как видим, о деле Монса: он пишет о казни его и о разрыве Петра с Екатериной, «бывшей, — по словам Пушкина, — в тайной связи с Монсом». (Стр. 458.) Пушкин пишет о том, что Петр «повез ее около эшафота, на котором торчала голова несчастного». (Там же.) Эти сведения он нашел, повидимому, в записках Бассевича и в рукописи, приписываемой Вильбуа, прочитанных им в библиотеке Вольтера.

---

[1] Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого. Перевод С. Смирнова. Ч. II, кн. 2, 1809, стр. 128—129.

ПО СТРАНИЦАМ „ИСТОРИИ ПЕТРА“

Голиковский свод лежал у Пушкина перед глазами. Множество других книжных и архивных источников Пушкин использовал и собирался еще использовать в своем труде. Но Пушкин знал Россию и ее историю не только по книгам и запискам петровского времени.

Поэт знал не только древнюю и новую, созданную Петром, столицу России. Описывает ли он Персидский поход Петра, в его рассказе сказывается знание Кавказа и опыт «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года», мы знаем: Пушкин видел войну и скакал «с саблею наголо против турок, на него летящих» [1]. Пишет ли Пушкин о Турецкой войне 1711 года, т. е. о Прутском походе Петра, он говорит об этих местах как очевидец, поправляя Моро де Бразе, иностранного офицера русской службы, участника Прутского похода Петра, рассказавшего о нем в своих записках.

Моро пишет: «Жары нестерпимы в сих местах, где видно только небо да горы раскаленного песку, без деревьев, без жителей и без воды». Пушкин поправляет рассказчика: «Степи Буджацкие не песчаные: они стелются злачной, зеленой равниною, усеянною курганами... Правда, что в 1711 году эти степи были голы: трава съедена была саранчою» [2].

---

[1] М. И. Пущин, «Встреча с Пушкиным за Кавказом». «Русский вестник», 1893, № 9, стр. 161.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 418.

Но исправляет Пушкин не только географию Моро, в которой тот пользуется, по ироническому выражению поэта, «правом рассказчика» [1]. Живо сказывается критическое отношение Пушкина ко всему рассказу иностранца, которого он называет «наемным храбрецом» [2].

В своей «Истории» Пушкин остается объективным и при описании неудачного для Петра Прутского похода, но чувство патриота сказывается даже в оборотах и интонациях Пушкина. У Голикова в описании Прутского похода приведена цитата из «Журнала Петра Великого», где изложение ведется от первого лица и мы читаем слова Петра: «Перед нашим войском», «с нашей стороны», «а у нас кроме рогаток ничего не было» и т. д. [3] Замечательно, что Пушкин в своей рабочей записи, не ссылаясь на «Журнал Петра», пишет также от первого лица: «Всего н а с было 31.554 пехоты, да 6.692 конницы и то п о ч т и б е с к о н н о й». (Стр. 268. Разрядка моя. — *И. Ф.*) Эта фраза дана Пушкиным в конце описания дневного боя от первого лица. Пушкин выразительно передает в ней впечатление неравенства сил малочисленной русской армии, стоявшей против войска турок.

По поводу же мнения Моро де Бразе о причинах неудачи Прутского похода Пушкин пишет: «Как заметно, что здесь говорит иностранец, приверженный к своей партии» [4].

Это замечание Пушкина связано с высокомерным, невежественно-пренебрежительным отношением к русским со стороны многочисленных иностранцев, — названных здесь «партией иноземцев», — которым Петр так широко открыл ворота в Россию.

В подготовительном тексте «Истории Петра» многих чрезвычайной важности вопросов Пушкин коснулся лишь вскользь или даже совсем не успел коснуться,

---

[1] А. С. П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 418.

[2] Там же, стр. 396.

[3] «Деяния Петра Великого». Т. III. М., 1788, стр. 361 и 362.

[4] А. С. П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 413.

несмотря на то, что сознавал их значение. Однако даже отрывочные замечания Пушкина к запискам Моро де Бразе выразительно говорят нам о его отношении к борьбе, которую русским приходилось вести против «партии» иностранцев, призванных на службу Петром.

С борьбою иностранной и русской партий в генералитете Петра связано и следующее замечание Пушкина по поводу рассказа Моро де Бразе о Прутском походе. Пушкин пишет: «Благодарим нашего автора за драгоценное показание. Нам приятно видеть удостоверение даже от иностранца, что и Петр Великий и фельдмаршал Шереметев принадлежали партии русской» [1].

В конце своего царствования Петр предпринял, как известно, некоторые меры для того, чтобы ослабить влияние призванных им в Россию иностранцев. Одну из таких мер Пушкин под 1722 годом отметил: «Петр повелел принимать иностранных офицеров с понижением чина против российских etc». (Стр. 416.) Эти меры Петра оказались — мы знаем — запоздалыми. Реакционное значение иностранных наемников самодержавия и их «партии» в императорский период русской истории, последовавший за смертью Петра, слишком известно.

Моро де Бразе рассказывает в своих записках о Прутском походе, о том, как русские гренадеры «просились на коней, дабы... выручить» ввязавшихся в схватку с турками венгерцев, служивших в войске Петра. «Но генерал Янус, — говорит Моро, — не хотел взять на себя ответственность и завязать дело с неприятелем». Пушкин здесь замечает: «Кажется, русские варвары (интересно, что слово «варвары» Пушкин в рукописи — иронически — вписал. — *И. Ф.*) в этом случае оказались более жалостливыми, нежели иностранцы ими предводительствовавшие» [2].

Указывая, что записки Моро де Бразе представляют собой «важный исторический документ и едва ли не единственный (опричь Журнала самого Петра Вели-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. X, 1938, стр. 312.

[2] Там же, стр. 317 и 432.

кого)»[1], Пушкин, как помним, поясняет: «Моро не любит русских и не доволен Петром; тем замечательнее свидетельства, которые вырываются у него поневоле»[2].

Но вот Пушкин вспоминает не о рассказе «беззаботного бродяги», «наемного храбреца» Моро, а о сочинении прославленного французского писателя.

Ссылки на Вольтера, встречающиеся в тексте пушкинской «Истории Петра», относятся к «Истории Карла XII», написанной Вольтером задолго до его книги о Петре по горячим следам событий. Вольтер имел еще возможность лично расспрашивать ближайшего сподвижника Карла XII, графа Понятовского, и португальского доктора Фонсека, шведского агента, тайно доставлявшего в Константинополь письма, побуждавшие Турцию к войне с Петром. Поэтому книга Вольтера о главном противнике Петра, разгромленном в России, могла иметь для Пушкина значение исторического источника там, где в «Истории Петра» на сцену должен был явиться Карл.

В книге Пушкина, как показывает ее подготовительный текст, Карл должен был явиться перед читателем не только как исторический деятель, враг России и противник Петра. Фигура Карла служила в то же время Пушкину средством контрастной характеристики Петра. Уже в эпилоге «Полтавы» Карл является как «герой безумный»; Мазепа накануне полтавского сражения говорит о нем:

Как полк, вертеться он судьбу
Принудить хочет барабаном...

В «Историю Петра» поэт имел в виду включить эпизоды, рисующие Карла как отважного, жестокого и взбалмошного до безумия воина-авантюриста. Мы знаем, что Пушкин в своей «Истории» ничуть не скрывает отрицательных черт Петра. Но нигде, разумеется, поэт не говорит о нем в том уничтожающем тоне, какой сказывается в строках, посвященных Карлу. Пушкин

---

1 А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XVI, стр. 69.

2 А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 400.

пишет, например, рассказывая о неудачном для шведского короля исходе одного из сражений с русскими: «Карл был в бешенстве, он рвал на себе волоса и бил себя кулаками по щекам». (Стр. 195.) Несколько ниже Пушкин говорит: «Карл по своему обыкновению везде совался, чуть не попался в плен и имел под собою лошадь убиту». (Стр. 196.)

Для эпизодов «Истории Петра», которые должны были рисовать поведение Карла в «странном, — по словам Пушкина, — Бендерском деле» и во время осады Стральзунда, поэт имел в виду привлечь фактический материал, найденный им в вольтеровской «Истории Карла XII» [1]. Рассказ Вольтера о жизни Карла в Варнице, близ Бендер, где король вынужден был находиться после полтавского разгрома, Пушкин собирался, однако, дополнить и проверить русскими источниками (Пушкин ссылается, например, на письма Шереметева) [2]. Но книги не были бы и здесь для Пушкина единственным источником исторических сведений. Мы знаем, что Пушкин побывал в Бендерах сам (задолго до того, как стал писать «Историю Петра») и в Варнице осматривал остатки старых укреплений. Липранди — спутник Пушкина в этой поездке — вспоминает разговор поэта со 135-летним казаком Искрой, который помнил еще Карла XII:

«Мы отправились на место бывшей Варницы, взяв с собой второй том Нортберга и Мотрея, где изображен план лагеря, окопов, фасады строений, находившихся в Варницком укреплении, и несколько изображений во весь рост Карла XII. Рассказ Искры о костюме этого короля поразительно был верен с изображением его в книгах. Не менее изумителен был рассказ его о начертании окопов, ворот, ведущих в оные; и некоторые неровности в поле соответствовали местам, где находились бастионы и т. д.; но не это занимало Пушкина: он добивался от Искры своими расспросами узнать что-либо о Мазепе, а тот не только что не мог указать ему желаемую могилу или место, но и объявил, что такого и

[1] См. «Историю Петра», стр. 313.
[2] Там же.

имени не слыхал. Пушкин не отставал, толкуя ему, что Мазепа был казачий генерал и православный, а не басурман, как шведы, все напрасно. Спрашивал, нет ли еще таких же стариков, как он, Искра; нет ли старинных церквей по близости и получил в ответ, что старее его нет никого, что церкви еще прежде были «спалены татарами» и т. п.» [1]

Впрочем, Искра был уже «добрым хлопцем», когда мать посылала его в Варницкий лагерь шведов с творогом, молоком, маслом и яйцами. «Он описывал короля (Карла XII), которого видел почти каждый раз, и впервые принял его даже и не за офицера, а за слугу, потому что он, выйдя из занимаемого им домика, каждое яйцо брал в руку, взвешивал его и смотрел через оное на солнце [2].

Рассказ Вольтера о жизни Карла близ Бендер и о судьбе Мазепы Пушкин, как видим, стремился проверить и дополнить рассказом старого казака Искры и тем, что сам видел в Варнице.

Мы лучше поймем, чем успела стать «История Петра» в процессе работы над ней Пушкина, если уясним себе вопрос о том, какие стороны пушкинского труда остались неосуществленными или недоработанными.

Александр Тургенев — человек больших исторических знаний — отмечал, что в особенности хорошо знаком был Пушкин с эпохами бурь и переломов русской истории. Первым большим трудом Пушкина-историка недаром была «История Пугачева» (которую Николай I предписал переименовать в «Историю Пугачевского бунта», указав, что бунтовщик не может иметь истории).

Современник Пушкина Вяземский писал:

«. . .Труд его не столько История Пугачевского бунта, сколько военная история этого бунта. Автор свел в

---

[1] И. П. Липранди, «Из дневника и воспоминаний». «Русский архив», 1866, стр. 1464.

[2] Там же, стр. 1460.

одно стройное целое военные реляции, военные дневники и материалы. Из них составил он боевую картину свою. Но в историю события, но вглубь его он почти не вникнул, не хотел вникнуть, или, может быть, что вероятнее, не мог вникнуть по внешним причинам, ограничившим действие его. . .»[1] Яснее сказать было почти невозможно: «по внешним причинам, ограничившим» Пушкина, т. е. в силу цензурных условий николаевского времени, «История Пугачева» явилась в значительной степени военной историей восстания.

В «Истории Петра», которая должна была стать огромным, несравненно более широким, чем «История Пугачева», историческим полотном, Пушкин решал более обширные и сложные исторические и художественные задачи: Пушкин имел в виду изобразить эпоху Петра в целом. Но так же, как и в «Истории Пугачева», он в гораздо большей мере смог и успел изобразить в «Истории Петра» военную историю эпохи.

В «Очерке введения» к пушкинской «Истории Петра», который дошел до нас, мы читаем:

«*Введение* — Россия извне,
Россия внутри,
Подати
Торговля
Военная сила
Дворянство
Народ
Законы
Просвещение
Дух времени». (Стр. 7.)

Несомненно, все эти важнейшие стороны исторической эпохи должны были быть освещены Пушкиным не только при изображении кануна Петровской эпохи, но и при описании эпохи Петра.

Далеко продвинувшись в своей работе, Пушкин, однако, все больше убеждался, что напечатать создаваемую им «Историю Петра» в николаевской России не удастся.

[1] П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений. Т. II. СПб., 1879, стр. 375.

Едва ли возможно представить себе, например, что Пушкин, автор «Истории Пугачева», говоря в «Истории Петра» о народных восстаниях, ограничился бы в окончательном тексте ее изложением фактов военной истории этих восстаний по источникам, где они представлены только как историческое препятствие делу Петра.

Но разработать и осветить историю народных восстаний Пушкин в своей книге о Петре не мог. Мы знаем, что даже о вышедшей в свет с разрешения Николая I «Истории Пугачева» враг Пушкина министр Уваров — автор известной впоследствии реакционной формулы «православие, самодержавие и народность» — «кричал» «как о возмутительном» (т. е. революционном) сочинении [1].

Не разработал Пушкин в своей книге и ряд других сторон петровской эпохи. Сравнительно мало представлены на страницах его незавершенного труда сподвижники Петра, хотя им и отношению к ним Петра посвящен Пушкиным ряд замечательных строк. Среди последних есть записи, писанные заведомо не для печати. Вот, например, как начинаются страницы, посвященные событиям 1723 года:

«Петр застал дела в беспорядке. Он предал суду между прочим князя Меншикова и Шафирова; последний обвинен и осужден на лишение чинов, имения и жизни.

Что было их преступление? Одна ли непослушность и высокомерие? Должно исследовать. А за то, что Шафиров при всем Сенате разругал по-матерну обер-прокурора Скорнякова-Писарева... кажется на смерть осудить нельзя...

...Он был помилован уже на плахе и сослан в Сибирь со всем семейством.

У Меншикова отняли деревни, приписанные к городу Почепу, коим он владел уже 11 лет...

Шафирова Петр неоднократно увещевал и наказывал келейно, что случалось со всеми сподвижниками, кроме Шереметева и, может быть, князя Якова Долгорукова». (Стр. 439—440.)

[1] См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 63. Дневник Пушкина. Февраль 1835 года.

В пушкинской «Истории Петра», так же как и в поэзии Пушкина, сказалась «воинственная судьба» России. Когда мы читаем стихи Пушкина: «Суровый был в науке славы ей дан учитель...», мы вспоминаем суворовскую «Науку побеждать».

Вольтер в своей книге о Петре «просит извинения у читателя-философа», «если в описании сражений и взятия городов, похожих на другие сражения или осады, сочинитель вошел в некоторые подробности...»[1] Чтоб избежать повторений, о взятии Петром Нарвы, Вольтер рассказывает в трех строках; желая остроумно обойти трудность изображения осады, он говорит: «Сей город был укреплен тремя славными бастионами, по крайней мере по одним названиям; они назывались: «Победа, Честь и Слава. Петр I взял их с мечом в руке...»[2]

Пушкин не извинялся перед русским читателем за подробные описания сражений, и в его изображении они вовсе не кажутся похожими одно на другое. Недаром в статье, написанной в то время, когда он работал над «Историей Петра», Пушкин с таким сочувствием говорит об авторе старой книги, посвященной истории Украины: «Он любит говорить о подробностях войны и описывает битвы с удивительною точностию»[3].

Пушкин-историк изучал блестяще написанные реляции Суворова, который сказал как-то, что если б он не стал полководцем, то был бы писателем. А говоря об учителях Пушкина, которых он превзошел в своей военно-исторической прозе, нельзя не вспомнить о Денисе Давыдове, три славы которого — славу воина, славу поэта и славу «отличного прозаического писателя» — вспоминал Белинский, говоривший, что «как прозаик Давыдов имеет полное право стоять наряду с лучшими прозаиками русской литературы»[4]. Неда-

---

[1] Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого. Перевел Семен Смирнов. Ч. I, кн. 1, 1809, стр. XXV.

[2] Там же, ч. I, кн. 2, стр. 134.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 336.

[4] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Под ред. С. А. Венгерова. Т. VII, СПб., 1904, стр. 542.

ром, видимо, посылая Денису Давыдову «Историю Пугачева», Пушкин в стихотворном послании назвал его своим отцом и командиром по этой трудной писательской службе [1].

Изображая «воинственную судьбу» России, Пушкин показывает в своей незавершенной книге историческое значение побед Петра.

Интерес Европы, встревоженной созданием нового могущественного государства, к Петру был необычаен. Даниель Дефо, автор «Робинзона», написал «Беспристрастную историю жизни и деятельности Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии», называя Петра еще «царем Московии». А во второй части своего прославленного романа, где Дефо описывает возвращение Робинзона на родину через Сибирь, Петр получает совет прекратить войну с «воинственными шведами»... и направить свои силы на завоевание Востока. Современник Петра Джонатан Свифт (заставивший Гулливера высадиться на берегу страны великанов в год основания Петербурга) напечатал в 1711 году памфлет, в котором писал об опасностях, возникающих будто бы для Англии в результате побед Петра над Швецией и усиления России [2].

Даже через три десятилетия после смерти Петра Вольтер, понимавший, что России необходимо было приобрести выход к морю, писал, тем не менее, Шувалову: «Признаюсь, я не вижу в войне Петра I с Карлом XII иных побудительных причин, кроме удобного расположения театра военных действий, и я не постигаю, почему он пожелал разбить шведов у Балтийского моря, когда его первоначальным намерением было укрепиться на Черном море» [3].

Пушкин ясно и верно понимал исторический смысл

---

[1] На связь пушкинской и лермонтовской прозы с прозой Давыдова обратил внимание Вл. Орлов во вступительной статье к «Военным запискам» Д. Давыдова. М., 1940, стр. 26.

[2] См. сб. «Петр Великий». Под ред. А. И. Андреева. Издание Академии наук СССР, т. I, М.—Л., 1947, стр. 404—405.

[3] В парижском издании сочинений Вольтера, которым пользовался Пушкин, выходившем в 1817—1820 гг., это письмо, датированное 17 июля 1758 г., напечатано в т. 33, стр. 454—455.

борьбы Петра за Балтику, он широко освещает эту борьбу в своей «Истории Петра». На страницах ее мы видим Петра — строителя флота, создателя морской столицы России, победителя на суше и на море.

«Ни одна великая нация, — по словам Маркса, — не существовала и не могла существовать в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого... Россия не могла оставить в руках шведов устье Невы, которое являлось естественным выходом для сбыта продукции» [1].

«Только в результате превращения Московии из чисто континентальной страны в приморское государство, — указывал Маркс, — московская политика могла выйти из своих традиционных границ» [2].

Петра Пушкин назвал в своих стихах тем «славным шкипером»,

Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля...

Россия для Пушкина — родной корабль, движение которого он называет «державным» бегом...

Когда мы говорим о страницах Пушкина, посвященных войнам Петра, наше внимание привлекает точка зрения, с которой великий поэт рассматривает их. На Бородинском поле Кутузов в изображении Толстого тем и велик, что делает только вид, что командует, предоставляя событиям идти своим естественным ходом. Иначе смотрит на значение полководца Пушкин. Это сказалось еще до «Истории Петра» в его «Полтаве».

Сразу после стихов, где бой изображен как хаос, каким он должен был казаться бойцу в пылу схватки, Пушкин в своей поэме говорит:

Среди тревоги и волненья,
На битву взором вдохновенья
Вожди спокойные глядят,

---

[1] К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века. (Цитата дана по книге: «История СССР». Под ред. Б. Д. Грекова и др., т. I, Огиз, Госполитиздат, 1948, стр. 546).

[2] См. там же, стр. 553.

Движенья ратные следят,
Предвидят гибель и победу,
И в тишине ведут беседу...

Великий поэт видел не только труд и ад боя, — он видит вдохновение спокойных вождей, план и предвидение военачальников, управляющих боем. Недаром в своей «Истории» Пушкин приводит слова Петра-полководца: «Наудачу, без плана я никогда делать не буду...» (Стр. 298.)

Государственные мысли историка (Пушкин сказал однажды, что они необходимы автору исторической трагедии) определяли создание исторической прозы, становление которой мы видим в незавершенной поэтом «Истории Петра».

Образ допетровской Москвы, Москвы детства и юности Петра, с ее стрелецкими бунтами и казнями, открывается нам на страницах незавершенной пушкинской книги. Действие переносится из Москвы в Голландию, где Петр с топором в руках работает на верфях, и в Англию. Первый безуспешный Азовский поход сменяется вторым, победоносным, и взятием Азова. С азовских берегов Петр устремляется к берегам Балтики. Города Польши и поля Украины, степи Буджака и волны Балтики, Париж и границы Персии — таково огромное пространство действия, представленное нам в намечающемся повествовании Пушкина.

Рукопись «Истории Петра» начинается рождением и картиной детства Петра и кончается его смертью. Историческая последовательность, сохраняемая Пушкиным на страницах его рукописи, не помешала поэту-историку наметить в ней план книги, где эпоха Петра открывалась бы читателю в смене исторических картин, образующих содержание будущих глав «Истории Петра».

Содержание и драматическое движение первой, близкой к завершению главы пушкинской «Истории» определено борьбой за власть, которую вели против Петра бояре и правительница Софья. В этой главе изображены бунты стрельцов, троекратное бегство Петра в Троицкий монастырь и его победа над мятежниками.

Пушкин пишет о детстве Петра:

«Рассказывают, будто бы на третьем году его возраста, когда в день имянин его, между прочими подарками, один купец подал ему детскую саблю, Петр так ей обрадовался, что, оставя все прочие подарки, с нею не хотел даже расставаться ни днем, ни ночью. К купцу же пошел на руки, поцеловал его в голову и сказал, что его не забудет. Царь пожаловал купца гостем, а Петра, при прочтении молитвы духовником, сам тою саблею опоясал. При сем случае были заведены *потешные...*» (Стр. 19.)

«Зотов по утрам обучал царевича грамоте и закону, а после обеда рассказывал ему российскую историю. Покои дворца были расписаны картинами, изображавшими главные черты из истории, главные европейские города, здания, корабли и проч.» (Стр. 20.)

Сказав об избрании на царство десятилетнего Петра, Пушкин пишет о возмущении стрельцов:

«Стрельцы, отпев в Знаменском монастыре молебен с водосвятием, берут чашу святой воды и образ божьей матери, предшествуемые попами, при колокольном звоне и барабанном бое вторгаются в Кремль».

«Стрельцы, разбив Холопий приказ, разломали сундуки, разорвали крепости и провозгласили свободу господским людям. Но дворовые к ним не пристали». (Стр. 23.)

После нового возмущения стрельцов юный Петр удалился в село Преображенское и умножил число потешных. О роте потешных мы читаем: «Петр был в ней барабанщиком и за отличие произведен в сержанты. Так начался важный переворот, впоследствии им совершенный: истребление дворянства и введение чинов». (Стр. 26.) (Пушкин имеет в виду, как мы говорили уже, оттеснение родовитого дворянства.)

Выразительно сменяются под пером Пушкина сцены новых стрелецких мятежей. Говоря о бунте, связанном с именем Хованских, Пушкин пишет о том, как стрельцы «громко грозились пойти к Троице», где тогда находился Петр, и добавляет: «в сие самое время, пишут летописцы, дана Петру отрава, от которой страдал он

целую жизнь». (Стр. 31.) Узнав о казни Хованских, стрельцы «пришли в робость» и выдали зачинщиков бунта; они «сверх того отрядили из всех полков десятого на казнь. Выборные шли, двое неся плаху, а третий топор». (Стр. 31.)

В заключение главы Пушкин пишет о том, как, подавив новый бунт и свергнув «главную виновницу» мятежей правительницу Софью, «Петр выехал из монастыря и отправился в Москву. В селе Алексеевском встретили его все чины московские при бесчисленном множестве народа. Стрельцы от самого села до Москвы лежали по дороге *на* плахах, в коих воткнуты были топоры, и громко умоляли о помиловании. Петр въехал в Москву 10 сентября и прямо прибыл к собору. От заставы до самого собора стояло войско в ружье. Петр за спасение свое отслужил благодарственное моление. Перед царским домом встретил его Иоанн. Оба брата обнялись и старший в доказательство своей невинности уступил меньшему всё правление, и до самой кончины своей (1696 г.) вел жизнь мирную и уединенную.

Отселе царствование Петра единовластное и самодержавное». (Стр. 46—47.)

Эта знаменательная сцена с заключающей ее итоговой фразой (выделенной Пушкиным в отдельный абзац) звучит как концовка главы.

В следующем, дошедшем до нас разделе пушкинской рукописи действие переносится на берега Азовского моря. Страницы эти гораздо дальше от завершения, чем первая глава, но и по ним можно судить, как намечалось у Пушкина изображение первого Азовского похода — неудачного из-за отсутствия флота и измены начальника русской артиллерии голландца Якова Янсена, который «ночью, заколотя пушки, бежал в Азов». (Стр. 49.) И как описание первого похода сменяется у Пушкина изображением второго, победного похода и взятием Азова. Изображение торжества, ознаменовавшего взятие Азова, Пушкин кончает словами о том, что триумф этот «украшен» был выданным Петру после капитуляции Азова изменником Янсеном, «который ехал под виселицей, обвешенной кнутами». (Стр. 53.)

После сцены азовского триумфа Пушкин пишет:

«В честь сего похода выбита медаль с изображением Петра и с надписью: *молниями и водами победитель*». (Стр. 53.)

«Когда государственные чины пришли поздравлять государя с победою, — пишет далее Пушкин, — то он сказал им, что победу сию должно приписать флоту, им выстроенному, хотя и в малом числе. Он тут же объявил о намерении своем умножить его шестидесятью шестью новыми кораблями, расписал им математический размер» и т. д. «В три года, несмотря на общий ропот, — подчеркивает Пушкин, — флот был выстроен, снащен и вооружен. . .» (Стр. 53—54.)

Отъезд Петра за границу и его пребывание там должны были явиться содержанием следующего раздела «Истории Петра». Драматическое начало его определяется сопротивлением, которое вызвало в России небывалое намерение царя, и обидами, причиненными Петру и его посольству шведским губернатором в Риге.

Рассказывая о пребывании Петра в Риге, Пушкин пишет:

«Однажды Петр поехал осматривать голландские корабли, с намерением нанять один из них для переезда, а как дорога шла около контрэскарпа, то расставленные на валу часовые закричали ему, чтоб он мимо крепости не ездил, и хотели в него стрелять. Им отвечали, чтоб они показали другую дорогу; другой не было, и государя, наконец, пропустили. Губернатор жаловался, говоря, что люди русские, идучи мимо крепости, снимали с нее чертеж, и грозился, что в подобном случае впредь прикажет по них стрелять. В это время известили Петра, что губернатор намерен его задержать и что уже заказано никого из русских за реку не перевозить. Петр, оставя посольство, нанял за шестьдесят червонцев два малые бота и тайно выехал в опасное время оттепели в Курляндию. . .» (Стр. 60.)

Пушкин пишет о пребывании Петра в Голландии:

«Приехав, нарядился он со своею свитою в матросское платье и отправился в Саардам на ботике; не доезжая увидел он в лодке рыбака, некогда бывшего кора-

бельным плотником в Воронеже; Петр назвал его по имени и объявил, что намерен остановиться в его доме Петр вышел на берег с веревкою в руках и не обратил на себя внимания. На другой день оделся он в рабочее платье, в красную байковую куртку и холстинные шаровары и смешался с прочими работниками. Рыбак, по приказанию Петра, никому не объявил о его настоящем имени; Петр знал уже по-голландски, так что никто не замечал, или не хотел дать вид, будто бы его замечает. Петр упражнялся с утра до ночи в строении корабельном. Он купил буер и сделал на нем мачту (что было его изобретением), разъезжал из Амстердама в Саардам и обратно, правя сам рулем, между тем как дворяне его исправляли должность матросскую. Иногда ходил закупать припасы на обед, и в отсутствии хозяйки сам готовил кушание. Он сделал себе кровать из своих рук и записался в цех плотников под именем Петра Михайлова. Корабельные мастера звали его Piter Bas, и сие название, напоминавшее ему деятельную, веселую и странную его молодость, сохранил он во всю жизнь». (Стр. 62—63.)

Под следующим, 1698 годом Пушкин пишет:

«В начале года Петр отправился в Англию на яхте и на трех английских военных кораблях. . .» (Стр. 69.) О пребывании Петра в Англии мы читаем:

«Между тем он неусыпно учился морской архитектуре. Время провожал он, как и в Голландии. Король подарил ему 25-ти пушечную яхту и модель военного корабля, и велел дать морское примерное сражение. . .»

«Потом, — пишет Пушкин о Петре, — ездил он в Гордервик и видел там такие же морские эволюции. На возвратном пути претерпел он бурю. Петр, ободряя с ним бывших, говорил им: «слыхали ль вы, чтоб царь когда-либо утонул?» (Стр. 69—70.)

Рассказ о первом заграничном путешествии царя Пушкин заканчивает словами: «Петра ожидали в Италию, как вдруг получил он через посланного из Москвы гонца известие о новом стрелецком бунте, и государь поспешил возвратиться в Россию с Лефортом и с Головиным, поруча Возницыну присутствовать с цесарскими

и венецианскими министрами на Карловицком конгрессе». (Стр. 72.)

Рассказав об усмирении нового бунта и о казни стрельцов, Пушкин переходит к событиям следующего 1699 года: «Петр, — пишет он — занялся внутренними преобразованиями». (Стр. 76.)

На этих страницах «Истории Петра» изображается канун и возникновение Северной войны.

Пушкин пишет, что Петр требовал от Карла XII не только великого посольства с извинениями за обиды, причиненные ему в Риге шведским губернатором, которые «казались Петру достаточным предлогом к началу войны». (Стр. 79.) Петр требовал возврата России города Нарвы либо Нейшанца (Канцы), с окрестной землею (место, где был построен впоследствии Петербург). В своей «Истории» Пушкин не однажды подчеркивает, что Петр желал «единственно иметь порт на Балтийском море». (Стр. 155 и другие.)

«Ответ Карла XII, — пишет Пушкин, — получен уже в 1700 году. Король отвечал, что рижский губернатор был совершенно прав, а жалобы русского двора неосновательны. В требовании же пристани на Балтийском море отказано». (Стр. 79—80.)

Заключительные строки, посвященные Пушкиным 1699 году, намечают, повидимому, конец главы. Строки эти гласят:

«Повелено с наступающего года вести летоисчисление с рождества Христова, а уже не с сотворения мира, а начало году считать с 1-го января 1700 года, а не с 1-го сентября. Для доброго начинания приказано было в Москве все дома украсить зелеными ветвями (елкой) и друг друга поздравлять с новым годом и с новым столетием (столететним веком). Никогда, — пишет Пушкин, — новое столетие от старого так и не отличалось». (Стр. 81.)

Начало Северной войны и описание нарвского сражения должны были составить содержание следующих страниц в книге Пушкина.

Строки, посвященные нарвскому разгрому, заставляют вспомнить слова Маркса: «Нарва была первой

большой неудачей подымающейся нации, умевшей даже поражения превращать в орудия победы» [1].

В пушкинской «Истории Петра» мы читаем: «Петр, получив известие о поражении, в то время, как он спешил под Нарву с 12.000 войска с амунициею и с военными снарядами, не упал духом и сказал только: «Шведы наконец научат и нас, как их побеждать». (Стр. 95.)

«5 декабря уже писал он строгое письмо Шереметеву, повелевая ему идти на неприятеля... «Болота замерзли», — писал Петр, — людей довольно; отговариваться нечем, разве болезнию, полученной меж беглецами — из коих майор ** на смерть осужден». (Стр. 95.)

Пушкин пишет далее о том, что Петр «наградил свою гвардию, не положившую ружья даже по лишению своих начальников...», повелел в Новгороде «беспрерывно обучать новые полки», приказал перелить в пушки часть монастырских и городских колоколов, а на Волге, в глубоком тылу, готовить новые драгунские полки.

В связи с изменой под Нарвою иностранных офицеров, служивших в армии Петра, Пушкин пишет в последних строках, посвященных им 1700 году: «Все полковники, вновь назначенные, были уже русские, кроме двух новогородских полков». (Стр. 95—96.)

Страницы, посвященные поражению под Нарвой, сменяются у Пушкина изображением осады и взятия Нотебурга — древнего Орешка. Медаль, выбитая в честь возвращения старой русской крепости, изображала портрет Петра, а на другой стороне — записывает Пушкин — «город бомбардированный с надписью — *«Был у неприятеля 90 лет»*. (Стр. 111.) После победы, — пишет он, — Петр назвал взятый город Шлиссельбургом (ключ-городом), видя в нем «ключ, коим отопрутся и другие лифляндские города». (Стр. 109.)

Следующий за взятием Шлиссельбурга — 1703 год явился годом основания Петербурга. Строки, посвящен-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X, 1933, стр. 227.

ные Пушкиным рассказу об этом важнейшем историческом деле Петра (стр. 115), могли бы явиться в книге Пушкина началом новой главы:

«Посреди самого пылу войны Петр Великий думал об основании гавани, которая открыла бы ход торговле с северо-западною Европою и сообщение с образованностию. Карл XII был на высоте своей славы; удержать завоеванные места, по мнению всей Европы, казалось невозможно. Но Петр Великий положил исполнить великое намерение и на острове, находящемся близ моря, на Неве, 16 мая заложил крепость С.-Петербург *(одной рукою заложив крепость, а другой ее защищая», —* говорит в скобках Пушкин, ссылаясь на Голикова).

Мы читаем дальше о прибытии в Петербург первых голландских кораблей:

«Петр всегда посещал корабельщиков на их судах. Они угощали его водкой, сыром и сухарями. Он обходился с ними дружески. Они являлись при его дворе, угощаемы были за его столом... (До сих пор Пушкин остается как будто близок к источнику. — *И. Ф.)*. Их уважали и, — добавляет Пушкин, — вероятно не любили». (Стр. 117.) Как меняют все дело эти слова Пушкина!

Осада и взятие Нарвы Петром — исторический ответ на нарвский разгром, ознаменовавший начало Северной войны, — изображаются Пушкиным вслед за основанием Петербурга. Через четыре года после поражения под Нарвой:

«Петр, отпраздновав победу (т. е. взятие Дерпта. — *И. Ф.*), — на шведских фрегатах со шведскими знаменами и штандартами — Чудским озером возвратился под Нарву».

«Артиллерия была привезена. Петр в воинском совете положил сделать пролом с Ивангородской стороны в бастионе, именуемом *Виктория.* В тот же час построены батареи и *кетели».*

Далее мы читаем: «30 июля, после молебствия, началась канонада в тот бастион и бомбардирование города. Произошли пожары; лаборатория с треском была взорвана. В девять дней сделан был в бастионе

широкий пролом. С другой стороны бастион *Гонор* был обрушен и засыпал собою ров...

...В сей крайности Петр предложил через дерптского коменданта Шките о сдаче города на условие...

...Ответ Горна, пришедший на другой день, был гордый и обидный отказ. Петр повелел его прочесть перед войском. Озлобленные солдаты требовали, чтоб их вели на приступ. Военный совет определил быть приступу.

8-го августа *приступные* лестницы тайно принесены в апроши. Все гренадеры посланы туда с повелением при начале приступа метать гранаты на бастионы. Против Виктории сделана новая батарея. — 9-го армия вся выступила из лагеря к апрошам. В ров с лестницами, по повелению Петра, посланы солдаты, бывшие в бегах и заслужившие казнь. Им приказано ставить их к обрушенному бастиону, по данному знаку лестницы были поставлены, и солдаты под начальством генерал-поручика Шенбека и генерал-майоров Чамберса и Шарфа полезли со всех сторон на стены. Осажденные открыли огонь, взорвали подкоп и осыпали русских бочками, бревнами и каменьями. Русские не хладели, и в три четверти часа со всех сторон взошли на стены и погнали шведов до самого *старого города,* куда Горн скрылся вместе с ними. Он запер ворота и в знак сдачи повелел ударить в барабаны. Но рассвирепевшие солдаты ничего не слышали. Горн сам кулаками бил в барабан. Солдаты наши лезли на стену и кололи шведских барабанщиков. Другие устремились за бегущими до самых Ивангородских ворот и менее нежели в два часа, овладели всеми около него укреплениями. В Нарве поднялся грабеж. Солдаты били по улицам всех, кто им ни попадался, не слушая начальников, повелевающих пощаду. Петр кинулся между ими с обнаженной шпагою и заколол двух ослушников. Потом, сев на коня, обскакал нарвские улицы, грозно повелевая прекратить убийства и грабеж, расставил повсюду караулы (особенно по церквам и лучшим домам) и прибыл к ратуше, наполненной трепещущими гражданами. Петр, между ими увидев и Горна, в жару своем дал ему пощечину, и сказал с гневом: «Не ты ли всему виноват? не имея

никакой надежды на помочь, никакого средства к спасению города, не мог ты давно уже выставить белого флага?» — Потом, показывая шпагу, обагренную кровью, «смотри, — продолжал он, — эта кровь не шведская, а русская. Я своих заколол, чтоб удержать бешенство, до которого ты довел моих солдат своим упрямством». (Стр. 122—124.)

Рассказ о событиях 1704 года заканчивается описанием триумфального въезда Петра в Москву, последовавшего за нарвской победой. Взятый в плен комендант Нарвы проведен был по улицам Москвы. Пушкин пишет об этом, называя число пленных, именуя трофеи: «Ведены были генерал-майор Горн и 159 офицеров, несено 40 знамен и 14 морских флагов, везено 80 пушек. . . Знатнейшие люди всех сословий поздравляли государя. Народ смотрел с изумлением и любопытством на пленных шведов, на их оружие, влекомое с презрением, на торжествующих своих соотечественников и начинал мириться с нововведениями». (Стр. 129.)

Мы вправе предполагать, что это описание должно было стать заключением одной из намечавшихся глав «Истории Петра».

Исторический канун Полтавы составляет содержание следующих разделов пушкинской рукописи. Это время было для Петра критическим. Говоря о событиях 1707 года, Пушкин пишет:

«Порта[1] вошла тогда в сношение с Карлом, возмущаемая польским послом. Кубанские народы также шевелились. Карл хвалился явно, что придет в Москву и возмутит русских, уже готовых к бунту». (Стр. 181.)

Описание событий 1707 года Пушкин заканчивает знаменательными строками, которые мы уже приводили. Шведы, как помнит читатель, надеялись не только победить Петра и свергнуть его с престола, но и «выгнать» русский народ «со света», — даже не силой оружия, а «плетьми». Заканчивающий эти строки у Пушкина ответ Петра на угрозы Карла XII обозначил бы собой, вероятно, в композиции пушкинской книги исторический канун Полтавы.

[1] Т. е. Турция.

Петр заранее готовился встретить шведов. Он, — пишет Пушкин на первой же странице «Истории Петра», посвященной событиям 1707 года, — «дает указ, чтоб от границ на 200 верст поперек и в длину от Пскова, через Смоленск, до Черкасских городов — хлеба на виду ни у кого не было, а зарывать его в ямах или скрывать в лесах». И далее: «Петр определил в Польше генерального сражения не давать; если же обойтиться без него будет невозможно, то сразиться при своих границах. В Польше же стараться только о вреде неприятелю партизанскою войною». (Стр. 179.)

Весной 1707 года, — пишет Пушкин, — «Петр послал бомбардирского капитана Корчмина с повелением укрепить <в Москве> Кремль и Китай» (т. е. Китай-город). (Стр. 181.)

В стихах «Полтавы» Пушкин сказал:

Незапно Карл поворотил
И перенес войну в Украйну.

А в черновых вариантах к ним объяснил причину этой внезапной перемены: Карл «повернул войну» — «В средину новых средств и сил (В рассадник новых средств и сил), — В благословенную Украйну».

«10-го сентября, — читаем мы в «Истории Петра» под 1708 годом, — Петр получил известие, что Карл перешел через Сожу и устремился к Украйне. В то же время узнали, что и Левенгаупт поспешно от Риги идет на соединение с Карлом». В воинском Совете, — пишет Пушкин, — решено было: «. . .Шереметеву вслед за королем идти в Украйну; самому же Петру с гвардией и с несколькими кавалерийскими полками идти как можно поспешнее противу Левенгаупта, ибо главным делом было воспрепятствовать соединению» (Левенгаупт шел к королю с артиллерией и боевыми припасами. — *И. Ф.*). «Гвардия посажена была на лошадей».

«Наконец 27 сентября, — читаем мы далее, — Петр увидел Левенгаупта, стоящего у деревни *Долгие Мхи* за рекою». . . «Ночью Петр переправился и нагнал его о полудни под Лесным, стоящего за болотами в месте неприступном». (Стр. 195—196.)

Описав ход сражения и рассказав о разгроме шведов, Пушкин пишет: «Победу под Лесным Петр называл потом матерью полтавской победы, последовавшей через 9 месяцев». (Стр. 199.)

Вслед за тем говорится: «Мазепа утешал шведского короля и обнадеживал его победою... Дабы отвратить от себя подозрение и между тем и для заготовления для шведов запасов, — он, — пишет Пушкин, — обнародовал универсалы, в коих увещевал жителей зарывать хлеб, деньги и имущество; в церквах повелел молиться о избавлении Малороссии от нашествия врагов православия. Эта излишняя хитрость повредила ему. Карл усумнился в искренности предателя, и народ, устрашенный и взволнованный, возненавидел шведов и остался тверд в своем подданстве.

Карл в недоумении остановился лагерем на берегу Десны и оставался без действия».

«Петр, — пишет Пушкин, — имел подозрение на старого гетмана... Мазепа хитрил и медлил...

...Он в укрепленном Батурине оставил своих единомышленников..., а сам отправился к Десне. Перешед оную, он выстроил свое войско в виду приближавшихся шведов, и, когда все ожидали сражения, он вдруг, обратясь к малороссиянам, произнес сильную речь, в которой открыл настоящее свое намерение. Малороссияне, не приуготовленные ни к чему, испугались, и один за другим обратились в бег. Осталось при гетмане около 2 000 наемных его сердюков, с коими он и явился к шведскому королю». (Стр. 199—200.)

После этого Петр известил Апраксина «...о измене Мазепы, 21 год верного и при гробе ставшего предателем. Князю Долгорукому на Дон (подчеркивает Пушкин) Петр пишет: «Слава богу, что в замысле его и пяти человек нет». «...Многие из сообщников Мазепы оставили его...» — читаем мы в «Истории Петра». — «Города прислали к Петру своих депутатов; мужики приносили русскому начальству письма Мазепы; даже нападали на шведов etc». (Стр. 201—202.)

«Зима была жестока. Шведы терпели великую нужду, — чему, — замечает Пушкин, — виновен был и Мазепа, свезший весь провиант в укрепленные места,

подпавшие в руки русских». Говоря о занятии русскими Ромны, Пушкин добавляет: «Сие было в декабре, в жестокие морозы, когда и птицы мерзли в воздухе». (Стр. 203.)

Петр «не думал, чтоб зима прошла без главного сражения (а сия игра в божиих руках)», — приводит Пушкин слова Петра.

«. . .Узнав из перехваченных писем, что Карл и Мазепа звали Станислава [1], Петр сказал: «желал бы я, чтоб и он подоспел, тогда бы угостили мы трех королей». (Стр. 204.)

Наконец под 1709 годом в «Истории Петра» мы читаем:

«Петр получил известие, что Полтава осаждена, что Карл несколько раз уже приступал к городу и в сильной блокаде его держит, и 31 мая по почте поехал в армию.

Мазепа уверял Карла, что взятие Полтавы привлечет к нему Малороссию. В ней заготовлены были магазейны (в коих шведы нуждались). Взятие Полтавы, — говорит Пушкин, — открывало королю сообщение с поляками, казаками и татарами и дорогу в Москву. Карл не сумневался в своем счастии, в кое он всегда верил. . .» [2] (Стр. 213—214.)

«Нам необходимо было усилить Полтавский гарнизон». (Стр. 214.)

Пушкин рассказывает далее о том, как 7-го мая русские с боем ввели в осажденную шведами Полтаву вспомогательный отряд.

Осада города, однако, длилась весь май, она продолжалась в июне; наконец «осажденные письмами, бросаемыми в пустых бомбах, дали знать, что у них недостаток в порохе, и что неприятель уже вкопался сквозь вал и в полисад.

Петр собрал Совет 16-го июня. В нем положено, перешед реку, дать генеральное сражение, как единственный способ освободить город». (Стр. 216.)

---

[1] Избранного по указанию Карла на польский престол.

[2] «По наущению Фрелинга (говорит в скобках Пушкин, ссылаясь на Голикова), веровавшего в предопределение».

Указав, как Петр расположил свои силы, готовясь к сражению, Пушкин пишет:

«25-го Карл осматривал сам наш лагерь, ранен был в ногу etc.[1]

26-го Петр осматривал положение мест, располагая план сражения. Но Карл его предупредил». (Стр. 216.)

«27 июня до восхождения солнечного неприятель тронулся, с намерением атаковать нашу конницу. . .» — пишет Пушкин в «Истории Петра», намечая вслед за тем на основе «собранных из достоверных источников» И. Голиковым «Деяний Петра Великого» ход полтавского сражения.

В стихах «Полтавы» бой изображен был Пушкиным поэтически-обобщенно, и один из современников, недовольный поэмой, простодушно критиковал в журнале «Сын Отечества» третью песнь ее — описание Полтавского боя — за недостаток точности.

«Военный человек, — писал он, — скажет на это: если кавалерия своя и неприятельская рубятся между собой, то ядра не могут между ними прыгать и разить потому, что в толпу неприятеля, смешанного с своими, стрелять не станут. Ядра могут шипеть в крови, когда раскалены, но раскаленными ядрами в полевых сражениях не стреляют. Скрежету в битвах поныне не слыхивали, а прочее все благополучно и нового ничего нет, о чем донесть честь имею»[2]. Этому критику «Полтавы» нравились, видимо, только такие описания сражений, о которых еще в сатире пушкинских времен было сказано: «В стихах реляция! . .»

Правда, в черновиках «Полтавы» среди стихов, посвященных полтавскому бою, можно прочесть, например, такие строки:

Сраженья общего предтечи
Повсюду частные бои

---

[1] В одном из примечаний к «Полтаве» Пушкин писал об этом подробнее: «Ночью Карл, сам осматривая наш лагерь, наехал на казаков, сидевших у огня. Поскакал прямо к ним и одного из них застрелил из собственных рук. Казаки дали по нем три выстрела и жестоко ранили его в ногу».

[2] «Сын Отечества и Северный архив», 1829, т. III, № XVI, стр. 109.

Однако эти слишком точные определения, вернее термины, уместные в реляции или в специальном, военно-историческом описании, но выпадавшие из поэтического строя поэмы, Пушкин оставил в черновой рукописи «Полтавы».

В «Истории Петра» ход полтавского боя еще только намечен Пушкиным, но намечен, в отличие от поэмы, конкретно, и мы читаем: «Главная шведская армия пробивалась сквозь редуты, наша конница сбивала неприятельскую (взяв 14 штандартов и знамен). Неприятель беспрестанно подкреплял свою конницу, а нам сие делать было невозможно; предводитель оной храбрый Рен, ранен был в бок. Петр повелел Боуру (заступившему Рена) отступить справа от нашего ретраншемента, с наблюдением, чтоб гора была у него во фланге, а не назади (дабы неприятель не мог утеснить ее под гору). Боур стал отступать, а неприятель его преследовать. Тогда шведы очутились под огнем нашего укрепления и приняты были пушками во фланг. Они отступили на пушечный выстрел и выстроились в боевом порядке». (Стр. 217.)

Сохраненные в нашей памяти только гениальными стихами поэта имена разбитых шведских генералов («Уходит Розен сквозь теснины — Сдается пылкий Шлиппенбах») появляются пред нами вновь на страницах «Истории Петра», где читаем: «Неприятель был порублен. Генерал-майор Шлиппенбах сдался, а генерал-майор Розен отступил к полтавским апрошам». (Стр. 218.)

Сказав о том, как Петр «вывел из укрепления свою армию и выстроил ее», Пушкин продолжает: «Петр объехал со своими генералами всю армию, поощряя солдат и офицеров, и повел их на неприятеля. Карл выступил ему навстречу; в 9-ом часу войска вступили в бой. Дело не продолжалось и двух часов — шведы побежали». (Стр. 218—219.)

В «Истории Петра» Пушкин приводит точные, сухие цифры, перечисляя потери шведов, трофеи и пленных. Он пишет: «На месте сражения сочтено до 9234 убитыми. Голиков погибшими полагает 20.000, на три мили поля усеяны были трупами». О шведах же, оставшихся

в живых, сказано: «Левенгаупт с остальными бежал, бросая багаж и коля своих раненых»...

«Карл, упавший с качалки, был заблаговременно вынесен и увезен к Днепру. Он соединился с войском своим под Переволочною; тут оставил он его и бежал в турецкие границы с несколькими сот драбантов и с генералами Лангерскроном и Шпаром». (Стр. 219.) Это был тот самый Шпар (Спарре), который, как помнит читатель, был заранее уже назначен Карлом «Московским губернатором».

Вскоре «Карл прислал Мардофельда в Полтаву...» «Карл, — читаем мы в «Истории Петра», — присылал его с предложением о мире, на тех условиях, кои (ранее, до полтавского боя. — *И. Ф.*) предлагал Петр. Ему отвечали, что уже поздно...» (Стр. 221.)

Сказав о том, что ставленник Карла на польском престоле Лещинский и Крассов бежали после полтавского разгрома в Померанию, Пушкин пишет: «Сначала они рассеивали ложные слухи о полтавской битве; наконец, Лещинский в Померании отказался от короны». И добавляет: «Польские вельможи отовсюду съезжались к Петру с поздравлениями...» (Стр. 224.)

Далее мы читаем: «23 сентября Петр прибыл в Варшаву...» (Стр. 225.)

«26-го... встретил его Август» — прежний союзник Петра, вступивший после ряда своих поражений в соглашение с Карлом, но теперь снова объявленный Петром законным королем Польши. «Король при встрече с царем смутился и изменился в голосе и в лице. Петр, поздравляя его, сказал ему, что прошедшего поминать не должно, что он знает, что за необходимость заставила короля поступить вопреки собственной пользы; но между тем, — замечает Пушкин, — Петр имел на себе ту самую шпагу, которую Август подарил Карлу XII». (Стр. 225—226.)

А изображая далее свидание Петра с Фридрихом, королем прусским, Пушкин приводит свидетельство современника-мемуариста, рассказывающего, что «Петр подарил Фридерику шпагу, которую носил он под Полтавою, и, несмотря на то, что она была тяжела, длинна

и неловка, король все время носил ее на себе». (Стр. 228.)

Рассказ о двух этих шпагах выразительно характеризует отношения между Петром-победителем и королями, искавшими теперь союза с ним.

Сразу же после полтавской победы, — читаем мы в «Истории Петра», — Петр «объявляет Колычеву за тайну о будущей морской кампании...» (Стр. 222 — 223.) Недаром Петр на полтавском поле поднял свой морской контр-адмиральский флаг.

Завоевание Прибалтики, взятие Выборга и Риги сменяется в «Истории Петра» описанием Турецкой кампании, неудачного Прутского похода Петра.

Пушкин отвергает рассказы о том, что находившаяся в лагере Петра при Пруте Екатерина отослала, будто бы «тайно от Петра», «деньги и алмазы в подарок визирю...», чтобы купить этой ценой мир и избавить Петра и его армию от угрожавшего разгрома. «Все это вздор», — замечает Пушкин. (Стр. 269.)

Рассказав о том, как Карл прискакал из Бендер «о дву конь» к визирю, когда мирный трактат «был уже разменен», Пушкин пишет: «Визирь встретил его за лагерем как будто нечаянно. Карл грозно выговаривал ему, как смел он без его ведома кончить войну, начатую за него; турок отвечал, что войну вел он и кончил для пользы султана. Карл требовал от него войска, обещая русских разбить и теперь. Визирь отвечал: «Ты уже их испытал, и мы их знаем. Коли хочешь, нападай на них со своими людьми, а мы заключенного мира не нарушим». Карл, — пишет Пушкин, — разорвал шпорою платье хладнокровного турки, поскакал к крымскому хану, а оттуда в Бендеры...» (Стр. 270.)

Неудача Прутского похода не смогла помешать укреплению России на Балтике.

Изображение Гангутского боя — «морской Полтавы» — должно было составить содержание одного из важных эпизодов «Истории Петра», в которой Пушкин отдал так много внимания превращению России в великую морскую державу.

Страницы, которые должны были быть посвящены

сражению при Гангуте, только намечены Пушкиным. Под 1714 годом мы читаем:

«16 июля, осматривая новоприбывший из Голландии корабль, Петр получил от Апраксина известие, что шведский флот у Ангута, а что адмиралу пройти туда невозможно. Апраксин требовал от господина шаутбенахта[1] или диверсии, или его прибытия во флот...

...20-го числа прибыл Петр в Твереминд к Апраксину; на другой день осмотрел неприятеля...

...Тверениндская гавань имеет узкий выход. Вывести из оной флот в глазах неприятеля было опасно, к тому же неприятель мог оный и запереть. Петр положил до 80 легких галер перетащить через перешеек и воспользоваться диверсией». (Стр. 334).

«...27-го июля весь наш галерный флот выступил, дабы пробиться сквозь шведский (на коем было до 1.127 пушек). Он прошел благополучно под страшным огнем; одна только галера села на мели и взята. Апраксин соединился с Змаевичем и послал к командиру шведской эскадры... чтоб он сдался. Получа отказ, Петр с генералом Вейдом напал на эскадру; бой продолжался от третьего до пятого часа, эскадра была взята, командир оной шаутбенахт Эрншильд был взят в шлюпке, на которой хотел уйти...» (Стр. 335.)

Пушкин пишет: «Сия победа и завоевание Аланда привели в ужас Швецию...» (Стр. 336.)

«...Петр торжествовал морскую победу свою, как Полтавскую». (Стр. 337.)

После громких побед, одержанных на суше и на море, когда дело Петра казалось уже обеспеченным прочно, возникает процесс царевича Алексея, который должен был стать содержанием чрезвычайно важной главы пушкинской книги о Петре. Страницы, посвященные суду над царевичем, раскрывают перед нами творческую работу Пушкина-историка. На страницах этих проступают куски прозы, которые вошли бы, пови-

---

[1] То есть от Петра, который носил в это время звание шаутбенахта (контр-адмирала).

димому, в окончательный текст «Истории Петра» без изменений или почти без изменений. Но многое записано здесь Пушкиным только для себя: тем интереснее в ряде случаев эти записи, опубликование которых в пушкинские времена было немыслимо.

Под 1718 годом мы читаем: «Царевич родился 1690 (году), февраля 29..., до 1699 года находился подле царицы. Петр определил к нему в наставники фон Гизена (царевичу было 10 лет) и поручил его князю Меншикову.

Петр записал его сержантом в гвардию, держал при себе; водил в сражения, посылал путешествовать, *уважал его ум*... несколько раз давал ему важные поручения, в 1708 при Долгоруком посылал на бунтующий Дон, в 1711 — в Польшу. Женил его на принцессе Волфенбительской...

Она, кажется, изменила мужу с молодым Левенвольдом. Царевич ее разлюбил и взял себе в наложницы чухонку...

Царевич был обожаем народом, который видел в нем будущего восстановителя старины. Оппозиция вся (даже сам князь Яков Долгорукий) была на его стороне. Духовенство, гонимое протестантом царем, обращало на него все свои надежды. Петр ненавидел сына, как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания». (Стр. 385—386.)

Пушкин, как мы видим, подчеркивает, что ненависть Петра к сыну возникла не сразу и по причинам государственным, а не личным.

Мы читаем далее о том, как бежавший за границу царевич «привезен был в Москву в конце января Толстым и Румянцевым. 3-го февраля велено было гвардейским полкам и двум ротам гренадер занять все городские ворота. Знатные особы, — пишет Пушкин, — собрались *в столовой Кремлевского* дворца. Туда прибыл и Петр. Царевич без шпаги был приведен и, пав к ногам отца, подал ему повинное письмо, в коем просил помилования.

Петр принял письмо и объявил сыну прощение, но приказал ему объявить о всех обстоятельствах побега и о всех лицах, советовавших ему сию меру или ведав-

ших об оной. Буде же утаит, то прощение будет не в прощение.

Потом Петр объявил его от наследства престола отрешенным и требовал от царевича, чтоб он ныне присягою утвердил прежнее свое отрицание. Царевич прочел заготовленную присягу.

Тогда Петр повелел прочесть манифест, в коем он, объясняя преступления царевича, лишает его престола, и потом все министры, генералы, офицеры и знатные граждане присягнули царевичу Петру Петровичу, яко законному наследнику престола». (Стр. 386—387.)

«. . .4-го начался суд.

Петр предложил несчастному следующие запросы, угрожая уже лишением живота». (Стр. 387.)

Приведя «запросы» Петра и ответы царевича Алексея, Пушкин сообщает:

«Петр учредил следственную комиссию. Алексей подал дополнительные признания. Он запутывает Федора Дубровского и Семена Нарышкина.

Начался розыск. Дворецкий И. Афанасьев показал, что царевич гневался на графа Головкина и его сына Александра, да на князя Трубецкого за то, что навязали они ему *жену чертовку,* грозясь посадить их на кол и проч.

Федор Еварлаков донес на неохоту, с которой царевич ездил в поход.

Царевич оправдывался тем, что был пьян, когда то говорил — впрочем, во всем признался».

О любовнице Алексея Ефросинии Пушкин пишет: «Девка царевича не была еще привезена». (Стр. 389.)

Далее мы читаем:

«В сие время другое дело озлобило Петра: первая супруга его, Евдокия, постриженная в Суздальском Покровском монастыре, привезена была в Москву. . . Оба следственные дела спутались одно с другим. Бывшая царица уличена была в ношении мирского платья, в угрозах именем своего сына, в связи с Глебовым; царевна Мария Алексеевна в злоумышлении на государя; епископ Досифей в лживых пророчествах, в потворстве распутной жизни царицы и проч.

15 марта казнены Досифей, Глебов, Кикин казначей и Вяземский...

...Царица высечена и отвезена в Новую Ладогу». (Стр. 390.)

«...Государственные дела, — пишет Пушкин, — шли, между тем, своим порядком». (Там же.)

«Дело царевича, казалось, кончено. Вдруг оно возобновилось... Петр велел знатнейшим военным, статским и духовным особам собраться в Петербург (к июню).

В мае прибыл обоз царевича, а с ним и Афросиния.

Доказано было, что несчастный утаил *приложение, что писано о нем из Москвы.* Дьяки представили черновые письма царевича сенаторам и архиереям. Изветы ее (Афросинии) были тяжки, царевич отпирался. Пытка развязала ему язык; он показал на себя новые вины». (Стр. 397—398.)

16 июня «приказали судьи выписать из св. писания и из светских законов статьи, идущие к делу...»

«...Гражданские чины, порознь, объявили единогласно и беспрекословно царевича достойного смертной казни.

Духовенство (замечает здесь Пушкин), как бабушка, сказало надвое». (Стр. 399.)

24-го июня Толстой объявил *в канцелярии* Сената новые показания царевича и духовника его (расстриги) Якова...

И тогда же приговор подписан.

25-го (июня. — *И. Ф.)* прочтено определение и приговор царевичу в Сенате.

26-го царевич умер отравленный.

28-го тело его перенесено из крепости в Троицкий собор.

30-го погребен в крепости в присутствии Петра.

Есть предание: в день смерти царевича торжествующий Меншиков увез Петра в Ораниенбаум и там возобновил оргии страшного 1698 года». (Стр. 399.)

Рассказав о смерти царевича, Пушкин пишет:

«Петр, между тем, не прерывал обыкновенных своих занятий». (Там же.) Мы видим в изображении Пушкина, как важны государственные заботы Петра: экспедиция Бековича в Среднюю Азию, строительство флота и Петербурга, мирные переговоры со Швецией («Петр прибыл к Аланду со флотом 2 августа, — пишет Пушкин, — дабы ускорить ход переговоров» — стр. 401), — вот важнейшие из числа этих дел.

Пушкин не скрывает жестокости Петра, но показывает, что не ею определена была судьба Алексея. В отличие от Вольтера, рисующего мелодраматическую сцену запоздалого примирения Петра с виновным сыном и оправдывающего Петра в своей книге о нем рассуждениями и примерами из римской истории, Пушкин не только говорит о государственной необходимости, вызвавшей процесс и смерть царевича Алексея, но, как великий писатель-реалист, конкретно показывает историческое значение дел Петра, ход которых могла бы остановить реакционная оппозиция, видевшая в царевиче свою надежду.

Содержанием важной главы «Истории» должен был явиться Персидский поход Петра (1722), которому Пушкин посвятил замечательные страницы. Мы приводили уже из них строки, представляющие собой образец исторической прозы Пушкина, посвященной Востоку. Глава эта в целом далеко не обработана и не завершена, но в ней сказывается глубокое постижение Пушкиным Востока, и мы узнаем автора «Подражаний Корану» и «Путешествия в Арзрум», как в строках «Истории Петра», посвященных войне с Карлом и измене Мазепы, узнаем автора «Полтавы».

Пушкин пишет, например, о том, как «Рящинский» (т. е. Рештский) визирь старался задержать шахского посла Измаил-бека, чтобы воспрепятствовать заключению выгодного для России мира. Русский консул Аврамов и Шипов помешали визирю.

Мы читаем: «Рящинский визирь помышлял сделаться самовластным и независимым. Он боялся сношений Техмаса с Петром и всячески задерживал Измаил-бека, надеясь заставить шаха переменить

мысли свои. Аврамов это проник, и Шипов предложил послу перебраться на судно и ехать в Астрахань.

Визирь ожидал уже от шаха повеления послу остаться. Аврамов поехал навстречу курьера, дождался его и задержал, сколько нужно было времени. А Соймонов, между тем, выпроводил посла, под предлогом счастливого положения звезд; и Измаил поехал в начале января 1723 года, и визирь получил указ шаха уже поздно». (Стр. 437.)

«. . .Петр, — пишет Пушкин, — 27-го июля прибыл в Петербург, куда прибыл и посланник шаха Измаил-бек. . . 10 августа. . .

. . .12-го заключен с Персиею трактат.

Дагестан, Ширван, Гилань, Мезандеран и Астрабат уступлены России. . . 14-го сентября дана послу отпускная аудиенция — и тогда же Петр получил известие о взятии Баку». (Стр. 445—446.)

Завоевывая побережье Каспийского моря, Петр искал торгового пути в Индию. В последние дни жизни Петр, — пишет Пушкин, — назначил капитана Беринга «для открытия пути в Восточную Индию через Ледовитый океан». (Стр. 460.)

Смертью Петра заканчивается пушкинская «История» (в том виде, как она дошла до нас). Описание ее предварено у Пушкина рассказом о том, как, спасая тонущий бот, «Петр выскочил и шел по пояс в воде, своими руками помогая тащить судно», отчего возобновилась его старая болезнь. (Стр. 457.)

Описание смерти Петра было опубликовано почти сто лет назад Анненковым, принявшим его за программу будущего исторического рассказа, в то время как оно относится к числу замечательных, хотя не доработанных еще, страниц пушкинской прозы; они до сих пор не оценены по достоинству.

Пушкин изображает предсмертные страдания Петра, избавляя этим себя, в отличие от Голикова, от необходимости доказывать, что Петр не был отравлен Екатериной; мы видим, что смерть его наступила от давней болезни.

Как выразительно изображает Пушкин умирающего Петра, уже лишенного речи, недавно еще мощного, а

теперь бессильного выразить свою волю! Петр, который самовластно отменил древний порядок престолонаследия и должен был сам избрать и назначить наследника, умирает без завещания, не в силах будучи даже произнести имя своего преемника и оставляя государство на произвол борющихся между собой за власть дворцовых партий. Пушкин пишет:

«Он велел призвать к себе цесаревну Анну, дабы ей продиктовать. Она вошла, но он уже не мог ничего говорить». (Стр. 462.) В первый раз эта фраза Пушкина звучит как сообщение, важное для смысла повествования. Во второй раз, едва измененная, та же фраза передает трагизм совершающейся смерти Петра: «Он уже не сказал ничего»[1]. (Стр. 462.) Интонация этих слов звучит теперь с новою силой.

Когда же безмолвному, но не впавшему еще в беспамятство Петру предложили в последний раз причаститься, «Петр, — пишет Пушкин, — в знак согласия приподнял руку»[2]. (Стр. 462—463.)

Вот страницы, посвященные Пушкиным смерти Петра.

«16-го января Петр начал чувствовать предсмертные муки. Он кричал от рези.

Он близ своей спальни повелел поставить церковь походную.

22-го исповедывался и причастился.

Все петербургские врачи собрались у государя. Они молчали; но все видели отчаянное состояние Петра. Он уже не имел силы кричать и только стонал, испуская мочу.

При нем дежурили 3 или 4 сенатора.

25-го сошлись во дворец весь Сенат, весь генералитет, члены всех коллегий, все гвардейские и морские офицеры, весь Синод и знатное духовенство.

Церкви были отворены: в них молились за здравие умирающего государя. Народ толпился перед дворцом.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала в об-

---

[1] Разрядка наша. — *И. Ф.*

[2] Разрядка наша. — *И. Ф.*

морок, она не отходила от постели Петра и не шла спать, как только по его приказанию.

Петр царевен не пустил к себе. Кажется, при смерти помирился он с виновною супругою.

26-го утром Петр повелел освободить всех преступников, сосланных на каторгу (кроме двух первых пунктов [1] и убийц), *для здравия государя.*

Тогда же дан им указ о рыбе и клее (казенные товары).

К вечеру ему стало хуже. Его миропомазали.

27-го дан указ о прощении неявившимся дворянам на смотр. Осужденных на смерть по Артикулу по делам Военной коллегии (кроме etc [2]) простить, дабы молили они о здравии государевом.

Тогда-то Петр потребовал бумаги и перо и начертал несколько слов неявственных, из коих разобрать было можно только сии: *«отдайте все»...* Перо выпало из рук его. Он велел призвать к себе цесаревну Анну, дабы ей продиктовать. Она вошла. Но он уже не мог ничего говорить.

Архиереи псковский и тверской и архимандрит Чудова монастыря стали его увещевать. Петр оживился, показал знак, чтоб они его приподняли, и, возведши руки и очи вверх, произнес засохлым языком и невнятным голосом: *«сие едино жажду мою утоляет; сие едино услаждает меня»...*

...Присутствующие начали с ним прощаться. Он приветствовал всех тихим взором. Потом произнес с усилием: *«после»...* Все вышли, повинуясь в последний раз его воле.

Он уже не сказал ничего. 15 часов мучился он, стонал, беспрестанно дергая правую свою руку, левая была уже в параличе. Увещевающий от него не отходил, Петр слушал его и несколько раз силился перекреститься.

Троицкий архимандрит предложил ему еще раз при-

---

[1] То есть кроме осужденных за важнейшие государственные преступления.

[2] То есть кроме осужденных за важнейшие государственные преступления и убийц.

частиться. Петр в знак согласия приподнял руку. Его причастили опять. Петр казался в памяти до четвертого часа ночи. Тогда начал он охладевать и не показывал уже признаков жизни. Тверской архиерей на ухо ему продолжал свои увещевания и молитвы об отходящих. Петр перестал стонать, дыхание остановилось — в 6 часов утра 28 января Петр умер на руках Екатерины.

Екатерина провозглашена императрицей (велением Меншикова, помощию Феофана и тайного советника Макарова).

В тот же день обнародован манифест.

Полкам в Петербурге роздано жалование. Генерал-майор Дмитриев-Мамонов послан в Москву к сенатору графу Матвееву.

2 февраля напечатана присяга и разослана по всему государству.

Труп государя вскрыли и бальзамировали. Сняли с него гипсовую маску.

Тело положено в меньшую залу. 30 января народ допущен к его руке.

4-го марта скончалась 6-летняя царевна Наталья Петровна. Гроб ее поставлен в той же зале.

8-го марта возвещено народу погребение. Через два дня оное совершилось. . .» (Стр. 460—463.)

Так кончается рукопись незавершенной «Истории Петра».

Современники признавали «Историю Петра» важнейшим трудом Пушкина в последние годы его жизни. Он успел в эти годы подготовить черновую конструкцию своей будущей книги, собрав, изучив и предварительно обработав поистине огромный исторический материал. Общие контуры его великой книги были уже ясны; написанный Пушкиным подготовительный текст создавал возможность быстро, «в год или в течение полугода» закончить ее. Пушкин, по всей видимости, предполагал перенести в окончательный текст своей «Истории» содержавшиеся уже в подготовительном тексте ее готовые или почти готовые страницы; в то же время он имел возможность развернуть с большой

быстротой содержавшиеся в том же подготовительном тексте рабочие программы для того, чтобы превратить весь свой текст в законченный исторический рассказ. Выполнить подобную задачу Пушкин мог потому, что программы его были подкреплены историческим материалом и достаточно ясно намечали содержание и построение ряда неготовых разделов «Истории Петра».

«Перед дуэлью Пушкин не искал смерти; напротив, надеясь застрелить Дантеса, поэт, по свидетельству близкого к нему современника, располагал поплатиться за это лишь новою ссылкою в Михайловское... и там-то на свободе предполагал заняться составлением Истории Петра Великого» [1]. Надежды Пушкина не сбылись, смерть оборвала его работу, и великий труд его остался незавершенным.

---

[1] А. Н. Вульф. «Рассказы о Пушкине». «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников». Л., Государственное издательство «Художественная литература», 1936, стр. 311.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

О СОЖЖЕННЫХ „ЗАПИСКАХ“ ПУШКИНА

Автобиографические записки Пушкина представляют собой важнейшее не дошедшее до нас произведение поэта. О судьбе их Пушкин писал: «В 1821 году начал я свою биографию, и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора я принужден был сжечь сии записки»[1].

Это было, повидимому, большое произведение: Пушкин указывает, что своей «Биографией» он «занимался» «несколько лет сряду». Вместе с нею поэт уничтожил и свои «Ежедневные записки», служившие ему материалом для «Биографии». Вспоминая об уничтожении всего этого труда в целом, Пушкин пишет, что он «принужден был сжечь свои тетради» (во множественном числе)[2]. Наконец за три месяца до сожжения своей «Биографии» Пушкин сообщал одному из друзей, что переписывает ее набело[3]. Таким образом, большой труд этот, по крайней мере в части, написанной Пушкиным к концу 1825 года, был накануне восстания 14 декабря близок уже к завершению.

С уничтожением этих «Записок» «русская литера-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XII, стр. 310.

[2] Там же, стр. 432. (Разрядка наша. — *И. Ф.*)

[3] См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 180. Письмо к Катенину.

тура понесла невознаградимую утрату», — писал первый биограф Пушкина Анненков, сознававший масштаб и значение утраченного пушкинского труда [1].

А между тем в посвященной изучению Пушкина исследовательской литературе вопрос о судьбе «Записок» поэта даже не затронут: исследований и розысканий об Автобиографических записках Пушкина не существует.

В подробном «Путеводителе по Пушкину» нет поэтому о них даже заметки; и если мы поищем в нем сведений на слово «Автобиография» или «Записки», то найдем только заметку о записках Моро де Бразе (потому, что Пушкин переводил их) и заметку о записках парижского палача Сансона (потому, что Пушкин возмущался возможностью появления их в печати). Но в справочном издании по Пушкину мы не найдем статьи, посвященной «Запискам» самого Пушкина. Их не изучают, поскольку принято считать, что от «Записок» поэта ничего, или почти ничего, не сохранилось и их следует относить к числу погибших литературных памятников.

Уверенность в совершенной невозможности изучения судьбы «Записок» Пушкина так велика, что обоснованности ее никто не счел нужным даже проверить. Но достаточно ли обоснована подобная уверенность? Не последовал ли отказ от изучения судьбы «Записок» без достаточного критического выяснения вопроса о том, использованы ли или, наоборот, действительно исключены все возможности подобного изучения?

Филологическая наука издавна и с бесспорным успехом изучает утраченные литературные памятники. И не только выясняет их судьбу, устанавливая на основании сохранившихся свидетельств общее содержание изучаемого памятника. Исследователям удается иногда обнаружить уцелевшие каким-нибудь образом части такого погибшего памятника, представляющие нередко выдающийся интерес.

---

[1] П. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб, 1874, стр. 309.

Разгром восстания 14 декабря 1825 года привел к уничтожению (и сокрытию) ряда памятников декабристской литературы, подобно тому как всего лишь тринадцатью годами ранее вражеское нашествие и сожжение Москвы уничтожили в 1812 году единственную рукопись «Слова о полку Игореве» и — по счастью также не безвозвратно — древнейший русский летописный свод — Троицкую летопись. Текст последней, несмотря на гибель рукописи, погиб не целиком: он дошел до нас в многочисленных выдержках, приведенных Карамзиным в первых пяти томах его «Истории», написанных до московского пожара 1812 года (Пушкин в одной из своих статей упомянул о том, что Карамзин ссылался «на сгоревший Троицкий список»)[1]. А почти век спустя найдена была Симеоновская летопись, текст которой совпадает на значительном протяжении с текстом погибшего Троицкого свода[2]. И это дало возможность восстановить в наше время содержание, а во многих случаях даже подлинный текст сгоревшей Троицкой летописи[3].

Даже несомненная гибель рукописи, как видим, не всегда означает, что произведение целиком погибло в огне вместе с рукописью. Но блестяще оправдавшие себя методы изучения и частичного восстановления утраченных памятников[4] применяются обычно только по отношению к литературным памятникам древности. Не следует ли поставить вопрос о возможности применения сходных (если не тождественных) методов при изучении погибших памятников новой литературы?

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 141.

[2] См. А. А. Шахматов, «Симеоновская летопись XVI века и Троицкая начала XV века». «Известия II отделения Академии наук», 1900, т. V, кн. 2.

[3] См. М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. Издание Академии наук СССР. М.—Л., 1950.

[4] См. Д. С. Лихачев, «Шахматов как исследователь русского летописания». Сб. «А. А. Шахматов». Издание Академии наук СССР, 1947, стр. 259; и его же вступительную статью к «Повести временных лет» ч. II. Серия «Литературные памятники» Издание Академии наук СССР, 1950, стр. 155.

И, поскольку речь идет сейчас о политически запретных записках Пушкина, начать с вопроса о том, были ли «Записки» сожжены Пушкиным действительно целиком?

Утверждение Пушкина о том, что он сжег свои «Записки», носит, казалось бы, безоговорочный характер. Но известно, что утверждение автора о сожжении рукописи не всегда является достаточным доказательством действительной гибели ее.

Лев Толстой, например, записал в дневнике (в мае 1897 года): «Вырезал, сжег то, что написано было сгоряча». Но уничтоженные, казалось бы, страницы толстовского дневника уцелели, так как Буланже, которому Толстой передал их с просьбой сжечь по прочтении, сохранил их. В другом подобном же случае подлинная запись, сделанная Толстым в дневнике 12 января 1897 года, была, по просьбе Толстого, уничтожена Чертковым; но последний, прежде чем уничтожить подлинник, сфотографировал его, и потому текст этой (действительно сожженной) страницы из дневника Толстого также дошел до нас [1].

Страницы дневника, которые Толстой считал сожженными, уцелели случайно, вопреки его воле. Когда мы говорим о возможности сохранения отрывков, входивших в состав сожженных «Записок» Пушкина, вопрос следует ставить не о случайном, а о сознательном сохранении Пушкиным подобных отрывков, поскольку мы знаем, что таким именно образом поступил Пушкин, сжигая X главу «Онегина». Сделав в октябре 1830 года запись о сожжении ее [2], Пушкин одновременно зашифровал запретные строки этой главы с целью сохранить их для будущего. И этот шифрован-

---

[1] См. Лев Толстой, «Три листа из дневника 3—18 мая 1897 г.» Редакция и комментарий Н. Н. Гусева. «Летописи Государственного Литературного музея», кн. 2, 1938, стр. 19.

[2] Эта запись («19 октября сожжена X песнь») сделана Пушкиным на полях «Мятели», оконченной, по датировке самого Пушкина, 20 октября 1830 года. См. А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. VIII, кн. 2, стр. 622 и 1052.

ный листок, как мы знаем, уцелел, хотя только век спустя был расшифрован исследователями.

Поскольку перед нами, когда мы говорим о «Записках» Пушкина, стоит вопрос о судьбе запретного литературного произведения, нужно рассмотреть его в свете всего, что нам известно о судьбе скрытых и уцелевших памятников декабристской литературы.

Вспомним, что «Русская Правда» Пестеля и «Конституция» Никиты Муравьева, вопреки категорическим утверждениям авторов, заявлявших на следствии, что рукописи эти «истреблены», были втайне сохранены декабристами. Знал ли сам Пестель о судьбе, постигшей его труд, и желал ли Никита Муравьев после ареста, чтобы «Конституция» его уцелела, — вопрос другой. Но известно, что «Русскую Правду» декабристы скрыли, закопав в землю (невдалеке от села Кирсановка) и распустив слухи об ее уничтожении; рукопись ее была обнаружена во время следствия, выкопана из земли и доставлена Николаю I. Издана же «Русская Правда» могла быть только после революции 1905 года[1].

«Конституция» Никиты Муравьева (переписанная рукой Рылеева) была принята в декабрьские дни 1825 года в запертом портфеле на хранение П. А. Вяземским. И возвращена последним И. И. Пущину, когда он три десятилетия спустя вернулся из Сибири[2]. Между тем автор «Конституции» Никита Муравьев не только показал на следствии, что сжег свою рукопись, но кроме того на прямой вопрос: «Не осталось ли у кого-либо списка оной?» — ответил: «Я не полагаю, чтобы осталась у кого-либо копия Конституции, писанной мною»[3].

---

[1] См. показания Пестеля (в ответ на вопросы Следственной комиссии, предъявленные ему 13 января 1826 г.). «Восстание декабристов», т. IV. Материалы. М.—Л., 1927, стр. 113. См. также П. И. Пестель, «Русская Правда». СПб., издательство «Культура», 1906. Предисловие П. Е. Щеголева, стр. XIII.

[2] См. Н. Дружинин. «Декабрист Никита Муравьев», М., 1933, стр. 151—152.

[3] «Восстание декабристов», т. I. М.—Л., 1925, стр. 297 и 303.

Таким образом важнейшие памятники декабристской литературы уцелели: декабристы скрыли их в надежде сохранить для будущего рукописи произведений, историческое значение которых они хорошо сознавали. Сходным образом поступил (что особенно важно для нас) сам Пушкин с десятой главой «Онегина». Естественно поэтому предположить, что он мог сохранить каким-нибудь образом и отрывки своих сожженных в 1825 году «Записок». Предположение это, если учесть все сказанное выше, не может не казаться правдоподобным; но одного этого, разумеется, недостаточно: необходимо установить, произошло ли все в действительности так, как мы считаем возможным предполагать, проводя аналогию между судьбой сожженной десятой главы «Онегина» и судьбой сожженных «Записок» поэта.

До сих пор, как ни странно, не установлено даже, когда именно и каким образом сжег Пушкин свои «Записки». Некоторые исследователи упоминают, как о чем-то само собой разумеющемся, что Пушкин сжег их тотчас по получении известия о разгроме восстания 14 декабря.

В комментариях к десятитомному академическому изданию сочинений Пушкина уничтожение «Записок» отнесено однако уже не к концу 1825, а к 1826 году [1]. А в одной из последних работ говорится — на основании рассказа П. В. Нащокина, — что «при неожиданном появлении в Михайловском в ночь с 3 на 4 сентября 1826 года фельдъегеря, приехавшего за поэтом, Пушкин, не ожидавший для себя ничего доброго, поспешно бросил в огонь часть своих рукописей, в частности свои автобиографические записки» [2]. То есть сожжение «Записок» отнесено не к моменту получения Пушкиным известий о разгроме восстания 14 декабря.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 521.

[2] Д. Благой. «Пушкин в 1826 году». Сб. «А. С. Пушкин». Материалы юбилейных торжеств 1799—1949. Издание Академии наук СССР, 1951, стр. 160.

и даже не к началу 1826 года, а к последним минутам пребывания поэта в Михайловском.

Когда же сжег Пушкин в действительности свои «Записки»? И верно ли, что от них «случайно сохранился только один листок (точнее обрывок листка. — *И. Ф.*) с датой 19 ноября 1824 года» [1] и, как допускают отдельные исследователи, уцелевший фрагмент, посвященный воспоминаниям Пушкина о выходе в свет «Истории» Карамзина [2].

«Записки» свои Пушкин сжег (как сам он указывает в предисловии к новым «Запискам», которые начал через несколько лет) после получения известий о разгроме восстания 14 декабря, «в конце 1825 г., при открытии несчастного заговора» [3]. О восстании 14 декабря поэт узнал на третий или четвертый день, и с этого дня ожидал ареста. «Все-таки я от жандарма еще не ушел», — писал он месяц спустя (20 января 1826 года) [4]. Трудно поэтому даже понять, что заставляет некоторых исследователей некритически принимать рассказ Нащокина, по которому Пушкин, зная о возможности обыска и ареста, а также о том, что «Записки» его, оказавшись в руках властей, могли бы «замешать многих и, может быть, умножить число жертв», медлил больше восьми месяцев, для того чтобы сжечь, наконец, свои «Записки» в самый момент приезда за ним фельдъегеря. Эта версия опровергается и тем, что 14 августа 1826 года, т. е. за полмесяца до того, как за ним, наконец, приехали, Пушкин сообщал Вяземскому: «Из моих записок сохранил я только несколько листов» [5]. Какие именно листы имел при этом в виду Пушкин, постараемся выяснить далее.

О том, что Пушкин имел время заранее подготовиться к приезду «жандарма», свидетельствует даже

---

[1] См. Пушкин. Письма. Т. I, Ред. Б. Л. Модзалевского. М.—Л., Государственное издательство, 1926, стр. 365.

[2] См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 521.

[3] Там же, стр. 76.

[4] Там же, т. X, стр. 198.

[5] Там же, стр. 211.

внешний вид его сохранившихся черновых тетрадей. В числе немногочисленных замечаний, касающихся «Записок» поэта, можно отыскать в литературе — и отметить как верное — указание Н. Лернера: «В черновых тетрадях Пушкина встречается немало вырванных страниц; в числе их, вероятно, были черновики тех воспоминаний, которые Пушкин переписывал набело в 1825 г.; сжегши беловую рукопись и боясь тщательного обыска, он не пожалел и черновых листов» [1].

Следовательно, Пушкин, сжигая свои «Записки», уничтожал их с разбором. Всякий, кто видел черновые тетради поэта, знает, что он вырывал из них страницы не подряд, а сохранял, где можно, не только целые страницы, но и части страниц, вырывая из них отдельные полосы, на которых находились те именно строки, какие он хотел уничтожить.

Точно так же, т. е. не целиком, мог он поэтому уничтожить (и действительно уничтожил) свою «Биографию», поскольку вовсе не был поставлен в необходимость бросить ее в огонь внезапно, в момент появления в Михайловском фельдъегеря. Вспомним о случаях, подобных рассматриваемому нами (например, об обстоятельствах ареста Якушкина и Грибоедова), и возможность сохранения Пушкиным отдельных страниц при сожжении «Записок» перестанет казаться нам всего только маловероятной счастливой случайностью.

Якушкин ожидал ареста в Москве. Московский полицмейстер явился за ним 10 января 1826 года, т. е. почти через месяц после разгрома восстания. «Он требовал от меня моих бумаг, — говорит в своих «Записках» Якушкин. — Я объявил ему, что у меня никаких бумаг нет, а что если бы и были такие, которые могли быть для него любопытны, то я бы имел время их сжечь» [2].

Однако Якушкин не сжег их, хотя действительно «имел время их сжечь». Бумаги, находившиеся в его

---

[1] Н. Лернер. Проза Пушкина. Изд. 2-е, П.—М., 1923, стр. 107.

[2] И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма. Издание Академии наук СССР, 1951, стр. 61.

смоленском имении, доставлены были раньше, чем там произведен был обыск, в подмосковную, принадлежавшую матери его жены, «которая, зная их опасную важность, хранила их под полом своего кабинета, чтобы передать их отцу, когда он вернется из ссылки», — рассказывает сын декабриста Е. И. Якушкин. И только «незадолго до смерти, боясь, что бумаги эти попадут кому-нибудь в руки, она сожгла их» [1]. Таким образом, бумаги Якушкина, вопреки сделанному им при аресте заявлению, были спрятаны.

Приказ об аресте Грибоедова был 22 января 1826 года доставлен в крепость Грозную, где остановился на походе Ермолов с сопровождавшими его лицами, в числе которых находился Грибоедов. «Генерал разорвал конверт, — говорит очевидец, — бумага заключала в себе несколько строк, но когда он читал», адъютант его «поймал на глаз фамилию Грибоедова. Алексей Петрович [Ермолов], пробежавший быстро бумагу, положил [ее] в боковой карман сюртука и застегнулся...» [2]

«По воле государя императора, — писал военный министр Ермолову, — покорнейше прошу ваше высокопревосходительство приказать немедленно взять под арест служащего при вас чиновника Грибоедова со всеми принадлежащими ему бумагами, употребив осторожность, чтобы он не имел времени к истреблению их, и прислать, как оные, так и его самого под благонадежным присмотром в Петербург прямо к его императорскому величеству» [3]. На следующий же день Ермолов секретно донес об исполнении высочайшего повеления: «Он взят таким образом, — сообщал он о Грибоедове, — что не мог истребить находящихся у него бумаг, но таковых при нем не найдено, кроме весьма немногих, кои при сем препровождаются.

---

[1] И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма. Издание Академии наук СССР, 1951, стр. 483—484.

[2] Н. В. Шимановский, «Арест Грибоедова». «Русский архив», 1875, т. VII, стр. 342.

[3] П. Е. Щеголев, «А. С. Грибоедов и декабристы» (по архивным материалам). Сб. «Декабристы», М.—Л., Государственное издательство, 1926, стр. 104.

Если же бы впоследствии могли быть отысканы оные, я все таковые доставлю» [1].

В действительности же знавший о замыслах декабристов Ермолов, «желая спасти себя — спас Грибоедова». Он, узнав о готовящемся аресте Грибоедова, «предварил его за два часа» [2]. Об этом рассказывал позднее сам Пушкин Александру Тургеневу, записавшему рассказ поэта в своем дневнике. «Ермолов, — сообщает в своих записках Денис Давыдов, — желая спасти Грибоедова, дал ему время и возможность уничтожить многое, что могло более или менее подвергнуть его беде. Грибоедов, предупрежденный обо всем адъютантом Ермолова Талызиным, сжег все бумаги подозрительного содержания. Спустя несколько часов послан был в его квартиру подполковник Мищенко для произведения обыска и арестования Грибоедова, но он, исполняя второе, нашел лишь груду золы, свидетельствующую о том, что Грибоедов принял все необходимые для своего спасения меры» [3].

«Алексаша», т. е. Александр Грибов, камердинер Грибоедова, и слуга (или денщик) Н. В. Шимановского, одного из адъютантов Ермолова, успели разобрать чемоданы Грибоедова и «не более, как в полчаса времени все сожгли», «а чемоданы поставили на прежнее место» [4]; в одном из них при аресте Грибоедова найдена была только рукопись «Горе от ума». На вопрос же, нет ли еще каких бумаг, Грибоедов отвечал, что больше бумаг у него нет [5].

---

[1] П. Е. Щеголев, «А. С. Грибоедов и декабристы» (по архивным материалам). Сб. «Декабристы», М.—Л., Государственное издательство, 1926, стр. 106.

[2] Из дневника А. И. Тургенева. Запись относится к январю 1837 года. См. П. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина». Исследования, статьи, материалы. Изд. 3-е, М.—Л., Государственное издательство, 1928, стр. 285.

[3] «Записки Дениса Васильевича Давыдова, в России цензурою не пропущенные». Лондон — Брюссель, 1863, стр. 44—45.

[4] Н. В. Шимановский, «Арест Грибоедова», «Русский Архив», 1875, т. VII, стр. 343.

[5] Там же. История ареста Грибоедова и уничтожения им своих бумаг подробно рассмотрена в книге М. В. Нечкиной «А. С. Грибоедов и декабристы». М., Государственное издательство художественной литературы, 1947, стр. 462—470.

За Пушкиным фельдъегерь послан был только восемь месяцев спустя после восстания, когда следствие по делу декабристов было закончено и приговор над ними приведен в исполнение. Фельдъегерь этот, посланный с предписанием сопровождать поэта «не в виде арестанта» в Москву, задержан был губернатором в Пскове. И потому в Михайловское за Пушкиным вообще не приезжал.

«Я не отправляю к вам фельдъегеря, который остается здесь до прибытия вашего, — писал Пушкину 3 сентября 1826 года Псковский губернатор барон фон Адеркас. — Прошу вас поспешить приехать сюда и прибыть ко мне». Это письмо губернатора послано было Пушкину в Михайловское с нарочным вместе с копией присланного по высочайшему повелению предписания, в котором говорилось: «г. Пушкин может ехать в своем экипаже свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдъегеря; по прибытии в Москву имеет явиться прямо к дежурному генералу Главного штаба его величества» [1].

Но нарочный, посланный в Михайловское с этим предписанием и письмом губернатора, Пушкина не застал; сохранились сведения о том, что поэт находился в этот день у соседей в Тригорском и задержался там до позднего вечера.

«Погода стояла прекрасная, — вспоминает одна из младших дочерей владелицы Тригорского, М. И. Осипова. — Мы долго гуляли, Пушкин был особенно весел. Часу в одиннадцатом сестры и я проводили Пушкина по дороге в Михайловское. Вдруг рано на рассвете является к нам Арина Родионовна... Из расспроса ее оказалось, что вчера вечером, незадолго до прихода Александра Сергеевича, в Михайловское прискакал какой-то — не то офицер, не то солдат (впоследствии оказалось — фельдъегерь, — ошибочно поясняет записавший приводимый рассказ М. И. Семевский. —

---

[1] Письмо фон Адеркаса Пушкину и приложение к нему см. в Полном собрании сочинений Пушкина в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XIII, стр. 293.

И. Ф.[1]). Он объявил Пушкину повеление немедленно ехать с ним в Москву. Пушкин успел взять только деньги, накинуть шинель, и через полчаса его уже не было.

«Что ж, взял этот офицер какие-нибудь бумаги с собой?..» — «Нет, родные, никаких бумаг не взял, — отвечала на расспросы старая няня Пушкина. — И ничего в доме не ворошил. После только я сама кое-что поуничтожила». — «Что такое?» — «Да сыр этот проклятый, что Александр Сергеич кушать любил, а я-то терпеть его не могу, и дух-то от него, от сыра-то этого немецкого — такой скверный»[2].

Рассказ М. И. Осиповой о памятных для всей семьи друзей поэта событиях, совершившихся в Михайловском 3—4 сентября 1826 года, как и запомнившийся ей простодушный рассказ няни, в слезах прибежавшей на рассвете в Тригорское, повидимому, верно передают обстоятельства отъезда Пушкина из Михайловского[3].

По словам же Нащокина, когда «нарочный прискакал к Пушкину», поэт будто бы находился в Михайловском и «в то время сидел перед печкою, подбрасывал дров, грелся. Ему сказывают о приезде фельдъегеря. Встревоженный этим и никак не ожидавший чего-либо благоприятного, он тотчас схватил свои бумаги и бросил в печь: тут погибли его «Записки»... и некоторые стихотворные пиесы».

Но в момент приезда нарочного Пушкина в Михайловском не было. И он уже по одному этому не мог, услышав о приезде фельдъегеря, «тотчас схватить свои бумаги и бросить их в печь». Рассказ няни, свидетельницы всего происшедшего в ночь с 3 на 4 сентября в Михайловском, подтверждается — и в этом его отличие от рассказа Нащокина — содержанием дошед-

---

[1] Анненков же верно указывает: «это был посланный Адеркаса». См. «Пушкин в Александровскую эпоху». СПб, 1874, стр. 322.

[2] М. И. Семевский, «Прогулка в Тригорское». «С.-Петербургские ведомости», 1866, № 163, 17 июня.

[3] См. «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах». Ред. М. Цявловского. 1925, стр. 34.

ших до нас официальных документов, привезенных нарочным в Михайловское.

Обыск в Михайловском произведен не был, так как нарочный не был уполномочен на производство его. Поэтому он, как верно рассказывала няня, «никаких бумаг не взял и ничего в доме не ворошил» («посланный, — подчеркивает Анненков, — ничего не осматривал в деревне, ничего не ворошил, нигде не рылся»)[1]. Уничтожен был тогда — и то после отъезда Пушкина — только нелюбимый няней «немецкий», лимбургский сыр.

Мы видели, как поступили в ожидании ареста со своими бумагами Якушкин и Грибоедов (последний несмотря даже на то, что был предупрежден о приезде фельдъегеря всего за несколько часов до ареста). Пушкин располагал в Михайловском временем, вполне достаточным для того, чтобы разобрать свои «Записки» и сохранить из них хотя бы некоторые отрывки. Возможностью этой Пушкин и воспользовался. Перед нами случай вовсе не исключительный, а закономерный; следовало только (для того, чтобы это стало нам ясным) изучить его, поставив в исторически соответствующий ему ряд случаев, т. е. поступков и событий, последовавших за разгромом восстания 14 декабря.

Четырнадцатого августа 1826 года Пушкин писал Вяземскому: «Из моих записок сохранил я только несколько листов и перешлю их тебе, только для тебя»[2]. Слова эти прямо свидетельствуют о том, что Пушкин сохранил какие-то листы своих «Записок». Но что же это за листы? Говорит ли Пушкин в письме к Вяземскому только об отрывке, посвященном Карамзину и его «Истории», как допускают некоторые исследователи? И является ли этот отрывок действительно единственным сохраненным поэтом?

Листы, посвященные Карамзину, бесспорно, являют-

---

[1] П. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб, 1874, стр. 322—323.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 211.

ся уцелевшим отрывком сожженных «Записок» Пушкина. Единственным же он является разве в том смысле, что его только Пушкин счел возможным открыто признать сохраненным отрывком их [1]. На то, что перед нами сохраненный отрывок последних, Пушкин и указал в письме к Вяземскому. А затем, исключив из этого отрывка места, которые не могли быть пропущены николаевской цензурой, напечатал его в «Северных цветах» на 1828 год, включив в «Отрывки из писем, мысли и замечания» с пояснением: «Извлечено из неизданных записок» [2].

Сжигая «Записки», Пушкин сохранил, как постараемся показать, и отрывки политически опасного содержания, сохранил, но умолчал об этом. Где же могут скрываться, в таком случае, эти отрывки?

Спрятать рукопись или отдельные части ее можно, конечно, по-разному. И не только зашифровав содержание рукописи (как зашифрована была Пушкиным десятая глава «Онегина») или зарыв ее в землю, как зарыта была «Русская Правда». Никита Муравьев, например, скрыл — и притом успешно — свои запретные записки иначе. До нас дошло свидетельство декабриста Якушкина о том, что «Никита Михайлович Муравьев задумал еще в Петровском заводе составить подробные записки о Тайном обществе, и, чтобы они не попались в руки правительства, он писал их в форме отдельных заметок на полях книг. Библиотека Никиты Муравьева досталась его брату Александру, который собрал из книг заметки брата и назвал их «Mon Journal» (т. е. «Мой журнал», — точнее «Мои записки». — *И. Ф.*) [3].

---

[1] Мысль о том, что Пушкин, сжигая после 14 декабря свои «Записки», уничтожил их, повидимому, не полностью, была впервые высказана и аргументирована в докладе, прочитанном автором настоящей книги 5 марта 1939 г. на заседании Пушкинской секции Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии Наук СССР.

[2] «Отрывки из писем, мысли и замечания» Пушкин напечатал без подписи. Печатный текст отрывка «Записок», посвященного Карамзину, см. А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 61—63.

[3] См. «Замечания на Записки (Mon Journal) А. Муравьева,

Как видим, Никита Муравьев скрыл свои записки, разобщив их с этой целью на отдельные заметки. Сходным образом мог поступить Пушкин и с сохраненными отрывками своих сожженных «Записок». Где же можно искать указаний на судьбу этих сохраненных отрывков? Искать их следует прежде всего, конечно, в рукописном наследстве Пушкина.

Как же можно, спросит читатель, искать их в бумагах поэта, если рукописи Пушкина давно изучены и никаких относящихся к его «Запискам» шифрованных текстов (подобных, например, листку, на котором поэт зашифровал строки десятой главы «Онегина») в его бумагах не обнаружено. Обнаружить подобные указания до сих пор в самом деле не удалось. Следует ли, однако, из этого, что их в рукописях Пушкина действительно нет?

Вспомним, что листок с зашифрованными строками десятой, запретной главы «Онегина» скрывался много десятилетий именно среди бумаг Пушкина и содержащиеся в нем строки оставались нераскрытыми, несмотря на простейший характер примененного поэтом шифра (Пушкин прибегнул к перестановке стихотворных строк, чтоб нарушить их смысловую последовательность). Содержание зашифрованных Пушкиным стихов оставалось на протяжении десятилетий нераскрытым, хотя листок с этими стихами побывал в руках жандармов, чрезвычайно интересовавшихся бумагами Пушкина и поставивших даже на этом листке свой регистрационный номер. Не было раскрыто содержание его и исследователями Пушкина вплоть до 1910 года, когда листок этот был наконец расшифрован П. О. Морозовым [1].

записанные со слов декабриста И. Д. Якушкина его сыном и проверенные затем самим И. Д. Якушкиным (и некоторыми другими декабристами). «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов». Т. I, М., 1931, стр. 137 и 142; а также И. Д. Якушкин, «Записки, статьи и письма». Издание Академии наук СССР, 1951, стр. 160.

[1] См. П. О. Морозов, «Шифрованное стихотворение Пушкина». «Пушкин и его современники», вып. XIII, СПб., 1910.

История этого пушкинского листка показывает нам, что неизвестные, точнее — нераскрытые, строки Пушкина оказалось возможным обнаружить даже в составе, казалось бы, давно изученного рукописного наследства поэта. Что касается указаний на судьбу «Записок» Пушкина, то такие указания следует искать прежде всего в новой для нас, недостаточно изученной еще, хотя и опубликованной, части его рукописного наследства.

Изучение подготовительного текста «Истории Петра» позволило обнаружить в этом обширном черновом труде Пушкина остававшиеся не замеченными до последнего времени многочисленные страницы — заготовки исторической прозы. Такого рода страницы Пушкина представляют, как мы видели, большой исторический и литературный интерес. Но даже встречающиеся в черновиках различных произведений поэта тексты, лишенные самостоятельного литературного значения и притом кратчайшие по размеру (иногда в одно-два слова), могут иметь для нас в некоторых случаях весьма важное значение. Сказанное можно прямо отнести к изучению вопроса о сожженных «Записках» Пушкина.

К числу недостаточно изученных пушкинских текстов относятся черновики записки «О народном воспитании», написанной поэтом в ноябре 1826 года. А между тем в черновиках этой адресованной Николаю I записки Пушкин трижды ссылается на свои, будто бы полностью уничтоженные годом раньше, «Записки» [1]. Ссылается и неожиданным образом использует сохраненный им отрывок своих не дошедших до нас «Записок».

Анализ черновиков записки «О народном воспитании», в которых сохранились эти пушкинские ссылки, позволяет определить содержание чрезвычайно интересного отрывка, сохраненного каким-то образом Пуш-

---

[1] См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 311, 313 и 314.

киным при сожжении своих «Записок». Отрывок этот, как показывают слова самого Пушкина, ясно читающиеся в черновике записки «О народном воспитании», касался истории царствования Александра I и вопроса о развитии в России «революционных идей». Отрывок, о котором мы говорим, мог быть сохранен Пушкиным, поскольку речь шла в нем не о декабристах, а о декабризме. И потому эти страницы «Записок» (в отличие от уничтоженных Пушкиным) не могли бы «умножить число жертв», оставаясь опасными по своему содержанию лишь для самого поэта.

Сохранение Пушкиным этого отрывка, о котором мы имеем теперь возможность судить только по черновикам записки «О народном воспитании», показывает, что прежние «Записки» поэта были сожжены им после 14 декабря, как мы и предполагали, не целиком. Мы видим вместе с тем, что Пушкин не только сохранил некоторые отрывки сожженных «Записок», но и старался использовать их в своих новых произведениях. И даже включал их туда — иногда самым неожиданным для нас образом.

Это заставляет задуматься над вопросом о том, является ли случай, открывающийся нам при изучении черновиков записки «О народном воспитании», единственным в творческой практике Пушкина? Или перед нами только один из ряда подобных же, но неизученных и потому еще не понятых нами случаев?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть под интересующим нас углом зрения литературное наследство Пушкина в целом. Задача эта является сложной, но поскольку есть основания думать, что выполнение подобной работы может дать нам представление о важнейшем утраченном произведении Пушкина, сложность задачи не должна вести к отказу от ее выполнения.

Прежде чем искать какие-либо политически опасные для Пушкина, и тем не менее сохраненные им, отрывки «Записок», следует подумать о том, что в последних должен был содержаться, наряду с запретными страницами, ряд страниц, которые могли бы быть опубликованы поэтом. Дошедшая до нас программа

возобновления сожженных «Записок», составленная Пушкиным в начале 30-х годов, и написанное им тогда же начало новых Автобиографических записок, показывают, что в состав пушкинской Автобиографии входили, например, портреты предков поэта. И портреты современников, не подпадавшие под цензурный запрет (в отличие от воспоминаний Пушкина о его встречах с декабристами). Достаточно вспомнить о незабываемой для Пушкина встрече с Державиным, чтобы убедиться в том, что Пушкин не только должен был воссоздать этот важнейший эпизод в своей «Биографии», но и не имел никакой нужды скрывать многие входившие в ее состав страницы.

В состав уничтоженной поэтом политически запретной части «Онегина» входила, кроме «декабристской» десятой главы романа, как мы знаем, еще одна политически запретная глава (по первоначальному счету — восьмая). Пушкин сам признавался печатно, что он «выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России» [1]. Но только совсем недавно нам стало известно, что за причины («важные для него, а не для публики», как глухо указал в печати сам поэт [2]) заставили его уничтожить эту главу романа.

В 1940 году обнаружено было не оставляющее никаких сомнений в достоверности сообщенных в нем сведений письмо одного из друзей Пушкина, поэта Катенина, из которого мы узнали, что глава, посвященная путешествию Онегина по России, была уничтожена Пушкиным потому, что она заключала в себе смелое описание аракчеевских военных поселений.

Но, уничтожая эту главу «Онегина», Пушкин сохранил из нее те строфы, которые не представляли опасности и могли даже быть напечатаны при жизни поэта. Сохранив эти строфы, Пушкин затем напечатал их в приложении к своему роману в качестве «Отрывков из «Путешествия Онегина». Сходным образом мог

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. V, стр. 199.

[2] Там же, стр. 200.

он поступить, разумеется, и тогда, когда писал свои Автобиографические записки, политически опасные в целом, но не содержавшие ничего запретного в отдельных своих частях.

Нет поэтому ничего невозможного в том, что Пушкин еще до сожжения «Записок», т. е. еще до того, как он был поставлен разгромом восстания 14 декабря в необходимость уничтожить их, мог готовить к печати (или даже печатать) отдельные, цензурные по содержанию, отрывки своих незаконченных «Записок». Так оно, постараемся показать, и было в действительности.

Где же можно искать такого рода сохраненные Пушкиным страницы «Записок»? Да всюду, т. е. почти во всех томах собрания сочинений Пушкина, потому что он, как увидим, печатал отрывки своих «Записок», не указывая на действительное происхождение их и приобщая их (например в качестве приложения) к другим своим произведениям, или же печатал их под временными обозначениями, уводящими читателя от понимания того, что страницы эти входили первоначально в состав Автобиографии поэта.

Нам едва ли пришло бы в голову, например, искать уцелевшие отрывки «Записок» поэта в тех томах его сочинений, где печатаются стихотворения и поэмы Пушкина. Но искать их там, оказывается, нужно. Говорит нам об этом письмо самого Пушкина.

Давая указания о подготовке к печати собрания своих стихотворений, Пушкин 27 марта 1825 года писал брату: «Не напечатать ли в конце *Воспоминания в Царском селе* с Noto'й (т. е. с примечанием. — *И. Ф.*), что они писаны мною 14-ти лет — и с выпискою из моих Записок (об Державине), ась?» [1]

Отказавшись от намерения напечатать в подготавливаемом сборнике это юношеское стихотворение, Пушкин не смог поэтому поместить в качестве приложения к нему и «выписки» из своих «Записок» («об Держа-

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 134.

вине»). Но мыслью о возможности печатать отрывки из своих «Записок» в виде приложений к своим стихотворениям Пушкин воспользовался.

Если б отрывок из «Записок» поэта, посвященный Державину, был — как первоначально предполагал Пушкин — напечатан в качестве приложения к его юношескому стихотворению, он, конечно, сильно выделялся бы среди примечаний, которыми поэт сопровождал свои стихотворные произведения. Выделялся бы не просто по размеру — Пушкин давал иногда в качестве примечаний или приложений довольно большие выдержки из сочинений других писателей, — нет, отрывок из «Записок» поэта, посвященный Державину, выделялся бы среди такого рода примечаний и качественно, являясь в отличие от них законченным, полным, хотя и по-пушкински сжатым, рассказом, представляющим самостоятельный, и притом выдающийся, литературный интерес. О таком именно характере этого рассказа мы можем судить не только потому, что нам известен написанный в тот же период Пушкиным отрывок его «Записок», относящийся к Карамзину, но и потому, что отрывок, который посвящен был Державину в сожженных «Записках» Пушкина, дошел до нас в более поздней редакции. На листках, датируемых тридцатыми годами, Пушкин восстановил этот важный эпизод, в соответствии с составленной им в эти годы программой возобновления своих сожженных «Записок» [1].

Еще раньше, чем у Пушкина явилась мысль о возможности напечатать в качестве приложения к «Воспоминаниям в Царском селе» отрывок из своих «Записок», посвященный Державину, поэт напечатал другой отрывок этих же «Записок», приобщив его под видом «примечания» к первой главе «Евгения Онегина», вышедшей в свет в феврале 1825 года.

Среди примечаний, которыми Пушкин сопроводил первое издание первой главы «Онегина», резко выделяется вполне законченный рассказ поэта о его пра-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 75.

деде Абраме Петровиче Ганнибале. Напомним прежде всего читателю этот рассказ:

«Автор, со стороны матери, происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Аннибал на 8 году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь. Российский посланник, выручив его, послал в подарок Петру Великому, который крестил его в Вильне. Вслед за ним брат его приезжал сперва в Константинополь, а потом и в Петербург, предлагая за него выкуп; но Петр I не согласился возвратить своего крестника. До глубокой старости Аннибал помнил еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьев, из коих он был меньшой; помнил, как их водили к отцу, с руками, связанными за спину, между тем как он один был свободен и плавал под фонтанами отеческого дома; помнил также любимую сестру свою *Лагань,* плывшую издали за кораблем, на котором он удалялся.

18-ти лет от роду Аннибал послан был царем во Францию, где и начал свою службу в армии регента; он возвратился в Россию с разрубленной головой и с чином французского лейтенанта. С тех пор находился он неотлучно при особе императора. В царствование Анны, Аннибал, личный враг Бирона, послан был в Сибирь под благовидным предлогом. Наскуча безлюдством и жестокостию климата, он самовольно возвратился в Петербург и явился к своему другу Миниху. Миних изумился и советовал ему скрыться немедленно. Аннибал удалился в свои поместья, где и жил во всё время царствования Анны, считаясь в службе и в Сибири. Елисавета, вступив на престол, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибал умер уже в царствование Екатерины, уволенный от важных занятий службы с чином генерал-аншефа на 92 году от рождения.

Сын его генерал-лейтенант И. А. Аннибал принадлежит, бесспорно, к числу отличнейших людей екатерининского века (ум. в 1800 году).

В России, где память замечательных людей скоро исчезает, по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала известна только по семей-

ственным преданиям. Мы современем надеемся издать полную его биографию» [1].

Показать, что рассказ этот — хотя Пушкин напечатал его без ссылки на свои «Записки» — является отрывком из них, не так трудно, поскольку, приступив в 30-е годы к возобновлению своих сожженных «Записок», Пушкин включил этот рассказ в начальную часть своей новой Автобиографии, где повторил свой рассказ об Абраме Петровиче Ганнибале (с некоторыми только, главным образом стилистическими, отличиями).

Все это подтверждает, что рассказ об Абраме Петровиче Ганнибале не только должен был входить, но и входил в состав сожженных «Записок» Пушкина. И что Пушкин, еще до того, как он вынужден был сжечь свои «Записки», напечатал содержавшийся в них рассказ о своем знаменитом прадеде, использовав в качестве предлога возможность включить этот отрывок своих «Записок» в первое издание первой главы «Онегина» под видом «примечания».

После этого нас не удивит, что страницы «Записок», посвященные воспоминаниям о Крыме и написанные в конце 1824 года (т. е. месяцем позже, чем страницы «Записок», посвященные Абраму Петровичу Ганнибалу), Пушкин напечатал также в качестве приложения (к поэме «Бахчисарайский фонтан»), не указывая и на этот раз, что отрывок представляет собой в действительности страницы его «Записок».

Для того чтобы убедиться в том, что перед нами и в данном случае отрывок «Записок» поэта, достаточно, собственно говоря, внимательно прочесть его. Пушкин поместил этот отрывок в приложении к своей крымской поэме, и это, пожалуй, даже облегчает нам возможность распознать, что перед нами страницы крымской главы его «Записок», поскольку мы убедились в том, что «примечания» или «приложения» к стихам являлись, по мысли Пушкина, пристанищем для тех страниц его «Записок», которые он стремился провести, так или иначе, в печать.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. V, стр. 512—513.

Но если бы Пушкин и не напечатал отрывок из крымской главы своих «Записок» в качестве приложения к своей крымской поэме[1] и он появился бы в печати только под видом «Отрывка из письма к Д.» (под таким заголовком отрывок этот был впервые напечатан Пушкиным в «Северных цветах» на 1826 год), это также не помешало бы нам понять действительный характер рассматриваемого нами отрывка.

Пушкин сам помог нам обнаружить отрывок из его «Записок», напечатанный им под видом примечания к «Онегину», высказав в письме к брату мысль о возможности печатать отрывки из «Записок» в качестве приложения к собственным стихам. Поэт сам подсказывает нам также мысль о возможности обнаружить отрывки «Записок» среди страниц, напечатанных под видом его писем. Совет писать Автобиографические записки «в виде писем» Пушкин высказал в письме к Нащокину: «Что твои мемории? — писал он ему 2 декабря 1832 года. — Надеюсь, что ты их не бросишь. Пиши их в виде писем ко мне. Это будет и мне приятнее, да и тебе легче. Незаметным образом вырастет том, а там поглядишь — и другой»[2]. Нащокин последовал совету Пушкина, и в бумагах поэта сохранилось «письмо», представляющее собой отредактированное Пушкиным начало автобиографических записок Нащокина[3].

Мемуары (или «Записки») в эпистолярной форме писал не только Нащокин — по совету Пушкина. До нас дошли такого рода письма декабриста Батенкова («Вот вам моя чуть не биография», — говорит он в на-

---

[1] Это было 3-е издание поэмы «Бахчисарайский фонтан», вышедшее в 1830 г. С тем же приложением поэма была напечатана в 1835 г., в собрании «Поэм и повестей» Пушкина.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 423.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 602—610. (Это «письмо» — записки Нащокина не следует смешивать с началом его же Автобиографии, написанным Пушкиным под диктовку Нащокина.)

чале их) [1]. В эпистолярной форме написана, если говорить о временах, более близких нам, часть воспоминаний И. Е. Репина [2].

Мысль о возможности писать Автобиографические записки «в виде» писем (точнее — под видом писем) Пушкин не только высказал, но и осуществил. Под видом письма он и напечатал впервые в «Северных цветах» отрывок из своих «Записок», посвященный воспоминаниям о Крыме. В заключительном абзаце этого «письма» (который был позднее исключен Пушкиным при перепечатке отрывка в качестве приложения к «Бахчисарайскому фонтану») поэт прямо указывал, что «письмо» его представляет собой воспоминания о прошлом: «Растолкуй мне теперь, — писал он, — почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? .. Или воспоминание — самая сильная способность души нашей?» [3]

Автобиографическое «письмо» это рассказывает о важном в жизни Пушкина времени. Обозначения, даваемые Пушкиным отрывку, менялись; существо отрывка от этого, конечно, не изменялось: перед нами явно автобиографическая проза поэта. То, что отрывок этот является напечатанным под видом письма произведением (а не личным письмом Пушкина к Дельвигу), в наше время не вызывает сомнений. Но не установлено было, каким именно произведением, точнее говоря, частью какого произведения являются эти страницы Пушкина.

В Большом академическом издании сочинений поэта страницы этого «письма» напечатаны не только в томе переписки, но и в томе художественной прозы Пушкина, где отрывок помещен в разделе «Путешествия» [4]. Но если о «Письмах русского путешественника» Ка-

---

[1] См. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов». Т. II, М., 1933, стр. 120.

[2] См. И. Е. Репин. Далекое-близкое. Ред. Корнея Чуковского. «Искусство», 1937, стр. 8.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XIII, стр. 252.

[4] Там же, т. VIII, кн. 1, стр. 437—439.

рамзина Вяземский заметил, что «они не только *Письма Путешественника,* но и настоящие мемуары, исповедь человека, картина эпохи»[1], т. е. если «Письма» Карамзина Вяземский считал по существу мемуарами, то пушкинский «Отрывок из письма к Д.», в отличие от карамзинских «Писем», является отрывком из мемуаров (точнее из «Записок» поэта) и по существу и по форме. Об этих страницах Пушкина нельзя сказать даже, что они написаны в форме письма, — в них нет признаков этой формы. Риторическое обращение к предполагаемому адресату, с которого начинались первоначально эти автобиографические страницы Пушкина, не могло превратить их в письмо, как не становится письмом глава романа, даже если автор начинает свое повествование обращением к «любезному читателю».

Все это настолько явно, что один из исследователей писем Пушкина чуть было не догадался, что «Отрывок из письма к Д.» представляет собой отрывок из «Записок» поэта; он заметил: «это письмо по форме своей — путевой очерк или глава из записок»[2]. Но, несмотря на чуткость к форме, проявленную в этом замечании, исследователь не сделал, к сожалению, единственно правильного вывода о том, что «Отрывок из письма к Д.» действительно, а не только по своей форме является отрывком из «Записок» Пушкина. Под видом «письма» этот отрывок напечатан был поэтом лишь в силу необходимости мотивировать внешним образом появление в печати страниц, относящихся к его Автобиографическим запискам.

Таким образом, некоторые отрывки «Записок» Пушкина сохранились потому, что поэт подготовил к печати отдельные извлечения из них еще до того, как принужден был сжечь свой труд: напечатал он до со-

---

[1] П. Вяземский. Полное собрание сочинений. Т. X. СПб., 1886, стр. 177.

[2] Б. Казанский, «Письма Пушкина». «Литературный критик», 1937, № 2, стр. 101.

жжения «Записок» отрывок о Ганнибале, хотел напечатать отрывок, посвященный встрече с Державиным, который известен нам теперь только в позднейшей редакции, созданной Пушкиным в период возобновления сожженных «Записок», и подготовил к печати отрывок из крымской главы «Записок», назвав его «Отрывком из письма к Д.».

Некоторые же запретные страницы «Записок» сохранены были Пушкиным при сожжении рукописи.

После сожжения «Записок» Пушкин возобновил работу над созданием своей Автобиографии, и потому, кроме отрывков, уцелевших от сожженных «Записок» Пушкина, до нас дошли, как постараемся показать, и отдельные отрывки новых Автобиографических записок поэта.

Неопознанными эти отрывки остаются главным образом вследствие глубокой, но необоснованной уверенности в том, что работа Пушкина над новыми «Записками» пресеклась в самом начале и потому от них, так же как и от первых, сожженных «Записок» его ничего или почти ничего не дошло, и не могло дойти до нас.

В собрании сочинений Пушкина печатается до сих пор под названием «записей» или «заметок» целый ряд отрывков, вышедших из-под пера великого поэта. Их печатают в самых различных отделах сочинений Пушкина под заглавиями, данными редакторами, так как самим Пушкиным отрывки эти никогда озаглавлены не были. И эти условные заголовки мешают в ряде случаев понять действительный характер и значение скрывающихся под ними страниц Пушкина. Речь идет не о том, насколько удачно сформулированы те или иные редакторские заглавия, а о вопросе более важном, потому что под видом «записей» или «заметок» печатаются выдающиеся по своему художественному значению страницы пушкинской прозы.

Простота и свобода, с которой написаны такого рода пушкинские страницы и которые часто принимают за простоту первоначальной записи или заметки, являются в действительности результатом творческого труда поэта. О них можно сказать то же, что сказал

Мериме по поводу стихов Пушкина: «Простота, иногда некоторый внешний беспорядок, являются у него лишь расчетом утонченного мастерства» [1].

Непринужденность рассказа — в особенности когда дело касалось записок современников — сам Пушкин отмечал как важное достоинство. «Читатели, — писал он о «Записках» Дуровой, — оценили без сомнения прелесть этого искреннего и небрежного рассказа, столь далекого от авторских притязаний, и простоту, с которой пылкая героиня описывает самые необыкновенные происшествия» [2]. «Должно заметить, — пишет Пушкин в другом месте об авторе старой «Истории Руссов», — что чем ближе подходит он к настоящему времени, тем искреннее, небрежнее и сильнее становится его рассказ» [3]. Такую небрежность — выражение искренности, силы и свободы рассказа — Пушкин, как видим, высоко ценил.

Достоинства тех отрывков пушкинской прозы, которые мы должны будем рассмотреть и которые печатаются до сих пор под видом записей и заметок, не являются только выражением свойственного Пушкину артистизма, в силу которого любая написанная им заметка носит отпечаток изящества.

В том, что многие из этих страниц являются страницами пушкинской прозы (а не записями или заметками), можно убедиться не только путем более внимательного чтения, — это можно и доказать. В них налицо все признаки художественности, проявляющейся в прозе Пушкина не менее явно, чем в его стихах. До нас дошли черновики этих пушкинских отрывков; рукописи поэта показывают, как настойчиво работал он над этими страницами своей прозы; варианты к превосходному отрывку, который печатается под видом «Заметки о холере», занимают, например, в рукописи Пушкина не меньше места, чем окончательный текст этого от-

---

[1] П. Мериме. Александр Пушкин. Перевод А. К. Виноградова. М., Издательство «Огонек». 1936, стр. 10—11.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 487—488.

[3] Там же, стр. 336.

рывка[1]. Рукописи позволяют нам в данном случае понять не только наличие, но и характер художественной задачи, решаемой Пушкиным в процессе его творческой работы.

Печатая разобщенные отрывки гениальной пушкинской прозы под видом записей или заметок, редактор не только мешает читателю понять, что представляет собой в действительности каждый из этих пушкинских отрывков, — он уводит нас, вместе с тем, от вопроса о возможной связи каждого такого отрывка с другими, вышедшими из-под пера Пушкина отрывками, поскольку записью или заметкой мы называем часто тексты изолированные, созданные писателем в силу того или иного случая и не связанные друг с другом каким-либо общим замыслом.

Даже те два отрывка, которые помещают иногда в разделе автобиографической прозы Пушкина (отрывок о холерном годе и отрывок, посвященный Державину), печатаются там до сих пор под видом записей или заметок, т. е. их, вопреки очевидности, не относят к «Запискам» поэта.

Опознать уцелевшие отрывки «Записок» мешает не только ложная мысль о том, что эти страницы Пушкина дойти до нас не могли. Помимо условных названий, уводящих от понимания природы этих отрывков и не отвечающих действительной сущности и форме их, опознать их мешает невыясненность профиля и содержания погибших «Записок» Пушкина.

Изучая этот труд, мы увидим прежде всего Пушкина-портретиста, запечатлевшего на страницах своих «Записок» образы современников. Рассказ поэта о своем времени и о себе не сводился при этом к рассказу о встречах с «лицами историческими». «Записки» Пушкина должны были отражать пережитые им исторические и литературные события, которые являлись важнейшими событиями в жизни поэта. Недаром, состав-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XII, стр. 308—310 и стр. 429—432. В комментариях к Малому (десятитомному) академическому изданию отрывок этот назван «Записью о холере» — см. т. VIII, стр. 524.

ляя программу возобновления сожженных «Записок», Пушкин написал на середине страницы «1812» и обвел эту памятную дату особой чертой.

В состав «Записок» входили страницы, воссоздающие историю поколения, к которому принадлежал поэт, — отражавшие былое и думы Пушкина. В них входили страницы, обосновывавшие его политическое мировоззрение, которые мы вправе назвать страницами высокой художественно-политической прозы Пушкина. Великий поэт создавал книгу, которой можно было бы дать название «Пушкин и его время». Между тем об этом как-то забывают; и это мешает понять, что целый ряд отрывков, в которых Пушкин пишет не о себе или не о себе одном, относились тем не менее к его Автобиографическим запискам.

Отрывки, о которых мы говорим, сами по себе известны: они известны, поскольку содержатся в составе дошедшего до нас пушкинского текста. Но так как они разобщены, не опознаны в своем действительном качестве и потому не изучены, уцелевшие страницы «Записок» поэта не привлекли до сих пор заслуженного внимания со стороны исследователей и читателей Пушкина.

Страницы «Записок» Пушкина печатаются не только под видом приложений к стихам поэта; они печатаются вперемежку с историческими анекдотами, записанными Пушкиным. Печатаются в томе критики, если речь идет в этих отрывках о судьбе произведений Пушкина, печатаются даже в разделе исторической прозы поэта.

Но отрывки «Записок» Пушкина, попавшие в силу тех или иных обстоятельств на места для них не предназначенные и нередко малоподходящие, выделяются на своих новых местах. Это помогает нам обнаружить их и понять происхождение и характер подобных отрывков. Достаточно взглянуть на эти разобщенные отрывки и задуматься над возможной связью их друг с другом, и мы увидим внутреннее и стилевое единство их, определяемое единством художественной манеры, характерной для «Записок» поэта и во многом отличающейся от манеры Пушкина-беллетриста.

К «Запискам» Пушкина, как видно из предисловия к начатой им новой Автобиографии, относились прежде всего созданные поэтом портреты современников; задумавшись над тем, что эти портреты относятся к кругу его работ над Автобиографическими записками, мы убеждаемся в необходимости поставить и изучить тему Пушкин-портретист. Существуют интересные исследования, посвященные рисункам поэта[1]. Но работ, изучающих Пушкина как писателя-портретиста, до сих пор нет. Таким образом, тема боковая, хотя и представляющая большой интерес (рисунки поэта), изучена, в то время как тема первоочередная для исследователей творчества писателя — не поставлена. Между тем изучение литературных портретов, созданных Пушкиным, раскрывает перед нами гениальное реалистическое мастерство и особенности Пушкина-портретиста.

Художественное единство пушкинской прозы, созданной в процессе работы над Автобиографическими записками, обнаруживается со всей очевидностью, если мы соберем разобщенные отрывки этой прозы и посмотрим на них как на уцелевшие части погибшего и незавершенного, но все же дошедшего до нас во фрагментах великого произведения Пушкина. Вместе с тем изучение этих недостаточно оцененных страниц пушкинской прозы приблизит нас к пониманию замысла и общего содержания утраченных «Записок» поэта.

«Биографию» свою Пушкин начал писать, как он сам отметил, рассказывая о судьбе своих сожженных записок, в 1821 году. «Ежедневные» записки, послужившие материалом для этой «Биографии», он вел уже в лицее, и часть этих лицейских записок дошла до нас вместе с небольшим, но чрезвычайно важным отрывком «ежедневных записок» Пушкина, относящихся к 1821 году.

---

[1] Работы А. Эфроса и Т. Цявловской.

Касаясь того периода жизни и творчества Пушкина, к которому относится работа его над «Записками», первый биограф поэта указывал, что «тайная деятельность мысли и творчества у Пушкина носит совершенно другой характер, чем та, которую он открыл публике и которую мы знаем по его сочинениям от эпохи 1821—1824 г. Под лучезарными произведениями его поэтического гения, отданными свету, текла, не прерываясь всю жизнь, другая, потаенная струя творчества общественного, политического, исповеднического и задушевного характера. . .»[1] Едва ли к какому-либо другому произведению Пушкина могут быть отнесены эти строки Анненкова с большим основанием, чем к Автобиографическим запискам поэта. Именно в «Записках», перестав быть только «потаенной струей» творчества, пробивающейся наружу в виде отдельных, втайне записываемых мыслей и заметок, широко и полно отразилось в эти годы «общественное, политическое» и «исповедническое» творчество Пушкина. Сочетание этих начал характеризует действительно «Записки» поэта.

Работе над Автобиографией предшествовала работа Пушкина над «ежедневными записками» и автобиографическими письмами, которая и подвела его к мысли написать свою «Биографию».

Начав работать над ней в 1821 году, Пушкин, по собственным его словам, «несколько лет сряду занимался ею»[2]. Труд его далеко продвинулся в период михайловской ссылки, где он в течение года (с осени 1824 года по конец 1825 года) систематически работал над ним.

«Знаешь мои занятия? — сообщал он брату в ноябре 1824 г.,— до обеда пишу Записки» («обедаю поздно», — добавлял он при этом)[3]. Вскоре Пушкин снова

---

[1] П. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 165.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 76.

[3] Там же, т. X, стр. 108.

писал брату: «Образ жизни моей все тот же, стихов не пишу, продолжаю свои Записки» [1]. Два месяца спустя поэт опять извещал его: «стихов новых нет — пишу Записки» [2]. И, наконец, в сентябре 1825 года сообщал Катенину: «Стихи покамест я бросил и пишу свои mémoires (мемуары. — *И. Ф.*), то есть, — пояснял он шутливо, — переписываю набело скучную, сбивчивую черновую тетрадь» [3]. Работа над Автобиографическими записками к этому времени продвинулась настолько, что Пушкин переписывал их уже набело.

Друзья Пушкина — писатели, с которыми он состоял в переписке, интересовались ходом этой работы: «Что твои Записки?» — спрашивал Пушкина Рылеев в письме 25 марта 1825 года [4]. «Сестра твоя сказывала, — писал 31 июля 1826 года, вскоре после смерти Карамзина, Пушкину Вяземский, — что ты хотел прислать мне извлечения из записок своих относительно до Карамзина. Жду их с нетерпением» [5]. «Лев мне сказывал, — писал поэту, ссылаясь на слова его брата, Плетнев, — что у тебя есть прелюбопытные примечания к *Воспоминаниям в Царском селе*. Пришли их...» [6] Плетнев имел в виду отрывок «Записок», который Пушкин думал поместить в собрании своих стихотворений в качестве приложения к «Воспоминаниям в Царском Селе».

Но друзья так и не дождались «Записок» Пушкина: поэт вскоре принужден был их сжечь. Приступив через несколько лет к возобновлению их, Пушкин указывал, что он избирает себя «лицом, около которого» постарается «собрать другие, более достойные замечания» и что он намерен при этом воссоздать образы людей, которые, по его словам, ныне «сделались историческими

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 110.

[2] Там же, стр. 124.

[3] Там же, стр. 180.

[4] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XIII, стр. 157.

[5] Там же, стр. 289.

[6] Там же, стр. 234—235.

лицами» [1]. Такими лицами, как ясно видно из предшествующих слов Пушкина, он считал декабристов.

Не так давно опубликованы неизвестные раньше показания Горсткина, данные 28 января 1826 года, в которых, как верно указывает М. Нечкина, мы получаем достоверное свидетельство об участии Пушкина в собраниях Союза Благоденствия, происходивших у Ильи Долгорукова, где Пушкин зимой 1819—1820 года читал свои запретные «ноэли». До сих пор мы располагали только стихотворным свидетельством об этом самого Пушкина, сохранившимся в зашифрованных поэтом строках X главы «Онегина». Прослушав эту главу «Онегина», Вяземский назвал ее в своем дневнике «славной хроникой». Теперь мы убеждаемся в том, что, говоря в этой хронике о себе и о своих связях с декабристами, Пушкин был исторически точен, не считая в этом отношении возможным прибегать к художественному вымыслу — или домыслу — даже в романе [2].

О знакомстве Пушкина с Пестелем достаточно ясно говорят известные строки в уцелевшем отрывке кишиневского дневника поэта: «Утро провел я с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова... Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...» (запись от 9 апреля 1821 года) [3].

В составленной Пушкиным в 30-е годы программе возобновления сожженных «Записок» мы читаем: «Орлов»... «Каменка» (Каменка, как известно, являлась важнейшим центром декабристов). В Кишиневе, который значится в той же программе возобновления «Записок», поэт тесно общался с «первым декабристом» Владимиром Раевским, Михаилом Орловым и другими членами Тайного общества.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 76.

[2] См. М. В. Нечкина, «Не все о Пушкине и декабристах». «Литературное наследство», № 58, 1952, стр. 159.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 17.

В своих черновых тетрадях Пушкин рисовал себя среди профилей декабристов, рисовал вождей движения — Пестеля и Рылеева и своих ближайших друзей — Пущина и Кюхельбекера, рисовал Лунина, Михаила Орлова и других декабристов. Но признание, сделанное Пушкиным в начале 30-х годов в предисловии к возобновляемым «Запискам», позволяет нам утверждать с несомненностью (а не только гипотетически), что великий поэт изобразил декабристов не в одних зарисовках, сохранившихся на полях его рабочих тетрадей, и не только в быстрых строфах десятой главы «Онегина». В сожженных Автобиографических записках, т. е. в первом же своем написанном в прозе большом произведении, Пушкин создал портреты революционеров своего времени, о которых писал, по собственным словам, «с откровенностью дружбы или короткого знакомства».

В те же годы, когда Грибоедов создавал «Горе от ума», и еще до того, как Некрасов создал произведения, посвященные Белинскому и Добролюбову, и поэмы, посвященные памяти декабристов, Пушкин запечатлел в своих Автобиографических записках революционеров своего времени, лучших людей из дворян, как назвал век спустя декабристов Владимир Ильич Ленин.

Созданные Пушкиным портреты декабристов не дошли до нас. Это одна из великих утрат, понесенных русской литературой в борьбе с самодержавием. Портреты эти обречены были самодержавием на гибель, как обречены были на гибель сами декабристы. Наше представление о галерее созданных Пушкиным образов из-за этого остается поневоле неполным. И так как недошедшее с годами забывается, а неизвестное начинает казаться несуществовавшим, необходимо разыскать по крайней мере сохранившиеся отрывки и свидетельства, которые могут помочь нам представить себе хоть отчасти, что же истребил в литературном наследии Пушкина огонь, уничтоживший страницы его «Записок».

Задача эта является осуществимой, конечно, только до известной степени. Но мы видели, что Пушкин сжег

свои «Записки» не целиком и, как ни значительно было место, занимаемое в них портретами декабристов, содержание «Записок» великого поэта не сводилось к этим, не дошедшим до нас, портретам.

Поэт использовал материал, содержавшийся в его погибших «Записках», и для других своих замыслов. По словам Анненкова, он собирался в «Русском Пеламе» «провести под покровом романа собственные свои воспоминания» и «вокресить под предлогом описания жизненной обстановки» героя «собственные свои записки, некогда им истребленные»[1]. (Пушкин не только пытался, но — чего не знал Анненков — и воскресил из них многое в своем романе в стихах, т. е. в написанной им — и затем также сожженной — запретной части «Онегина».)

От сожженных «Записок» Пушкина до нас дошли, по счастью, не только фрагменты. Сохранились, как мы уже говорили, составленные поэтом в начале 30-х годов программы возобновления «Записок», проливающие до известной степени свет на содержание его погибших «Записок».

Поневоле вытесненные из «Записок» поэта страницы находили себе место в других произведениях Пушкина; поэт воскрешал многое из своих «Записок» не только «под покровом романа»; до нас дошли предназначавшиеся первоначально для Автобиографических записок Пушкина, но включенные им по необходимости в другие произведения портреты современников, при работе над которыми поэт не прибегал к художественному вымыслу.

Все это, в особенности изучение сохранившихся отрывков «Записок» и программ Пушкина, позволяет нам составить известное представление о не дошедшем до нас автобиографическом труде поэта и даже уяснить себе место, которое занимали или должны были занять в нем дошедшие до нас отрывки, представляющие собой разобщенные части незавершенного, но единого по замыслу произведения.

---

[1] П. Анненков, «Литературные проекты А. С. Пушкина». Сб. «П. В. Анненков и его друзья». СПб., 1892, стр. 457.

„ЗАПИСКИ О КОРОТКОМ ВРЕМЕНИ“

«Биография» была первым большим прозаическим произведением поэта.

«С прозой — беда! Хочу попробовать этот первый опыт», — сказал Пушкин в 1824 году о своих не дошедших до нас повестях из молдавской старины [1]. Создаваемая им в те же годы автобиографическая проза удовлетворяла Пушкина, повидимому, в гораздо большей степени, чем его первые повести.

Говоря о пути, которым Пушкин шел к созданию своей прозы, вспоминают часто о письмах Пушкина, не без основания называя работу поэта над ними лабораторией его прозы. О погибших же Автобиографических записках Пушкина при этом забывают, и забывают, как увидим, напрасно.

«Лета к суровой прозе клонят», — сказал Пушкин в шестой главе своего «Онегина». Поэт ближайшим образом имел в виду здесь, кажется, свою Автобиографию: в черновике — к словам «Лета к суровой прозе клонят» и следующим за ними — есть вариант, который говорит, что «лета» «гонят» не «рифму» только, но и «вымысел» [2]. Вариант этот дает понять, что «лета» клонят поэта не просто к прозе (в отличие

---

[1] И. П. Липранди, «Из дневника и воспоминаний». «Русский архив», 1866, стр. 1410.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. VI, стр. 135 и 408.

от стихов), а к «суровой» прозе — без «вымысла». Такой прозой и были незадолго перед тем созданные «Записки» поэта. Гибель этого произведения заставляет исследователей забывать не только о самих «Записках», но и о важном значении их для формирования прозы Пушкина. Между тем мы вправе сказать, что путь, которым Пушкин шел к созданию своей прозы, вел его прежде всего от писем и «ежедневных записок» к большой автобиографической прозе, т. е. к созданию «Записок».

Письма Пушкина отражали действительность непосредственно, художественность не связана была для него в этом жанре с художественным вымыслом. Такого же рода произведением, только произведением большой формы, являлись «Записки» поэта. И потому вопрос о связи их с эпистолярной прозой Пушкина приобретает для нас не только формальное значение. С путями становления пушкинской прозы, о которых мы говорим, связан характер не только автобиографической, но и всей последующей повествовательной прозы Пушкина — «поэта действительности» (как он сам впоследствии определил себя). Большой интерес поэтому представляет уяснение вопроса о том, как пришел двадцатидвухлетний Пушкин к мысли о создании своей «Биографии».

Письма служили Пушкину прежде всего важнейшим материалом для нее. В 1833 году, т. е. как раз в то время, когда Пушкин работал над возобновлением своих сожженных в 1825 году «Записок», Плетнев жаловался Жуковскому, что Пушкин «ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма» [1].

А говоря о так называемом «Дневнике», который Пушкин вел в середине 30-х годов, один из исследователей «Дневника» поэта с некоторым удивлением заметил, что если сравнить последний «с материалами пушкинских писем к жене и друзьям за то же время», то мы увидим, что письма эти и являются «собственно

---

[1] Пушкин. Письма. Т. I. Ред. Б. Л. Модзалевского. М.—Л., Государственное издательство, 1926, стр. VIII.

подлинным дневником» Пушкина [1]. Николай Николаевич Раевский-старший, посылая жене письмо, содержащее описание путешествия Раевских на юг (куда Пушкин отправился вместе с ними), называет это свое пространное письмо «родом журнала» [2]. Дневником (или журналом, как тогда говорили) называют свои письма Вяземский и Боратынский [3].

Но письма были для Пушкина не только материалом, который он мог — и должен был — использовать, работая над своей «Биографией». Существуют, как мы говорили уже, не только письма-дневник, существуют письма-воспоминания, т. е. мемуары, написанные в эпистолярной форме.

Необходимо при этом учесть, что письма-воспоминания могут писаться не только много лет спустя после событий. «Я перевариваю воспоминания, — писал Пушкин 23 марта 1821 года (в тот год, когда он начал свою «Биографию») Дельвигу, — и надеюсь набрать вскоре новые; чем нам и жить, душа моя, под старость нашей молодости, как не воспоминаниями» [4]. Намекая в том же письме на свое намерение принять участие в начавшемся восстании греков против турецкого владычества («скоро оставляю благословенную Бессарабию, — есть страны благословеннее. Праздный мир не самое лучшее состояние жизни») [5], Пушкин думал, «набирая» новые воспоминания, вскоре же ввести их в начатую им Автобиографию.

Но еще до того, как начать ее, Пушкин написал два письма, резко выделяющиеся среди других его писем, — мы говорим об известном письме Пушкина к брату, где описывается пребывание поэта на Кавказе

---

[1] Д. Якубович, «Дневник Пушкина». Сб. «Пушкин. 1834 год». Л., 1934, стр. 46.

[2] См. М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., Издание Академии наук СССР, 1951, стр. 752.

[3] См. П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. IX. СПб, 1884, стр. 120. Е. Боратынский. Стихотворения, поэмы, проза, письма. М., Государственное издательство художественной литературы, 1951, стр. 529.

[4] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 25.

[5] Там же.

и в Крыму[1], и о письме, написанном им в марте 1821 года, в котором изображено начало греческого восстания. Эти письма поэта можно было бы назвать, в отличие от других его писем, относящихся к тому же периоду, «записками о коротком времени», как назвал позднее свои «Письма из Франции и Италии» Герцен: «они составляют необходимую часть моих «Записок», — писал он в «Былом и думах», поясняя: «что же, вообще, письма, как не *записки* о коротком времени»[2].

Письмо Пушкина к брату, о котором мы говорим, рассчитано было, как отмечалось уже в литературе, на читателей и — добавим — на распространение в списках. «Вот копия с письма его к меньшему брату его, после кавказского путешествия», — писал Александр Тургенев (сам автор предназначавшихся для распространения в публике писем), пересылая Сергею Тургеневу копию пушкинского письма[3].

Недостаточно, однако, в данном случае указать на то, что письмо Пушкина к брату является написанным в эпистолярной форме произведением, предназначавшимся для распространения и призванным ознакомить не одних только родственников Пушкина с путевыми впечатлениями поэта. Относить это письмо к числу «писем-путешествий» неправильно. Оно представляет собой, несомненно, один из первых законченных образцов высокой автобиографической прозы Пушкина.

Страницы Пушкина, о которых мы говорим, охватывают период пребывания его на Кавказе и в Крыму ретроспективно. В них нет текущих, ежедневных или недельных подробностей, свойственных обычно письму. События в нем взяты в масштабе биографии поэта. И это настолько сближает рассматриваемое письмо с «Записками», что оно во многом предвосхищает страницы, которые должны были войти в Автобиографические записки поэта. Перед нами как бы ранний вари-

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 17—20.

[2] «Былое и думы». Л., Государственное издательство художественной литературы, 1947, стр. 354.

[3] См. «Пушкин. Временник». Издание Академии наук СССР, т. I, 1936, стр. 199. Письмо А. Тургенева от 21 марта 1821 г.

ант кавказской (и частью крымской) главы «Записок» Пушкина, вариант, написанный еще до того, как он начал писать свою «Биографию».

«Начинаю с яиц Леды, — писал Пушкин в этом письме. — Приехав в Екатеринославль, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку, по моему обыкновенью. . .» Рассказав о встрече с Раевскими, которые пригласили его отправиться вместе с ними для леченья на Кавказ, Пушкин далее пишет: «я лег в коляску больной; через неделю вылечился. Два месяца жил я на Кавказе. . . Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся облаками, разноцветными и недвижными; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной. . .»

«Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях, — пишет Пушкин. — Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением. Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои — излишними. . .»

«Вокруг нас, — продолжает он, — ехали 60 казаков, за нами тащилась заряженная пушка, с зажженным фитилем. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на них положиться; в надежде большого выкупа — они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан какого-нибудь чеченца. Ты понимаешь, как эта тень опасности нравится мечтательному воображению». Последние строки, заметим в скобках, предвосхищают интонацию лермонтовской прозы.

Пушкин пишет про «тень опасности» со стороны черкесов, на которых нельзя положиться. Но подчеркивает, что вынужден умолчать об опасности, которая грозила правительству со стороны казаков. «Когда-нибудь прочту тебе мои замечания на черноморских и донских казаков — теперь не скажу об них ни сло-

ва», — пишет он со значением. «Замечания» Пушкина, до нас не дошедшие, касались, конечно, волнений, охвативших земли донского казачества в 1818—1820 годах. В движении этом участвовало больше сорока пяти тысяч крестьян.

«Донцы были недовольны правительством и особенно Чернышевым» (который руководил жестоким усмирением их). «Они до одного все восстали бы», — писал впоследствии один из декабристов, вспоминая 1825 год и осуждая Ермолова за то, что тот не пожелал воспользоваться возможностью поднять казаков и двинуть их на Петербург для того, чтобы поддержать выступление декабристов [1].

С Кавказа Пушкин отправился вместе с Раевскими в Крым. «...Морем, — пишет он далее в том же письме, — отправились мы мимо полуденных берегов Тавриды в *Юрзуф,* где находилось семейство Раевского. Ночью на корабле написал я Элегию...»

Пушкин не упоминает о юной Марии Раевской, которую тогда полюбил, в письме его дан портрет Раевского-старшего, прославленного участника Отечественной войны 1812 года; он пишет: «Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душою; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник 12 года; человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества. Старший сын его будет более нежели известен. Все его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная. Суди, был ли я счастлив...» [2]

Пушкин пишет в своем письме о Кавказе и Крыме, говорит о России и Востоке, представляет нам Раевского в кругу семьи, называя время, которому посвящено письмо, «счастливейшими минутами» своей жиз-

---

[1] «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов». Т. I. М., 1931, стр. 264.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 19.

ни. Если Вяземский видел в «Письмах» Карамзина «не только *письма Путешественника,* но и настоящие мемуары», то письмом-мемуарами мы с не меньшим основанием вправе назвать письмо Пушкина к брату (если говорить о жанре его). Не следует забывать только, что дорога на юг была для Пушкина дорогой в ссылку, о чем он должен был умалчивать в своем письме, предназначавшемся, как мы уже говорили, для распространения.

Высланный в том же 1820 году из Петербурга на Кавказ приятель Пушкина Александр Ардалионович Шишков противопоставил письмам Карамзина описание своего «Путешествия» «в полуденную Сибирь». Вспоминая «наших Иориков», т. е. подражателей, которые, говорит он, едут «Ронять, как новый Стерн, — Жемчужную слезу на шелковичный дерн», — Шишков писал: «путешествовать на быстрых фельдъегерских конях, без малейшего желания путешествовать, и не знать, когда возвратишься под сень родимой кровли, даже не иметь к тому ни малейшей надежды, это не легко. . .» [1]

Еще больше, чем письмо Пушкина к брату, выделяются среди пушкинских писем того же времени страницы, посвященные поэтом греческой революции.

«Греция восстала и провозгласила свою свободу, — писал в марте 1821 года Пушкин в первом из этих своих, так называемых, писем (адресуемых предположительно В. Л. Давыдову). — Теодор Владимиреско, служивший некогда в войске покойного князя Ипсиланти, в начале февраля нынешнего года вышел из Бухареста с малым числом вооруженных арнаутов и объявил, что греки не в силах более выносить притеснений и грабительств турецких начальников, что они решились освободить себя от ига незаконного. . .

. . .21 февраля генерал князь Александр Ипсиланти с двумя из своих братьев и с князем Георгием Канта-

---

[1] «Сочинения и переводы капитана А. А. Шишкова» (в 4-х частях». Часть I, СПб., 1834, стр. 113 и 114.

кузеном — прибыл в Яссы из Кишинева, где оставил он мать, сестер и двух братий...

...Известие о возмущении поразило Константинополь...

...Восторг умов дошел до высочайшей степени, все мысли устремлены к одному предмету — к независимости древнего отечества. В Одессах, — продолжает Пушкин, — я уже не застал любопытного зрелища: в лавках, на улицах, в трактирах — везде собирались толпы греков, все продавали за ничто́ свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты, все говорили об Леониде, об Фемистокле, все шли в войско счастливца Ипсиланти...

...Ипсиланти идет на соединение с Владимиреско. Он называется Главнокомандующим северных греческих войск и уполномоченным Тайного Правительства. Должно знать, что уже тридцать лет составилось и распространилось тайное общество, коего целию было освобождение Греции... Отдельная вера, отдельный язык, независимость книгопечатания, с одной стороны просвещение, с другой глубокое невежество — всё покровительствовало вольнолюбивым патриотам...

...Первый шаг Александра Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал и — мертвый или победитель отныне он принадлежит истории — 28 лет, оторванная рука, цель великодушная! — завидная участь. Кинжал изменника опаснее для него сабли турков...

...Важный вопрос: что станет делать Россия; займем ли мы Молдавию и Валахию под видом миролюбивых посредников; перейдем ли мы за Дунай союзниками греков и врагами их врагов? Во всяком случае буду уведомлять — »[1].

Эти блестящие страницы Пушкина не являются, конечно, письмом, несмотря на то, что их печатают среди писем поэта. К какому же роду произведений они относятся? «И историю пытался Пушкин писать первоначально... в эпистолярной форме», — отвечает на

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 22—24.

этот вопрос Г. Винокур, касаясь пушкинского письма о греческой революции [1]. Но страницы эти посвящены Пушкиным не просто истории, а истории своего времени и написаны о начавшемся греческом восстании против турецкого владычества, т. е. о событиях, в которых Пушкин горячо стремился тогда принять участие.

Кроме того, как верно заметил Б. Казанский, «это письмо» «не имеет ничего эпистолярного»; если бы не содержащееся в начале его обращение («Уведомляю тебя о происшествиях») и не фраза в середине: «Ты видишь простой ход и главную мысль. . .», — говорит этот исследователь, — оно «было бы» «отличной страницей записок» [2]. Но условное обращение к предполагаемому (не конкретизируемому) адресату, с которого начинаются эти страницы Пушкина, не превращает их, конечно, в письмо. Отличной страницей, вернее — написанными под видом письма страницами записок Пушкина о греческой революции, начатых поэтом в тот же год, когда он начал писать свою «Биографию», «письмо», о котором мы говорим, не только «было бы», но и является.

Страницы этого пушкинского «письма» сохранились только в черновой тетради поэта. «И нет даже твердой уверенности, кому оно адресовано», — отмечает один из исследователей [3]. Но адресат не указан в нем — и оно написано без всякого обращения к какому бы то ни было конкретному адресату, видимо потому, что адресовано Пушкиным читателям, а не отдельному лицу (хотя, написав эти страницы и предназначая их для распространения, Пушкин мог, конечно, приурочить их потом к какому-нибудь из своих адресатов).

Пересылка подобного рода письма адресату являлась во времена Пушкина только предлогом, или средством, для распространения написанного. Вспомним

---

[1] См. Пушкин. Письма. Т. I. Ред. Б. Л. Модзалевского. М.—Л., 1926, стр. XXXII.

[2] Б. Казанский, «Письма Пушкина». «Литературный критик», 1937, № 2, стр. 103.

[3] См. Пушкин. Сочинения. Ред. Б. Томашевского. Л., Государственное издательство художественной литературы, 1937, стр. 951.

хотя бы о письмах Александра Тургенева, автора и неутомимого распространителя такого рода эпистолярных произведений. Вяземский вспоминает, что когда Тургенев приехал с одним из своих приятелей в Англию, приятель этот «расстроенный переездом, усталый... бросился на кровать, чтобы немножко отдохнуть». Тургенев же «сейчас переоделся», «узнал в посольстве о немедленном отправлении курьера и поспешил домой, чтобы изготовить письмо». — «Да кому же хочешь ты писать?» — спросил его приятель. Тут Тургенев немножко смутился и призадумался: «Да, в самом деле, — сказал он, — я обыкновенно переписываюсь с тобою, а ты теперь здесь. Но всё равно: напишу одному из почтдиректоров, или московскому Булгакову, или петербургскому. И тут же сел к столу и настрочил письмо в два или три почтовые листа»[1]. Адресовать письмо московскому или петербургскому почтдиректору — известным тогда «вестовщикам» — было почти то же, что напечатать его.

Тот же Вяземский писал в своей «Старой записной книжке»: «Тютчев забавно рассказывает о письме Чаадаева к Тургеневу. Он однажды заманил к себе Тютчева и прочел ему длинную, нравоучительную и несколько укорительную грамоту. Прочитав ее, Чаадаев спросил: «Не правда ли, что это напоминает письмо Ж. Ж. Руссо к Парижскому архиепископу?» — «А что же, вы послали это письмо к Тургеневу?» — спросил Тютчев. — «Нет, не посылал», — отвечал Чаадаев»[2]. Таким образом, литературное письмо могло распространяться, даже не будучи посланным.

Письмо Пушкина о греческой революции не осталось единственным. Заметим, что оно кончается словами: «Во всяком случае буду уведомлять...» Продолжением задуманной Пушкиным серии писем о греческой революции и являются — на наш взгляд — два отрывка, написанные Пушкиным позднее, когда отношение его ко многим участникам греческого восста-

---

[1] П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений. Т. VIII. СПб, 1883, стр. 283.

[2] Там же, стр. 288.

ния — но не к делу греков — изменилось (датируемые июнем 1823 г. — июлем 1824 г.). Они печатаются в собрании сочинений Пушкина в качестве отрывков из писем, адресованных, как и первое большое письмо, предположительно тому же В. Л. Давыдову.

Первый из отрывков, о которых мы говорим, начинается словами: «С удивлением слышу я, что ты почитаешь меня врагом освобождающейся Греции и поборником турецкого рабства». А кончается этот пушкинский отрывок словами: «Ничто еще не было столь *народно,* как дело греков, хотя многие в их политическом отношении были важнее для Европы» [1].

Второй отрывок Пушкин кончает словами: «. . .дело Греции вызывает во мне горячее сочувствие, именно поэтому-то я и негодую, видя, что на этих ничтожных людей (Пушкин говорит здесь о недостойных участниках движения. — *И. Ф.)* возложена священная обязанность защищать свободу» [2].

То, что отрывки эти, наряду с первым письмом Пушкина, посвященным греческой революции, печатаются как отрывки из писем, адресованных поэтом предположительно все тому же В. Л. Давыдову (хотя они были написаны Пушкиным два-три года спустя после первого «письма»), является следствием сознаваемой, но только неверно понимаемой редакторами связи, существующей между страницами, посвященными Пушкиным делу греков.

Каким образом использовал бы Пушкин впоследствии письмо (или письма) о греческой революции в своих Автобиографических записках — вопрос другой. Но мы знаем, что, приступив в тридцатые годы к возобновлению своей сожженной после разгрома восстания 14 декабря «Биографии», Пушкин включил в программу своих новых «Записок» раздел «Греческая революция» [3]. Напомним также, что Герцен не только отсылает читателя «Былого и дум» к своим «Письмам» о революции во Франции и в Италии: он не

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 98.

[2] Там же, стр. 765 (Подлинник по-французски).

[3] Там же, т. VIII, стр. 75.

только использует и цитирует их в «Былом и думах», но и замечает: «они составляют необходимую часть моих «Записок».

Изучение автобиографического письма Пушкина к брату и письма поэта о начале греческой революции дает нам возможность понять предисторию «Записок» Пушкина. Мы видим, насколько подготовлен был переход Пушкина от автобиографических писем (и писем, представляющих собой «записки о коротком времени») к созданию Автобиографических записок.

УЦЕЛЕВШИЕ ОТРЫВКИ

КАРАМЗИН

Посвященные выходу в свет «Истории» Карамзина листы «Записок» Пушкина были напечатаны в сильно сокращенном виде полтора года спустя после смерти Карамзина. Поводом к напечатанию этих страниц явилась смерть автора «Истории государства Российского».

На какие сокращения пришлось пойти Пушкину, чтобы напечатать этот отрывок, можно судить по тому, что поэту пришлось сократить его вдвое. Страницы «Записок», посвященные Карамзину, приходится печатать теперь в собрании сочинений поэта дважды: настолько отличается от печатного отрывка рукописный текст его.

Сохраненные листы оторваны были Пушкиным от других, не дошедших до нас, листов и начинаются поэтому обрывком фразы, в которой Пушкин говорил о своих вольнолюбивых стихотворениях, написанных им до ссылки 1820 года [1].

Содержание этих вырванных Пушкиным из рукописи сожженных «Записок» страниц (а не одно только признание, сделанное поэтом в письме к Вяземскому)

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII. стр. 521. Комментарий к стр. 66 того же тома.

показывает, что они являются бесспорно сохраненными при сожжении, а не вновь написанными после смерти Карамзина страницами «Записок» Пушкина.

Трудно поэтому понять, почему в Большом академическом издании сочинений поэта отрывок, посвященный Карамзину, датируется временем не ранее июня 1826 года, т. е. признается написанным после смерти Карамзина, а в некоторых других изданиях указывается, что отрывок этот только «повидимому» представляет собой фрагмент уничтоженных «Записок» поэта [1]. Необходимо со всей определенностью установить, что перед нами сохраненный Пушкиным отрывок последних.

Сравнив сохраненные поэтом листы с напечатанным им позднее извлечением из них, мы увидим, насколько политически острыми, и потому внецензурными, являлись страницы, посвященные Карамзину в «Записках» Пушкина.

«Ты хотел прислать мне извлечения из записок своих относительно до Карамзина. Жду их с нетерпением», — писал Пушкину 31 июля 1826 года (т. е. после смерти Карамзина) Вяземский. «Ты часто хотел писать прозою, — говорит он, обращаясь к Пушкину в том же письме, — вот прекрасный предмет! Напиши взгляд на заслуги Карамзина и характер его гражданский, авторский и частный. Тут будет место и воспоминаниям твоим о нем. Можешь, — предлагал Вяземский, — издать их в виде отрывка из твоих записок [2].

Вяземский знал, что страницы «Записок», посвященные Карамзину, уже существуют, и просил Пушкина переслать ему эти страницы. Но одновременно советовал Пушкину написать, в связи со смертью Карамзина, другое, новое произведение — «Взгляд на заслуги Карамзина и характер его»: «Тут, — т. е. в этом новом произведении, — будет место и воспоми-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 521. См. также: Пушкин. Полное собрание сочинений в 9-ти томах. Издательство «Academia», т. IX, 1937, стр. 782.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XIII, стр. 289.

наниям твоим о нем», — указывал Вяземский. Пушкин не последовал этому совету и, вместо того чтобы использовать свои воспоминания для создания нового произведения о Карамзине, обещал переслать Вяземскому сохраненные при сожжении «Записок» листы, посвященные выходу в свет «Истории» Карамзина. Эти сохраненные листы сожженных «Записок» Пушкин и напечатал полтора года спустя, исключив из них места, которые не могли быть пропущены цензурой. Кроме вырванных самим поэтом из сожженных «Записок» листов, сохранился еще один отдельный листок, Пушкиным не напечатанный, который печатается теперь, обычно, как продолжение этих вырванных страниц (его отделяют от них при этом чертой — типографской отбивкой).

Сохраненный Пушкиным отрывок посвящен весне 1818 года. Пушкин вспоминает об опасной болезни, которую он тогда перенес: «Лейтон (известный врач. — *И. Ф.*), — говорит он, — за меня не отвечал. Семья моя была в отчаяньи; но через шесть недель я выздоровел». Рассказав, как он «с жадностию и со вниманием» прочел в своей постели первые восемь томов только что появившейся «Истории» Карамзина, Пушкин вспоминает о том, каким событием явился выход в свет этой книги:

«3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили» [1].

Пушкин отбросил в печати строки, рассказывавшие, каким событием явилось в его писательской жизни появление «Истории государства Российского», и оставил только рассказ о нем, как о событии общественном. В свой рассказ Пушкин принужден был внести, как мы

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 66—67.

говорили уже, значительные цензурные изменения, поскольку он упоминал на страницах своих «Записок» о резкой критике, которой подвергли «Историю» Карамзина писатели-декабристы при выходе в свет первых ее восьми томов. Пушкин должен был отбросить в печати и ту, отдельно сохранившуюся, страницу «Записок», где он говорит о своих политических спорах с Карамзиным. «Однажды, — вспоминает Пушкин, — начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказал: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе».

«Любимые парадоксы» Карамзина, против которых так резко спорил Пушкин, заключались, как известно, в утверждении, что «самодержавие есть палладиум России» и «целость его необходима для ее счастия». Карамзин настаивал на сохранении в России крепостного права[1].

«Настоящее, — писал он в 1811 году, — бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее. . .»[2]. И, доказывая необходимость самодержавия, написал свою «Историю государства Российского». Своей тенденции Карамзин не скрывал. Через несколько лет после смерти его, говоря в «Обозрении русской словесности 1829 года» о значении «Истории» Карамзина, И. Киреевский поэтому заметил: «Политические мнения для приобретения своей достоверности должны обратиться к событиям, следовательно, к истории»[3].

Вспоминая в 1836 году появление «Истории» Карамзина, князь Вяземский, перешедший к этому времени на сторону реакции, указывал:

«Часть молодежи нашей, увлеченная вольнодумством. . . замышляла в то время несбыточное преобразование России. С чутьем верным и проницательным, она тотчас оценила важность книги, которая была событие, и событие, совершенно противодействующее

[1] Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России. СПб, 1914, стр. 126 и 83.

[2] Там же, стр. 1.

[3] Альманах «Денница» на 1830 год, изданный М. Максимовичем. М., стр. XXIII.

замыслам ее... Медлить было нечего. Колкие отзывы, эпиграммы, критические замечания... посыпались на книгу и на автора из среды потаенного судилища... Им не хотелось самодержавия; как же им было не подкапываться под творение писателя, который... доказывал, что мудрое самодержавие спасло, укрепило и возвысило Россию» [1].

На фоне этих рассуждений понятным становится, какой смелостью было со стороны Пушкина вспоминать в печати — через два года после разгрома декабристов — спор их с Карамзиным, даже если Пушкин во многом не солидаризировался с критикой, которой декабристы подвергли тогда «Историю» Карамзина.

«Никита Муравьев, молодой человек умный и пылкий, — говорит Пушкин в своих «Записках», — разобрал предисловие или введение: предисловие!..» (к «Истории» Карамзина). Пушкин считал, что труд Карамзина требует от критика большего, нежели разбора одного только предисловия. Возражение, казалось бы, важное. Но предисловие Карамзина было декларативным. «История народа принадлежит царю», — писал Карамзин, посвящая свой труд Александру I. «История принадлежит народам», — отвечал Никита Муравьев. Выступление его было выступлением политическим, для которого разбор декларативного предисловия Карамзина являлся достаточным основанием.

Таким образом, Пушкин вспоминал в печати о рукописи Никиты Муравьева, в которой тот чрезвычайно резко, с декабристских позиций, критиковал политическую тенденцию Карамзина. Имя Никиты Муравьева, находившегося в это время на каторге в Сибири, Пушкин должен был, разумеется, заменить в печати первой буквой его имени. Но он смело назвал этого «государственного преступника» «человеком умным и пылким», зная, что рукопись Муравьева достаточно широко известна, так как распространялась в списках и была бесспорно известна правительству.

Это тем более замечательно, что точка зрения Пуш-

---

[1] П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений. Т. II, СПб., 1879, стр. 216—217.

кина на «Историю» Карамзина, выраженная в «Записках», не совпадала, как мы уже говорили, с точкой зрения Никиты Муравьева. Но как и в чем она не совпадала с нею? «Молодые якобинцы, — писал Пушкин, имея в виду декабристов — критиков Карамзина, — негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения». Фразу эту, совершенно невозможную в подцензурной печати, Пушкин вынужден был, разумеется, исключить, поскольку он подчеркивал в ней, что «верный рассказ событий» опровергает размышления Карамзина «в пользу самодержавия».

Вслед за упоминанием о критике, которой подвергли декабристы карамзинскую «Историю», мы читаем у Пушкина в печатном тексте: «Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина». В рукописи «Записок» Пушкин этим не ограничился: он раскрывает смысл этой пародии. «Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия,* — подчеркивает он, — и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностию,* конечно, были очень смешны». Слог историка, как видим, пародировался — в этом суть дела — с целью вскрыть и осмеять политические установки Карамзина.

Сразу вслед за строками этой пародии, Пушкин замечает: «Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм» (подразумевая, вероятно, известную эпиграмму на Карамзина) [1]:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Говоря, что эпиграмму эту ему «приписали», Пушкин оценивает ее, как видим, высоко — и едва ли только с литературной стороны. Потому что слова его

---

[1] См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 9 томах. Издательство «Academia», т. IX, 1937, стр. 775 (комментарий).

в споре с Карамзиным («Итак, вы рабство предпочитаете свободе») чрезвычайно близки по смыслу к этой эпиграмме, хотя сказаны они, может быть, были Пушкиным и не по поводу самой «Истории» Карамзина, а по поводу политических взглядов, в ней обоснованных.

Но, резко расходясь с Карамзиным и вспоминая свои споры с ним, Пушкин и в рукописи и в печатном тексте своих «Записок» называет его исторический труд «созданием великого писателя» и «подвигом честного человека». И это требует, конечно, объяснения.

Некоторые, резко осуждавшие «Историю» Карамзина декабристы отдавали должное художественной стороне его труда. Александр Бестужев в своем «Взгляде на старую и новую словесность в России» писал: «Время рассудит Карамзина, как историка; но долг правды и благодарности современников венчают сего красноречивого писателя, который своим прелестным, цветущим слогом сделал решительный переворот в русском языке на лучшее» [1]. И даже наиболее резкая из эпиграмм, вызванных появлением «Истории» Карамзина, признавала:

Решившись хамом стать пред самовластья урной,
Он нам старался доказать,
Что можно думать очень дурно
И очень хорошо писать.

Пушкин относился к прозе Карамзина критически. «Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе. Ответ — *Карамзина,* — писал он в набросках 1822 года, поясняя: — Это еще похвала не большая...» [2] Что касается «Истории» Карамзина, то последние томы ее Пушкин оценил, как известно, много выше, чем первые.

Называя труд Карамзина «подвигом», Пушкин подчеркивал, что труд этот открыл читателям историю древней России, «дотоле им неизвестную». «Ноты рус-

---

[1] «Полярная звезда на 1823 год», стр. 15.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 16.

ской истории (т. е. исторические источники, впервые изученные Карамзиным и изданные им в качестве примечаний к своей «Истории». — *И. Ф.*), — писал Пушкин, — свидетельствуют обширную ученость Карамзина». Одним этим нельзя было бы объяснить оценку, которую дает Пушкин труду Карамзина. Но следует вспомнить, что столь сведущий и принципиальный критик, как Н. Лунин, один из самых выдающихся писателей-декабристов, также отдавал должное историческим розысканиям Карамзина.

Даже в историческом очерке, написанном позднее декабристом Фонвизиным и прямо направленном, как правильно отметил в свое время В. Семевский, против реакционной «Записки о древней и новой России» Карамзина [1], мы читаем: «Карамзин первый начал разработывать... источники с знанием дела и собрал много до него неизвестных сведений и актов в примечаниях к своей истории, занимающих половину его книги. Это — главная его заслуга». «В его время, — поясняет Фонвизин, — многое ныне обнародованное валялось еще в архивах и монастырях, покрытое вековою пылью, и вовсе было неизвестно занимающимся нашею историей и древностями» [2].

Эта бесспорная заслуга историографа, повторяем, не могла бы сама по себе объяснить высокую оценку, данную Пушкиным его труду. Оценку эту один из исследователей Пушкина объясняет следующим образом: «Пушкин мог написать эпиграмму на первые восемь томов («Истории» Карамзина. — *И. Ф.*), но IX том с яркими картинами тиранства Иоанна IV, но X и XI томы с изображением «смутного времени», дававшие декабристам богатейший материал применений к современной им политической действительности, вносили существенные коррективы» в этот тенденциозный труд [3]. Пушкинская оценка объясняется здесь, как видим, впечатлением, которое произвели на поэта — и на

---

[1] «Общественные движения в России в первую половину XIX века». Т. I, СПб., 1905, стр. 83.

[2] Там же, стр. 100.

[3] Н. Бродский. Пушкин. М., Государственное издательство художественной литературы, 1937, стр. 454.

читателей-декабристов — последние тома «Истории» Карамзина.

В самом деле, вспоминая о впечатлении, произведенном появлением IX тома ее, декабрист Лорер передает: говорили, что в те дни была «в Петербурге оттого только такая пустота на улицах, что все углублены в царствование Иоанна Грозного» [1]. «В своем уединении, — писал в 1821 году Рылеев, — прочел я девятый том Русской истории... Ну, Грозный! Ну, Карамзин! — Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита» [2].

«...Девятый том Истории государства Российского, смелыми, резкими чертами изобразивший все ужасы неограниченного самовластия и одного из великих царей открыто наименовавший тираном, — писал декабрист Штейнгель, — феномен небывалый в России» [3]. Изображение царствования Ивана IV, данное Карамзиным и так восхищавшее Рылеева и некоторых других декабристов, едва ли могло, однако, удовлетворить Пушкина.

О последних двух томах «Истории» Карамзина Пушкин заметил: «Это злободневно, как свежая газета» [4]. Но нет надобности доказывать, что Пушкин, автор «Бориса Годунова», смотрел на историю России иначе, чем Карамзин.

«Читая его труд, — сказал Пушкин о Карамзине Ермолову, — я был поражен тем детским, невинным удивлением, с каким он описывает казни, совершенные Иоанном Грозным, как будто для государей это не есть дело весьма обыкновенное» [5].

В «Истории» Карамзина Пушкина привлекало то, что «он, — по словам поэта, — везде ссылался на

---

[1] «Записки декабриста Н. И. Лорера». М., Государственное социально-экономическое издательство, 1931, стр. 67.

[2] См. Рылеев. Полное собрание сочинений. Издательство «Academia», 1934, стр. 450. Письмо от 20 июля 1821 г.

[3] «Из писем и показаний декабристов». Ред. А. Бороздина. СПб, 1906, стр. 67.

[4] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 173 и (перевод) 780.

[5] «Записки Дениса Васильевича Давыдова, в России цензурою не пропущенные». Лондон — Брюссель, 1863, стр. 34.

источники»[1]. И не только ссылался, но и широко приводил эти источники в примечаниях к томам своей «Истории». А «верный рассказ событий», по мнению Пушкина, «красноречиво опровергал» сопровождающие его «размышления» Карамзина «в пользу самодержавия».

Выступая в своих «Записках», сожженных после 14 декабря, как противник самодержавия, Пушкин считал таким образом (был ли он прав в этом — вопрос другой), что «История» Карамзина не только открывала читателям «древнюю Россию», «дотоле им неизвестную», но и — вопреки политической тенденции историографа — свидетельствовала языком событий против исторической необходимости сохранения самодержавия в России.

ОТРЫВОК „№ 1"

До нас дошел переписанный Пушкиным набело отрывок, датированный 2 августа 1822 года. Этот отрывок в рукописи не озаглавлен. Дата и оканчивающий последнюю страницу его пушкинский росчерк (концовка) подчеркивают цельность отрывка, представляющего собой в то же время часть более обширного целого, поскольку над отрывком этим рукой Пушкина поставлено: «№ 1». Помета «№ 1» заставляет предполагать, что продолжением этого отрывка должен был являться отрывок № 2 (а может быть и дальнейшие, следующие по порядку номеров отрывки).

Дошедший до нас отрывок «№ 1» печатается в собраниях сочинений Пушкина под названием «Заметки по русской истории XVIII века», данным ему редакторами. В «Путеводителе по Пушкину» эти страницы названы даже «отрывочными заметками Пушкина по поводу прочитанного и передуманного». А между тем страницы эти являются тщательно обработанным и переписанным набело уцелевшим отрывком «Записок» Пушкина. Это казалось очевидным при первых публи-

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 68.

кациях данного отрывка: в «Библиографических записках», где он сто лет назад впервые увидел свет, эти страницы Пушкина названы были «отрывком, сохранившимся из его прежних (т. е. сожженных. — *И. Ф.)* записок» [1]. Публикуя в 1880 году этот отрывок в более полном виде, П. А. Ефремов писал: мы «печатаем здесь собственноручную рукопись А. С. Пушкина, не имевшую заглавия, но, очевидно, составляющую отрывок из его записок...» [2] Впоследствии, однако, понимание действительного характера этого отрывка было утрачено и вопрос о том, частью какого произведения Пушкина он является, даже не ставился.

Страницы, о которых мы говорим, не получили в годы, предшествовавшие восстанию 14 декабря, известности, какую приобрели широко распространявшиеся декабристами стихи поэта; в отличие от стихов Пушкина, они не распространялись в списках; их не знал Белинский; не оценены по достоинству они и поныне; это связано в значительной степени с тем, что страницы эти скрываются под не отвечающим содержанию и литературной форме их ошибочным заголовком.

Так называемые «Замечания» Пушкина «не являются в собственном смысле историческими, — признает Б. Томашевский, — они обосновывают политическое мировоззрение фактами ближайшей истории России» [3].

Страницы Пушкина, о которых мы говорим, охватывают императорский период русской истории, начиная с Петра I. В конце отрывка появляется Павел I, и речь идет уже, как увидим, об Александре I, воцарившемся после убийства Павла. Нетрудно догадаться, что содержанием последующих страниц должен был являться очерк царствования — и характеристика — Александра I. Так оно, постараемся показать, и было в действительности. Отрывок «№ 1» являлся началом; продолжением его был отрывок, который мы можем условно назвать отрывком № 2, использованный частично Пушкиным в его позднейшей записке «О народ-

[1] «Библиографические записки», 1859, № 5, стр. 131.

[2] «Русская старина», 1880, декабрь, стр. 1043.

[3] А. С. Пушкин. Сочинения. Л. Государственное издательство художественной литературы, 1937, стр. 940.

ном воспитании» и касающийся царствования Александра I.

Перед нами вовсе не «Заметки по русской истории XVIII века», как ошибочно называют обычно рассматриваемый нами отрывок. Дело не только в том, что в отрывке этом Пушкин касается самых острых политических вопросов современности и явно прибегает в данном случае к рассмотрению недавнего прошлого с целью дать ответ на сегодняшние, еще не решенные исторические вопросы. Дело в том также, что страницы, о которых мы говорим, никак нельзя признать «замечаниями» или «заметками». Подчеркивая это, мы спорим не о словах, а стремимся выяснить действительный характер блестящих страниц пушкинской прозы, по недоразумению только именуемых до сих пор заметками.

«Все, что является портретом или картиной, сделано широко, блестяще, величественно», — писал Пушкин в 1831 году Чаадаеву, критикуя одно из его «философических писем» [1].

Это свидетельствует о значении, какое придавал поэт искусству историка, способного не только излагать и анализировать прошлое, но и воссоздавать его. Если целью пушкинского отрывка, именуемого «Заметками по русской истории XVIII века», является показать необходимость уничтожения самодержавия и крепостного права, то средством, к которому Пушкин прибегает здесь для достижения своей цели, является, как увидим, не только исторический анализ, но и создание резких исторических портретов Петра I, Екатерины II и их преемников. Вместе с тем Пушкин блестяще анализирует прошлое, стремясь в немногих строках развернуть картину исторического состояния России в императорский период ее истории.

«По смерти Петра I, — пишет он, — движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки;

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 834.

воспоминания старины мало-помалу исчезали. Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр. Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножались; иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластический педантизм попрежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали нередко появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностию подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе». «Доказательства тому, — поясняет Пушкин, — царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елисаветы» [1].

Для того чтобы увидеть, как близка эта проза Пушкина к его — ближайшей по времени создания — художественной исторической прозе, достаточно сравнить приведенные только что строки «Записок» поэта со страницами «Арапа Петра Великого», на которых Пушкин рисует (ссылаясь на свидетельство исторических записок того времени) эпоху Регентства. То есть воссоздает историческую картину из жизни Франции XVIII столетия, картину очень близкую по времени той, которую Пушкин изобразил в своих так называемых «Заметках по русской истории XVIII века».

«По свидетельству всех исторических записок, — читаем мы в «Арапе Петра Великого», — ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени. Последние годы царствования Людовика XIV, ознаменованные строгой

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 121—122.

набожностию двора, важностию и приличием, не оставили никаких следов. Герцог Орлеанский, соединяя многие блестящие качества с пороками всякого рода, к несчастию, не имел и тени лицемерия. Оргии Пале-Рояля не были тайною для Парижа; пример был заразителен... алчность к деньгам соединилась с жаждою наслаждений и рассеянности; имения исчезали; нравственность гибла; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые припевы сатирических водевилей».

Близость сравниваемых нами отрывков пушкинской прозы, если говорить о характере и стиле ее, не вызывает сомнения.

Что касается настойчивой работы Пушкина над содержанием и формой мнимых «Заметок по русской истории XVIII века», работы, с полной очевидностью показывающей процесс создания этих страниц его «Записок», то о ней ясно свидетельствуют выразительнейшие отрывки черновика, сохраненные Пушкиным при вынужденном уничтожении отдельных страниц той своей рабочей тетради, в которой находился черновой текст рассматриваемого нами белового отрывка его «Записок»[1].

«Ничто так не озарило ума моего, — писал декабрист Штейнгель, — как прилежное чтение истории с размышлением и соображением... Сто лет от Петра Великого до Александра I столько содержат в себе поучительных событий к утверждению в том, что называется свободомыслием!» — восклицал он при этом[2]. Этому именно столетию, точнее политическому обозрению его, с целью указать на события прошлого, служащие «утверждению в том, что называется свободомыслием», и посвящены рассматриваемые нами страницы «Записок» Пушкина. Характерно, что в «Записках» декабри-

[1] Первый из этих сохраненных Пушкиным черновых отрывков, посвященный Петру I, был рассмотрен нами выше, на стр. 36. Второй отрывок, посвященный Екатерине II, сохранился в той же кишиневской тетради поэта (№ 861) на лл. 66-об. и 67, но остался поныне неизданным; академическое издание даже не упоминает о нем.

[2] См. В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб, 1909, стр. 219.

ста Александра Поджио также есть ряд страниц, обосновывающих обзором исторического прошлого современные политические требования. «К чему, скажите, еще возвращаться к... прошедшему...» — спрашивает он. И отвечает, что принужден сделать это с целью подвергнуть «разбору самую державную власть» (самодержавие. — *И. Ф.*), хотя и не станет «разыскивать зарождения начала и всего исторического хода этой власти[1]. «История должна (т. е. нужна. — *И. Ф.*) не только для любопытства или умозрений, — писал Лунин в своем «Розыске историческом», — но путеводит нас в высокой области политики»[2]. Все это, кажется, достаточно объясняет нам, почему страницы, именуемые «Заметками по русской истории XVIII века», входили в состав сожженных «Записок» Пушкина[3].

«Петр I, — пишет в них Пушкин, — не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения...» (в отличие от Александра I, конечно, которого постоянно сравнивали с Петром Великим писатели-льстецы). Петр I назван здесь Пушкиным, в отличие от его «ничтожных наследников», как мы уже говорили, «сильным человеком», «исполином». Но вместе с тем Пушкин пишет о нем: «История представляет около его всеобщее рабство... все состояния, окованные без разбора, были равны пред его дубинкою»[4].

Пушкин отдает должное всему, что «приносит великую честь необыкновенной душе самовластного государя». Но сохранение «деспотизма», т. е. самодержавного образа правления, не может быть, по мысли Пушкина, оправдано какими бы то ни было личными достоинствами царствующего государя.

---

[1] А. В. Поджио, «Записки». Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов». Т. I. М., 1931. стр. 81 и 82.

[2] М. С. Лунин. Сочинения и письма. П., 1923, стр. 82.

[3] Этот вывод был обоснован нами в исследовании «О «Записках» Пушкина» («Вестник Академии наук СССР», 1953, № 5). В работе «Историзм Пушкина», напечатанной в 1954 г. в «Ученых записках Ленинградского государственного университета» (серия филологических наук, вып. 20), Б. В. Томашевский приходит к тому же выводу.

[4] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 122.

Вслед за характеристикой личности и исторической деятельности Петра I Пушкин резкими чертами — и притом гораздо более развернуто — изображает Екатерину II.

«Царствование Екатерины II, — пишет он, — имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве...

...Екатерина, — говорит Пушкин, — уничтожила звание (справедливее — название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку — а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского («домашний палач кроткой Екатерины», — поясняет Пушкин) в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами — и Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность» [1].

Последние строки показывают, насколько важным было в глазах Пушкина политическое значение русской литературы: он говорит, вместе с тем, об отношении самодержавия к русским писателям. Перед нами, как

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 123—125.

видим, не «заметки», а резкий сатирический портрет Екатерины, которую Пушкин называет в заключение «Тартюфом в юбке и в короне»[1].

«Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою», — замечает Пушкин в конце отрывка. «Царствование Павла, — говорит он, — доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де Сталь за основание нашей конституции»[2].

«Шутка», о которой вспоминает Пушкин, — слова, сказанные названной им писательницей Александру I: «Государь, ваш характер является конституцией для вашей империи, а ваша совесть служит гарантией ее». — «Если бы это и было так, — сказал в ответ Александр I, — я не был бы ничем иным, как счастливою случайностью»[3].

Споря в своих «Записках» с «русскими защитниками самовластия», Пушкин не склонен был, как видим, соглашаться с тем, чтоб конституция заменялась в России хорошим характером царствующего императора. Можно добавить, что к 1822 году, когда Пушкин писал эти строки, с полной очевидностью выяснилось, чего стоила на деле «гарантия» законности, представляемая совестью Александра I.

Не соглашался Пушкин также с тем, что если на престол снова взойдет самодержец, подобный Павлу I, несуществующую в России конституцию можно будет с успехом заменить «удавкой», т. е. дворцовым переворотом и тайным убийством царя.

Декабристы с негодованием отвергали «серальный» — т. е. дворцовый — переворот. Но некоторые члены Союза Благоденствия, — писал впоследствии декабрист Фонвизин в своих записках, — «припоминая случаи русской истории, что императоры не раз умирали насильственною смертию (Петр III, Павел), на-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 127.

[2] Там же.

[3] См. Б. Томашевский, «Заметки о Пушкине». «Пушкин и его современники». Вып. XXXVI. П., 1923, стр. 86.

зывали такие примеры радикальными средствами преобразования России»[1]. Лунин, как известно, еще в 1817 году выступил с предложением убить Александра I (о чем Пушкин вспоминал позднее, в десятой главе «Онегина»). В этой связи становится понятным, насколько актуальным было замечание Пушкина, относящееся в черновике рассматриваемого нами отрывка его «Записок» как будто только к Петру I: «Мы видим заговоры противу жизни государя, но не противу его власти»[2].

Пушкин — автор «Кинжала» не отождествлял, конечно, дворцового переворота (и «удавки», являвшейся обычным орудием его) с казнью Александра I, о необходимости которой вели между собой споры декабристы. Но считал нужным прежде всего, как сам подчеркивал это, ограничить «власть государя», не признавая, в отличие от некоторых декабристов, убийство его «радикальным средством преобразования России».

Вторым важнейшим вопросом, рассматриваемым в том же отрывке «Записок» Пушкина, является вопрос об освобождении крестьян и о «состоянии» русского дворянства. «Мы видели, — замечает он, дав очерк царствования Екатерины II, — каким образом Екатерина унизила дух дворянства». И говорит далее: «Отселе» произошло «совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа»[3]. Таким образом, Пушкин стремится исторически объяснить в своих записках «состояние» и «дух» современного ему дворянства.

Особо рассматривает он попытки «аристократии» ограничить самодержавие. Если б «неудачное борение аристократии с деспотизмом»[4] (т. е. самодержавием. — *И. Ф.*) после смерти Петра окончилось ее победой, — утверждает Пушкин, — «владельцы душ, сильные свои-

---

[1] Михаил Фонвизин, «Обозрение проявлений политической жизни в России». Сб. «Декабристы». Сост. Вл. Орлов. М.—Л., Государственное издательство художественной литературы, 1951, стр. 497.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 289.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 124, 125.

[4] Там же, стр 123.

ми правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния... Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян...» [1]

Следует подчеркнуть близость тогдашних взглядов Пушкина на роль аристократии со взглядами Пестеля (с которым поэт провел утро 9 апреля 1821 года и имел «разговор метафизический, политический, нравственный и проч.»). Я «обратил также мысли и внимание на положение народа, — сказал Пестель на следствии, — причем рабство крестьян всегда сильно на меня действовало, а равно и большие преимущества аристократии, которую я считал, так сказать, стеною, между монархом и народом стоящею...» [2]. Близость тогдашних взглядов Пушкина со взглядом Пестеля на историческую роль аристократии не вызывает сомнений.

Так же как Пушкин, желавший уничтожения крепостного права без «страшного потрясения», Пестель надеялся уничтожить крепостное право без «ужасных происшествий, бывших во Франции во время революции» [3]. Характеристика политической действительности дана Пушкиным в рассматриваемом нами отрывке, верно заметил Д. Благой, в радищевских тонах, но — эта черта отделяет Пушкина от Радищева — поэт ставит задачу уничтожения крепостного права без «бунта от мужиков» — «в духе декабристов» [4]. В этом важнейшем вопросе взгляды Пушкина и Пестеля были также близки между собой.

Пушкин считал, как мы только что говорили, что «политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян», ибо «желание лучшего соединяет все состояния против общего зла». Здесь нельзя не вспо-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 122—123.

[2] «Восстание декабристов». Т. IV. М.—Л., 1927, стр. 90.

[3] Там же, стр. 90.

[4] Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. М.—Л. Издание Академии наук СССР, 1950, стр. 290.

мнить слова Николая Тургенева, который писал: «Когда я замечал в людях, с которыми говорил, желание политической свободы без освобождения класса крепостных, то негодование овладевало мною...» [1]

С годами Пушкин, как известно, отказался от мысли о возможности осуществить в условиях самодержавно-крепостнической России 20-х—30-х годов освобождение крестьян путем «мирного единодушия», на которое надеялся в 1822 году.

В Кишиневе, где был написан Пушкиным в 1822 году рассматриваемый нами отрывок «Записок», поэт тесно общался с «первым декабристом» Владимиром Раевским. До нас дошли написанные последним блестящие страницы политической прозы — рассуждение «О рабстве крестьян». «Несмотря на незаконченность рассуждения, — замечает опубликовавший его впервые полностью В. Базанов, — оно уже имело хождение и, может быть, Пушкин был одним из первых его читателей» [2]. Последнее предположение является более чем вероятным.

«Александр в речи своей к полякам (пишет Владимир Раевский) обещал дать конституцию народу русскому. Он медлит и миллионы скрывают свое отчаяние до первой искры...

...Дворянство русское, погрязшее в роскоши, разврате, бездействии и самовластии, не требует перемен, с ужасом смотрит на необходимость потерять тираническое владычество над несчастными поселянами. Граждане! Тут не слабые меры нужны, но решительный и внезапный удар!» [3]

Рассматриваемый нами отрывок «Записок» Пушкина отнюдь не во всем совпадает по мысли с «Рассуждением» Владимира Раевского. Но отрывок Пушкина, как и «Рассуждение», представляет собой дошедший до нас образец декабристской прозы и свидетельствует о гениальных возможностях боевой художественно-

---

[1] Н. И. Тургенев. Россия и русские. Т. I, М., 1915, стр. 80.

[2] В. В. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. М.—Л., Издание Академии наук СССР, 1949, стр. 119.

[3] Там же, стр. 109.

политической прозы Пушкина «Он, — пишет в своих воспоминаниях Пущин, — всегда согласно со мною мыслил о деле общем (res publica), по-своему проповедывал в нашем смысле — и изустно, и письменно, стихами и прозой» [1]. Строки эти принадлежат ближайшему другу поэта, не бросавшему слов на ветер и всегда точному в своих воспоминаниях о нем. Декабристская проза Пушкина почти не дошла до нас — большая часть страниц ее погибла вместе с «Записками», сожженными поэтом после 14 декабря. Важнейшим из сохранившихся отрывков ее мы должны признать страницы «Записок» поэта, печатающиеся под видом его «Заметок по русской истории XVIII века».

„ОТРЫВОК № 2"

Пушкинская записка «О народном воспитании» — документ необычного назначения. Записка эта явилась письменным продолжением разговора, который состоялся в том же 1826 году между царем и вызванным им из ссылки поэтом.

В михайловской ссылке Пушкин написал свой «Воображаемый разговор с Александром I». В «Разговоре» этом Александр говорит Пушкину: «Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие?». А оканчивался этот «воображаемый разговор» неожиданно: «...Тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, — замечал в конце разговора с поэтом царь, — «я бы рассердился и сослал его в Сибирь...» [2]

После казни декабристов между поэтом и новым царем состоялся действительный, а не только воображаемый разговор. Разговор этот окончился для Пушкина не Сибирью, а помилованием. Но хотя Николай сказал в этот день приближенным, что он «нынче долго говорил с умнейшим человеком в России», пояснив, что имеет в виду Пушкина, он добавил все же, что с поэтом

[1] «Записки И. И. Пущина о Пушкине», СПб., 1907, стр. 45.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 71.

«нельзя быть милостивым»[1]. Это замечание вызвано было, конечно, независимым поведением Пушкина во время данной ему аудиенции.

В своей записке «О народном воспитании» Пушкин воспользовался предоставленной ему возможностью продолжить письменно разговор с царем и высказать ему многое из того, что не мог высказать в печати. С той же смелостью несколько лет спустя Пушкин послал царю «замечания», которые не могли, по словам поэта, войти в историю Пугачева. И в числе их послал важнейшее обобщение, опубликовать которое в печати было тогда, конечно, немыслимо. В этом своем «замечании» Пушкин писал царю: «Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства»[2].

Так же смело писали из крепости Николаю в 1826 году некоторые декабристы, несмотря на то что их ждала петля или каторга. В своих письмах из крепости они высказали новому царю очень многое из того, о чем говорили и писали, подготавливая вооруженное восстание против самодержавия.

Смысл этих обращений исторически понятен. Революции, совершаемой народом, декабристы страшились. Но революция без участия народа — вооруженное восстание, начатое 14 декабря, когда декабристы вывели на Сенатскую площадь только преданные и сочувствующие им войсковые части, — не удалась; сами они — вожди разгромленного восстания — были обречены на гибель.

Но вот перед ними неожиданно блеснула как будто новая надежда — надежда на «революцию сверху», которую обещает и может будто бы совершить новый царь, подобно тому как совершил, по представлению многих декабристов (и Пушкина), «революцию сверху» Петр I. В этом смысл так странно звучащих для

---

[1] См. «Русский архив», 1865, стр. 96 и «Русская старина», 1874, № 8, стр. 691.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 357.

нас теперь слов, которыми окончил Александр Бестужев написанное им в крепости письмо Николаю I: «Я уверен, что небо даровало в вас другого Петра Великого. . .» [1] В этом же, как указывают исследователи Пушкина, заключался смысл обращенных к новому царю «Стансов» поэта:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Стихотворение это — не что иное, как поэтически выраженная программа деятельности, обращенная к новому Петру, — им и должен был стать Николай I.

«Так обольстил, по рассказу Мицкевича, — писал Герцен, — Николай I Пушкина. Помните ли этот рассказ, когда Николай I призвал к себе Пушкина и сказал ему: «Ты меня ненавидишь за то, что я раздавил ту партию, к которой ты принадлежал. Но, верь мне, я также люблю Россию, я не враг русскому народу, я ему желаю свободы, но ему нужно сперва укрепиться» [2].

Потребовалось, как известно, не так уж много времени для того, чтобы понять, чем кончились надежды, которые возбудил новый царь. 21 мая 1834 года Пушкин записал в дневнике: «В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого» [3].

Но чтобы понять это, понадобилось все-таки несколько лет. Тогда же, в 1826 году, на другой день после разгрома восстания, декабристы, в надежде на реформы, обещанные царем, стремились высказать ему в своих письмах из крепости все, что могло бы, на их взгляд, помочь новому царю совершить необходимое преобразование России.

В письмах этих дан резкий критический очерк состояния, в которое страна приведена была Алексан-

---

[1] «Из писем и показаний декабристов». Сб. под ред. А. Бороздина. СПб, 1906, стр. 44.

[2] «Колокол», 1860, 1 марта, л. 64, стр. 534.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 52 и 562.

дром I и его предшественниками. В этих письмах дается характеристика только что закончившегося царствования и объяснение причин возникновения — и «исторического хода» — «свободомыслия в России». Некоторые из таких «писем» представляют собой не только интереснейшие политические трактаты; так же как совпадающие с ними по своему содержанию и характеру главы записок (мемуаров) Якушкина и А. Муравьева (в той части, где последний использовал записки своего брата Никиты Муравьева), эти письма из крепости являются выдающимися по своим художественным достоинствам очерками истории своего времени. Они являются вместе с тем высокими образцами той декабристской прозы, которую мы вправе с полным основанием назвать русской художественно-политической прозой 20-х годов. Таково в первую очередь письмо из крепости Александра Бестужева и — едва ли не в большей еще степени — известное письмо Каховского, обращенное к царю.

Выдающимся образцом такого рода публицистической прозы является и адресованная царю пушкинская записка «О народном воспитании». В связи со сказанным понятным становится, почему Пушкин, объясняя в ней причины «последних происшествий», т. е. восстания 14 декабря, использовал в первой (исторической) части этого предназначавшегося для царя документа сохраненный отрывок сожженных годом раньше «Записок». Неожиданное, на первый взгляд, использование их Пушкиным при обращении к царю оказывается, таким образом, исторически объяснимым и потому естественным и понятным.

«Сорок вопросительных и один восклицательный знак, поставленный Николаем I на полях пушкинской записки, — замечает один из исследователей ее, — достаточно красноречиво свидетельствовали о недовольстве представленным ему документом». «Буквально по всем пунктам своей записки Пушкин пошел вразрез с внутренней политикой царского правительства», — указывает тот же исследователь. «Характеристики Пушкина злы и выразительны, — отмечает он. — И можно лишь поражаться тому, как долго игнориро-

вались большинством наших исследователей эти, столь реалистические, полные острой иронии и бичующего сарказма зарисовки различных сторон николаевской России» [1].

Резкость этих пушкинских зарисовок связана с происхождением их: на страницы адресованной царю записки «О народном воспитании» они попали, как постараемся показать, из запретных «Записок» поэта. Об этом ясно свидетельствуют ссылки, сделанные Пушкиным в черновиках записки «О народном воспитании».

В первой из этих ссылок Пушкин указывает, какое именно место своих прежних «Записок» решил он использовать для новой работы. Пушкин отмечает: *«Любопытно видеть etc — из записок»* [2].

Вторая ссылка Пушкина гласит: *«Александр (из записок)»* [3].

В третьей указано — *«Патриархальное вос[питание] из записок»* [4].

Работая над запиской «О народном воспитании», Пушкин использовал в ней, как можно убедиться, уцелевший отрывок сожженных «Записок», а не только вспоминал запомнившиеся ему почему-либо места их.

Черновики записки «О народном воспитании» изучались до сих пор с целью лучше понять и объяснить содержание этого адресованного Пушкиным царю документа [5]. Что же касается содержащихся в них ссылок Пушкина на сохраненные им страницы сожженных «Записок», то значение этих ссылок оставалось нераскрытым и неоцененным. Между тем изучение их дает возможность установить, каким образом использовал Пушкин в своей записке «О народном воспитании» уцелевшие страницы уничтоженных им после

---

[1] А. Цейтлин, «Записка Пушкина о народном воспитании». «Литературный современник», 1937, № 1, стр. 284, 287, 267, 278.

[2] См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 311. (Курсив наш. — *И. Ф.*).

[3] Там же, стр. 313. (Курсив наш. — *И. Ф.*).

[4] Там же, стр. 314. (Курсив наш. — *И. Ф.*)

[5] Черновики записки «О народном воспитании» хранятся ныне в Архиве Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.

14 декабря «Записок». Постараемся поэтому выяснить, какие места их Пушкин использовал в документе, адресованном Николаю I, и составить себе представление о том, каково было содержание использованного им в этом документе отрывка сожженных «Записок».

Комментарий к записке «О народном воспитании», помещенный в Малом академическом издании сочинений Пушкина, указывает только, что в черновиках ее «имеются ссылки» на записки. И поскольку комментируемая записка Пушкина называется запиской «О народном воспитании», комментатор предполагает, что, работая над ней, Пушкин «повидимому... воспользовался своими записками, не дошедшими до нас, в части, характеризующей русское домашнее воспитание» [1].

На самом же деле в черновиках записки «О народном воспитании» Пушкин трижды ссылается — это надо установить с полной ясностью — на сохраненные им при сожжении страницы своих Автобиографических записок. И использует их вовсе не только для характеристики «русского домашнего воспитания» (о котором говорит лишь одна из трех интересующих нас пушкинских ссылок). В адресованной царю записке Пушкин использовал прежде всего то место своих прежних «Записок», где он писал о перемене, совершившейся в русском обществе после войны 1812 года.

Пушкин ссылается далее на те строки этих «Записок», которые касались введенных Александром I экзаменов на чин. Поэт придавал этой мере важное значение, «ибо она, — по его словам, — нанесла последний удар дворянскому просвещению и гражданской администрации, вытеснив всё новое поколение в военную службу» [2].

И только в третьей из своих ссылок Пушкин касается действительно вопроса о дворянском воспитании. Но при этом вовсе не ограничивается вопросом о «домашнем воспитании», а имеет в виду воспитание

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 664.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 45.

молодого дворянина, определявшее во многом дух современного поэту дворянства.

Таким образом, Пушкин, касаясь в черновиках записки «О народном воспитании» вопросов, о которых он писал до 14 декабря в Автобиографических записках, отмечал своими ссылками необходимость использовать сохранившиеся страницы последних для предпринятой им теперь новой работы. Мы должны поэтому выяснить, каким образом он использовал в ней страницы прежних «Записок».

Изучение черновиков и окончательного текста записки «О народном воспитании» показывает, что в двух случаях (там, где сделанные Пушкиным в черновиках ссылки упоминают о введенных Александром I экзаменах на чин и о «патриархальном воспитании») Пушкин включил затем в представленную царю записку предусмотренные этими ссылками места из своих прежних «Записок». В одном же случае Пушкин уже в самом черновике записки «О народном воспитании» обращается к прежним «Запискам», на которые он тут же ссылается; но при этом не просто включает соответствующие строки их в новую записку, а именно использует их для краткого, но картинного изображения перемены, совершившейся в русском обществе в годы, предшествовавшие восстанию 14 декабря.

Этими местами своих погибших «Записок» Пушкин явно дорожил. Позднее он пытался, повидимому, использовать некоторые из них в неоконченном «Романе в письмах», написанном в 1829 году: «Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году, — пишет один из героев этого романа своему другу. — В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы не снимая шпаг — нам было неприлично танцовать и некогда заниматься дамами»[1].

Записка «О народном воспитании» начинается с выяснения причин «последних происшествий», т. е. восстания 14 декабря. И затем идет упомянутая нами

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VI, стр. 75.

картина, изображающая перемену, которая произошла в молодом поколении за время, отделяющее канун 1812 года от кануна 1825 года. В пушкинской записке с самого начала говорится, что «политические изменения» (которые, написал Пушкин сначала, «были любимою мечтою молодого поколения») «вдруг сделались у нас, — пишет он в окончательном тексте, вспомнив, кому вынужден адресовать эти строки, — предметом замыслов и злонамеренных усилий».

Вслед за этим в черновике записки «О народном воспитании» Пушкин пишет: «Любопытно видеть etc — из записок. . .»[1] То есть любопытно видеть, каким образом произошли в русском обществе эти изменения. Для этого Пушкин и считает необходимым обратиться к истории недавнего времени, воссозданной в его прежних «Записках».

«Возвращаясь вспять, напрасно стали бы мы искать причины в нашем отечестве»[2], — пишет он вслед за тем в черновике своей новой записки, повторяя сначала как будто официальную формулу. И, отделив при помощи тире эту вынужденно включенную фразу (которую в дальнейшем опровергает резкой критикой состояния современной ему России), продолжает:

«15 лет тому назад (стало быть, в 1811 году, — т. е. накануне войны 1812 года. — *И. Ф.*) литература (тогда столь свободная, впоследствии столь угнетенная) не имела никакого направления; воспитание ни в чем не отклонялось от первоначальных предначертаний». Последняя фраза могла быть, конечно, написана Пушкиным лишь в 1826 году при составлении записки «О народном воспитании».

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 311. Вопросительный знак, которым академическое издание сопровождает это место пушкинской рукописи, означает, что предположительно читается номер главы «Записок», на которую ссылается здесь Пушкин. Самая же ссылка (т. е. слова: «Из записок») читается совершенно ясно, в чем не трудно убедиться, обратившись к подлинной рукописи Пушкина, хранящейся в Архиве Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР (№ 836, л. 46, оборот — карандашная пагинация).

[2] Там же, стр. 311—312.

«Молодые люди, — пишет он, — занимались военной службой и старались отличиться французскими стишками и шалостями» (в одном из вариантов было сказано: «занимались службой и женщинами»).

«10 лет после (т. е. около 1821 года, — напомним, что в этом году Пушкин начал писать свою «Биографию». — *И. Ф.)* мы видели разговоры исключительно политические, революционные идеи (сначала Пушкин написал «либеральные» идеи, но потом зачеркнул, с тем чтобы снова написать в окончательном тексте — «либеральные идеи». — *И. Ф.),* бывшие дотоле люб[имым] (?) etc, необходимым условием, вывеской модного человека; литературу, подавленную беспощадной цензурой, превращенную в рукописные пасквили и возмутительные песни и тайные общества, заговоры и замыслы кровавые или безумные etc»[1].

Исследователи записки «О народном воспитании» отмечают, что Пушкин принужден был пользоваться в ней, при обращении к царю, официальной фразеологией, цитируя и по-своему используя выражения манифеста 16 июля 1826 года. Но, соглашаясь, как может показаться на первый взгляд, с мыслями Николая I о «просвещении», Пушкин — верно замечает один из исследователей — вслед за тем «придает его мысли такую направленность, что она начинает звучать в совершенно противоположном духе!»[2] Сказанное можно отнести и к объяснению, которое дает Пушкин в записке «О народном воспитании» развитию декабристских идей.

«Не в свойствах, не во нравах русских был сей умысл», — утверждал манифест. «Революционный дух, внесенный в Россию горстью людей, заразившихся в чужих краях новыми теориями... внушил нескольким злодеям и безумцам мечту о возможности революции, для которой, благодаря бога, в России нет дан-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 312 (черновик).

[2] А. Цейтлин, «Записка Пушкина о народном воспитании». «Литературный современник», 1937, № 1, стр. 277.

ных», — заявил на шестой день после восстания Николай I, принимая дипломатических представителей [1].

«Ясно, что походам 1813 и 1814 года, пребыванию наших войск во Франции и в Германии должно приписать сие влияние на дух и нравы того поколения, коего несчастные представители погибли в наших глазах», — написал Пушкин в окончательном, близком к черновику тексте, адресованной царю записки о воспитании [2]. Но, повторив сначала официальную формулу (и только в возможной мере смягчив ее), Пушкин дает далее собственное, не совпадающее с правительственным, объяснение развитию в России «революционных идей». «Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества, — подчеркивает он, прибегая к официальной фразеологии, но поясняя при этом: — воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла» [3]. И затем, под видом критики укоренившейся системы дворянского воспитания, резкими чертами рисует внутренний строй современной ему России. Черты эти, данные в адресованной царю записке порознь, сливались, как не трудно догадаться, в «Записках» Пушкина, откуда они были взяты им, в цельную картину.

«Чины сделались страстию русского народа. Того хотел Петр I, того требовало тогдашнее состояние России», — пишет Пушкин в черновике записки «О народном воспитании». И вслед за тем делает ссылку: *«Александр* из записок» [4], отмечая — как ясно показывают дальнейшие строки черновика — свое решение включить в окончательный текст адресованной царю записки то место из своих прежних «Записок», которое касалось введенных Александром I экзаменов на чин. (В другом черновом наброске, относящемся к записке

---

[1] См. Рылеев. Полное собрание стихотворений. Под ред. Ю. Г. Оксмана. «Библиотека поэта». Большая серия. Изд. «Советский писатель», 1934, стр. 2.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 43.

[3] Там же.

[4] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 313.

«О народном воспитании», Пушкин также пометил: «Экзамены суть мера ошибочная. Александр»)[1]. В соответствии с этим, в окончательном тексте записки «О народном воспитании» мы и находим строки, несомненно почерпнутые Пушкиным из его прежних «Записок».

Сначала Пушкин в тоне, требуемом обращением к высокому адресату, пишет: «Покойный император, удостоверясь в ничтожестве ему предшествовавшего поколения, желал открыть дорогу просвещенному юношеству и задержать как-нибудь стариков, закоренелых в безнравствии и невежестве». И затем, с резкостью, свойственной его сожженным «Запискам», продолжает: «Отселе указ об экзаменах, мера слишком демократическая и ошибочная, ибо она нанесла последний удар дворянскому просвещению и гражданской администрации, вытеснив всё новое поколение в военную службу. А так как в России всё продажно, то и экзамен сделался новой отраслию промышленности для профессоров. Он походит на плохую таможенную заставу, в которую старые инвалиды пропускают за деньги тех, которые не умели проехать стороною»[2]. Не только сделанная Пушкиным в черновике ссылка, но и стиль этих строк выдает их происхождение. Они взяты из прежних «Записок» поэта и лишь слегка отредактированы им.

Последняя из трех ссылок, сделанных Пушкиным в черновике записки «О народном воспитании», гласит: «Патриархальное воспитание из записок»[3]. Нет сомнения, что Пушкин включил предусмотренные этой ссылкой строки своих прежних «Записок» в текст записки «О народном воспитании». Вот эти, так ясно проступающие в тексте последней, выразительные строки:

«В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное; ребенок окружен

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 314.

[2] Там же, стр. 45.

[3] Там же, стр. 314.

одними холопями, видит одни гнусные примеры («одни примеры гнусного рабства» — сказано в черновике), своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем. Воспитание в частных пансионах не многим лучше; здесь и там оно кончается на 16-летнем возрасте воспитанника...» [1]

Вслед за этими резкими строками Пушкин вынужден был включить в записку «О народном воспитании» (против своего желания, как он дал понять вскоре одному из друзей [2]) следующую фразу: «Нечего колебаться: во что бы то ни стало должно подавить воспитание частное». Если мы отбросим эту вынужденно включенную фразу и вновь обратимся к рассмотрению текста записки «О народном воспитании», то обнаружим в ней строки, явно связанные не только по смыслу, но и по своему происхождению с только что приведенными нами пушкинскими строками, которые кончаются словами: «Воспитание в частных пансионах немногим лучше; здесь и там оно кончается на 16-летнем возрасте воспитанника» [3]. «В других землях молодой человек кончает круг учения около 25 лет, — пишет Пушкин, явно продолжая ту же мысль, — у нас он торопится вступить как можно ранее в службу, ибо ему необходимо 30-ти лет быть полковником или коллежским советником. Он входит в свет безо всяких основательных познаний, без всяких положительных правил...» [4]

Достаточно прочесть подряд приведенные Пушкиным в разных абзацах записки о воспитании, но несомненно связанные между собой — и потому сопоставляемые нами — строки, и мы увидим, что в не дошед-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 44.

[2] См. А. Н. Вульф, «Выдержки из дневника». Запись от 16 сентября 1827 г. «Русская старина», 1899, март, стр. 512.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XI, стр. 44.

[4] Там же.

ших до нас «Записках», откуда явно взяты Пушкиным эти строки, они должны были составлять, повидимому, один кусок.

Необходимо подчеркнуть важность вопросов, о которых говорят страницы «Записок», использованные им в записке «О народном воспитании». Первая из этих использованных поэтом в адресованной царю записке страниц касалась, как мы видели, развития в России революционных идей после 1812 года, т. е. после победы над Наполеоном.

Иногда приходится слышать мнение, что во времена Пушкина не проводилось еще границы между идеями либеральными и революционными. Черновик пушкинской записки «О народном воспитании» показывает, что Пушкин разграничивал их. Удивляться тому, что различие между идеями либеральными, т. е. в тогдашнем значении слова — освободительными, и идеями революционными было ясно Пушкину, нет никаких оснований. Собеседник поэта Михаил Орлов писал 29 декабря 1825 года Николаю I в своей Записке о тайных обществах о том времени, когда члены Союза Благоденствия находились «исключительно под влиянием либеральных идей» и когда «в их головах еще не было ни одной революционной идеи» [1].

Второе использованное Пушкиным место, взятое им из его прежних «Записок» и включенное в записку «О народном воспитании», касалось, мы видели, вопроса об уничтожении введенных Петром I чинов и уничтожения экзаменов на чин, установленных Александром I. Меры, принятые Александром I по отношению к дворянству, Пушкин считал дальнейшим развитием мер, предпринятых по отношению к родовитому дворянству Петром I. Можно указать, что и декабрист Александр Поджио, посвящая в своих позднейших «Записках» ряд страниц обоснованию своих политических взглядов, заметил, что он не кончил еще счетов с Петром, так же как с Александром [2].

---

[1] См. «Красный архив», 1925, т. 6(31), стр. 160.

[2] «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов». Т. I, М., 1931, стр. 47.

В третьем, использованном Пушкиным месте, взятом им из его прежних «Записок», говорилось о воспитании молодого дворянина с такой резкостью, что, касаясь строк, посвященных Пушкиным в записке «О народном воспитании» «патриархальному воспитанию», один из исследователей заметил: «Это было повторение мыслей, высказанных в начале века Радищевым, утверждавшим, что все воспитание, получаемое дворянином, «с самого детства учит поступать самовластно», что питомец «благородного сословия» растет, «имея пред глазами своими непрестанно рабов, с которыми учится повелевать и раболепствовать, а не управлять и повиноваться» [1].

Глава «Записок» Пушкина, использованная им в адресованной царю записке «О народном воспитании», так же как соответствующие ей по содержанию главы записок Якушкина и Муравьева, так же как «письма» из крепости, посланные Николаю I Каховским и Александром Бестужевым, представляла собой резкий очерк царствования Александра и касалась причин, обусловивших развитие в эту пору в России освободительных и революционных идей. Изучение вопроса о «Записках» Пушкина в связи с записками декабристов проливает свет не только на судьбу, но и на содержание сожженных «Записок» поэта.

Если мы вспомним о судьбе «Русской правды» и о судьбе «Конституции» Никиты Муравьева, т. е. основных памятников декабристской политической литературы, если мы вспомним о судьбе сожженной десятой главы «Онегина», станет ясно, что удивлять нас должно не то, что Пушкин мог, точнее — должен был, сохранить, и сохранил действительно, отрывки сожженных «Записок». Удивительней, что до нас дошло от них сравнительно немногое.

---

[1] И. Сергиевский. А. С. Пушкин. М. Государственное издательство художественной литературы, 1950, стр. 85. Исследователь ссылается на «Вновь открытую записку А. Н. Радищева о законодательстве». «Голос минувшего», 1916, № 12, стр. 86.

Сохранившийся и расшифрованный только в XX веке листок, на котором Пушкин зашифровал запретные строки сожженной им в 1830 году десятой главы «Онегина», не всегда был единственным — он является только единственным уцелевшим листком. «Несомненно должны были существовать три-четыре таких же листка», на которых Пушкин зашифровал остальные строки зашифрованных им строф этой главы, — утверждает исследователь десятой главы «Евгения Онегина» [1]. На это же обращал внимание в разговоре с пишущим эти строки такой знаток Пушкина, как М. А. Цявловский, основываясь на анализе произведенной жандармами нумерации отдельных листков, найденных после смерти Пушкина в кабинете поэта. Не исключено поэтому, что недостающие листки, содержащие остальные зашифрованные Пушкиным строки десятой главы «Онегина», могут еще отыскаться.

Можно высказать предположение, что и неизвестные нам, сохраненные при сожжении страницы пушкинских автобиографических «Записок» могут скрываться еще где-нибудь по сей день, и потому могут быть со временем обнаружены. Вспомним в подтверждение сказанного, что в записке «О народном воспитании» Пушкин ссылается на сохраненный им при сожжении отрывок своих «Записок», который, однако, остается нам неизвестным (если не считать тех мест его, какие Пушкин использовал в тексте своей записки «О народном воспитании»). Возможность обнаружения в дальнейшем совершенно неизвестных нам страниц сожженных «Записок», втайне сохраненных Пушкиным, является, однако, при настоящем состоянии наших сведений не более чем предположением. Задача предпринятого нами исследования другая: она заключается в том, чтобы обнаружить в составе рукописного наследства Пушкина дошедшие до нас, но неопознанные — в силу особой судьбы, постигшей этот труд, — страницы «Записок» поэта.

---

[1] С. Бонди, «Десятая глава «Евгения Онегина». Статья в издании: А. С. Пушкин. Евгений Онегин. М., Государственное издательство детской литературы, 1946, стр. 229.

О МНИМО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НАБРОСКАХ

„УЧАСТЬ МОЯ РЕШЕНА...“

Отрывки Автобиографических записок Пушкина можно обнаружить, как мы убедились, даже в тех томах его сочинений, где напечатаны стихотворные произведения поэта (к которым он приобщал такого рода отрывки под видом приложений). Не могли ли попасть отрывки Автобиографических записок — или по крайней мере автобиографической прозы поэта — и в тот раздел его сочинений, где печатаются романы и повести Пушкина?

В свое время было сделано немало попыток «биографического истолкования» художественных произведений Пушкина. Попытки эти начались еще при жизни поэта и вызвали с его стороны обоснованные возражения («Как будто нам уж невозможно — Писать поэмы о другом, — Как только о себе самом», — заметил он в «Евгении Онегине»). Пушкин даже нарисовал себя рядом с Онегиным — на берегу Невы, — и гравюра, выполненная по этому рисунку, помещена была, по его желанию, в качестве иллюстрации к роману. Рисунок этот был для Пушкина средством отделить себя от героя в глазах читателя.

Но в томе романов и повестей Пушкина печатаются два отрывка, заслуживающие при изучении автобиографической прозы поэта особого внимания. Первый из них начинается словами «Участь моя решена. Я же-

нюсь». Эти «наброски носят автобиографический характер и связаны с помолвкой Пушкина 6 мая 1830 г.», — указывается в комментариях. «Подробности (например, визит к больному дяде — умиравшему В. Л. Пушкину, описание черт холостой жизни, мысли о поездке за границу и т. д.) совпадают с фактами жизни самого Пушкина... Подзаголовок «С французского», — говорится в том же комментарии, — сделан Пушкиным с целью прикрыть личные черты, отразившиеся в отрывке» [1].

Отрывок или наброски «Участь моя решена. Я женюсь», — говорится в другом издании сочинений поэта, — «имеют автобиографическое значение и отображают настроения и высказывания Пушкина в письмах в связи с помолвкою поэта с Н. Н. Гончаровой в мае 1830 года» [2]. «Набросок» озаглавлен «С французского», но носит столь явно и столь признанно автобиографический характер, — замечает о нем В. Вересаев в своей известной книге «Пушкин в жизни», — что мы сочли возможным в данном случае нарушить наше правило — не пользоваться для этой книги художественными произведениями Пушкина» [3]. Поэтому В. Вересаев включил этот отрывок пушкинской прозы в составленный им «систематический свод свидетельств» о жизни Пушкина.

Итак, набросок или отрывок, о котором мы говорим, носит «явно» и «признанно» автобиографический характер. А между тем мнение о таком характере его основано на смешении автобиографической — в действительном смысле слова — прозы Пушкина с произведениями, в которых можно отметить наличие автобиографических мотивов, но которые, тем не менее, никак нельзя признать в целом произведениями автобиографическими.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VI, стр. 768.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 6 томах. Т. IV, Государственное издательство художественной литературы, 1949, стр. 478.

[3] В. Вересаев. Пушкин в жизни. Изд. 6-е, т. II, М., 1936, стр. 56.

В настоящей работе рассматривается автобиографическая проза Пушкина, автобиографическая в прямом смысле слова. В связи с этим необходимо ясно отграничить от нее отрывок «Участь моя решена. Я женюсь», нередко к ней относимый. Для этого нужно остановиться на причинах ошибки, допускаемой обычно при оценке этого пушкинского отрывка.

«Вообще, — писал в своем «Биографическом известии об А. С. Пушкине...» брат поэта, — он любил придавать своим героям собственные вкусы и привычки» [1]. Но герой отрывка «Участь моя решена. Я женюсь» (несмотря на наличие в этом отрывке ряда автобиографических черт и подробностей) — не Пушкин: отождествлять его с поэтом у нас нет оснований.

«Я женюсь, т. е. я жертвую независимостию, моею беспечной прихотливой независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством», — говорится в этом отрывке [2]. В черновике было сказано: жертвую «вдохновением» [3], — но Пушкин затем удалил из текста отрывка все, что могло бы говорить о том, что перед нами рассказ о женитьбе поэта. Единственным глухим отзвуком остались, может быть, строки, касающиеся оглашения помолвки: «Это сегодня новость домашняя, завтра — площадная. — Так поэма, обдуманная в уединении, в летние ночи при свете луны, продается потом в книжной лавке и критикуется в журналах дураками...» [4]

В окончательном тексте отрывка мы читаем: «Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством в жизни моей... Дело в том, что я боялся не одного отказа» [5].

Но опасения поэта, решившегося искать в женитьбе «счастья на обычных путях» [6], не совпадали с опасе-

---

[1] «Москвитянин», 1853, № 10, стр. 58.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. VIII, ч. 1, стр. 406.

[3] Там же, ч. 2, стр. 952.

[4] Там же, ч. 1, стр. 408.

[5] Там же, ч. 1, стр. 406.

[6] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 338.

ниями тридцатилетнего жениха, от лица которого написан переведенный будто бы Пушкиным с французского отрывок. Утрата независимости, которая грозила Пушкину, никак не сводилась к утрате беспечной независимости богатого холостяка.

«Нет у меня досуга вольной холостой жизни, необходимой для писателя», — вот о чем скажет сам Пушкин через два года после женитьбы в письме к Нащокину, поясняя: «Кружусь в свете, жена моя в большой моде… а труды требуют уединения» [1]. Но дело не сводилось к отсутствию уединения.

«Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости, — писал Пушкин жене через три года после женитьбы. — Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас» [2].

Известно, что Пушкин стремился порвать свою зависимость от двора, но сделать это Николай ему не позволил. Когда Пушкин подал в отставку, а затем вынужден был взять свою просьбу назад, царь написал Бенкендорфу: «Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем всё это может кончиться; то, что может быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может применяться к человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства» [3].

Опасения поэта перед женитьбой, заставлявшие его бояться «не одного отказа», со стороны Натальи Николаевны или ее родных, были связаны вовсе не с заботами «любящего пожить» эгоиста. И об этих-то, важнейших сомнениях ничего не говорится в отрывке, посвященном женитьбе светского человека, который начинает свои размышления словами «Участь моя решена. Я женюсь».

В пушкинском отрывке нет ничего даже отдаленно

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 427.

[2] Там же, стр. 489.

[3] Сб. «Старина и новизна». Кн. VI, СПб., 1903, стр. 10—11.

подобного и тому, что написал поэт перед женитьбой в письме к матери своей невесты. «Бог мне свидетель, — писал Пушкин 5 апреля 1830 года в этом письме, — что я готов умереть за неё; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, — эта мысль для меня — ад» [1]. Касаясь вслед за тем своих затруднений и ясно намекая на важнейшее из них, о котором Пушкин девять дней спустя писал Бенкендорфу («г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у государя. . .») [2], поэт заключал письмо к матери своей невесты словами: «Вот в чем отчасти заключаются мои опасения» [3].

Нет, подобных опасений не было у героя, от лица которого ведется рассказ в пушкинском отрывке «Участь моя решена. Я женюсь».

Какие бы отдельные автобиографические детали ни использовал Пушкин в этом своем отрывке, перед нами лишь беллетристическое произведение, думая о судьбе которого Пушкин, как видим, не напрасно опасался личных «применений». Подзаголовок «С французского» дан был, конечно, Пушкиным этому отрывку для отвода «применений», которые читатели могли бы сделать, зная о женитьбе поэта. Но можно заметить, что прикрытие это носит весьма поверхностный характер: в отрывке, будто бы переведенном Пушкиным с французского, рассказывается о семействе, которое сидит за самоваром, отец говорит о саратовской деревне и благословляет жениха и невесту образом Казанской богоматери. Избежать «применений» Пушкину не удалось: наброски, найденные в его бумагах, были напечатаны и сочтены — без достаточно глубоких, в сущности, оснований — автобиографическими.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 279 и 805.

[2] Там же, стр. 281 и 806.

[3] Там же, стр. 280 и 805.

„НЕСМОТРЯ НА ВЕЛИКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА. . .“

Совсем другой характер носит весьма важный с интересующей нас точки зрения отрывок, печатаемый также в разделе романов и повестей Пушкина, который начинается словами: «Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы. . .» Отрывок этот был впервые напечатан вскоре после смерти Пушкина в четвертой книге «Современника» за 1837 год со следующим примечанием Плетнева:

«Очерк и даже некоторые частности этого отрывка автор успел уже употребить в неоконченной повести своей, напечатанной. . . под названием «Египетские ночи». Издатели не считают за излишнее поместить здесь этот отрывок и в том виде, как он приготовлен был автором еще до назначения ему места в пьесе (т. е. в «Египетских ночах». — *И. Ф.)*, как он набросан был в виде запасного материала».

Исследуя историю создания «Египетских ночей», С. Бонди пришел к выводу, что «Отрывок» (написанный по словам Плетнева Пушкиным «в виде запасного материала») «вовсе не связан был с «Египетскими ночами»: он представляет отдельный замысел, написан гораздо раньше и без всякой связи с повестью о Клеопатре и ее ночах». . . «Заглавие «Отрывок» и примечание (которым Пушкин сопроводил его: «Сей отрывок составлял, вероятно, предисловие к повести, не написанной или потерянной». — *И. Ф.)* показывают, что Пушкин думал его в таком виде напечатать». . . «Отрывок», видимо, так и был задуман, как отдельный этюд, никакой «повести», предваряемой им, видимо, вовсе и не было» [1].

Напомним прежде всего читателю наиболее важные места этого отрывка. «Несмотря на великие преимущества, — пишет Пушкин, — коими пользуются стихотворцы (признаться, кроме права ставить винительный вместо родительного падежа после частицы *не* и кой-каких еще так называемых стихотворческих вольностей

---

[1] См. С. Бонди. Новые страницы Пушкина. М., 1931, стр. 197 и 198.

мы никаких особенных преимуществ за стихотворцами не ведаем) — как бы то ни было, несмотря на всевозможные их преимущества, эти люди подвержены большим невыгодам и неприятностям»... «Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца — есть его звание, прозвище, коим он заклеймен и которое никогда его не покидает. — Публика смотрит на него, как на свою собственность, считает себя вправе требовать от него отчета в малейшем шаге. По ее мненью, он рожден для ее удовольствия и дышит для того только, чтоб подбирать рифмы. Требуют ли обстоятельства присутствия его в деревне — при возвращении его первый встречный спрашивает его: не привезли ли вы нам чего-нибудь нового? — Явится ль он в армию, чтоб взглянуть на друзей и родственников — публика требует непременно от него поэмы на последнюю победу, и газетчики сердятся, почему долго заставляет он себя ждать. Задумается ли он о расстроенных своих делах, о предположении семейственном, о болезни милого ему человека — тотчас уже пошлая улыбка сопровождает пошлое восклицание: верно изволите сочинять. — Влюбится ли он, — красавица его нарочно покупает себе альбом и ждет уже элегии. Приедет ли он к соседу поговорить о деле или просто для развлечения от трудов, — сосед кличет своего сынка и заставляет мальчишку читать стихи *такого-то,* и мальчишка самым жалостным голосом угощает стихотворца его же изуродованными стихами. А это еще называется торжеством. Каковы же должны быть невзгоды? Не знаю, но последние легче, кажется, переносить. По крайней мере один из моих приятелей, известный стихотворец, признавался, что сии приветствия, вопросы, альбомы и мальчишки до такой степени бесили его, что поминутно вынужден он был удерживаться от какой-нибудь грубости и твердить себе, что эти добрые люди не имели, вероятно, намерения вывести его из терпения...

Мой приятель был самый простой и обыкновенный человек, хотя и стихотворец. Когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), то он запирался в своей комнате и писал в постели с утра до позднего вечера, одевался наскоро, чтоб пообедать в

ресторации, выезжал часа на три, возвратившись, опять ложился в постелю и писал до петухов. Это продолжалось у него недели две, три, много месяц, и случалось единожды в год, всегда осенью. Приятель мой уверял меня, что он только тогда и знал истинное счастие...

...Мы распространились о нашем приятеле, — замечает Пушкин, — по двум причинам: во-первых, потому, что он есть единственный литератор, с которым удалось нам коротко познакомиться, — во-вторых — что повесть, предлагаемая ныне читателю, слышана нами от него»[1].

То обстоятельство, что поэт говорит в этом «Отрывке» будто бы не о себе, а о своем приятеле («единственном литераторе, — с юмором замечает Пушкин, — с которым удалось ему «коротко познакомиться»), ничуть не меняет, конечно, сущности дела. Перед нами отрывок автобиографической прозы Пушкина — в точном смысле этого слова. Пушкинское примечание о том, что отрывок этот «составлял, вероятно, предисловие к повести, не написанной *или* потерянной» (подчеркнуто нами. — *И. Ф.)*, призванное, как мы видели, только мотивировать возможность появления этого отрывка в печати, не превращает его в начало повести. И потому печатать его в разделе повестей и романов Пушкина нет оснований.

Мы не в праве, конечно, утверждать, что «Отрывок» этот был бы включен Пушкиным в Автобиографические записки в том именно виде, в каком он дошел до нас. Но перед нами, несомненно, важнейший отрывок автобиографической прозы поэта, посвященный всегда занимавшему его вопросу о положении поэта в обществе, его окружавшем. И потому многое высказанное Пушкиным в этом отрывке должно было войти — может быть, в несколько иной только форме — в Автобиографические записки поэта.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VI, стр. 585—589.

О НОВЫХ „ЗАПИСКАХ" ПУШКИНА

После сожжения «Записок» Пушкин решил возобновить свою погибшую Автобиографию и продолжить ее. В предисловии к новым «Запискам», датируемом началом 30-х годов, поэт кратко рассказал о судьбе и содержании своих погибших «Записок». Пушкин указывает далее, что, приступив к возобновлению своего автобиографического труда, он «избирает себя лицом, около которого постарается собрать другие» («более достойные замечания», — скромно поясняет он) [1]. «Скажу, — говорит он вслед за тем, — несколько слов о моем происхождении». Таким образом, в состав новых «Записок» должны были войти прежде всего портреты предков и современников поэта.

«Пушкин не отступал до самой смерти своей от намерения представить картину того мира, в котором жил и вращался», — писал Анненков [2]. «Через всю жизнь Пушкина... проходят настойчивые, непрекращающиеся попытки создания собственных мемуаров», — отмечает современный нам исследователь [3]. Но работа Пушкина над созданием новых «Записок» остается также неизученной.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 76.

[2] П. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 309.

[3] С. Гессен. Вступительная статья к сборнику «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников». Л., Государственное издательство художественной литературы, 1936, стр. 5.

Принято считать, что работа Пушкина над новыми «Записками» свелась к созданию одного только начального отрывка их, который посвящен рассказу о предках поэта. И потому начальный отрывок этот печатается в качестве единственного дошедшего до нас отрывка новых Автобиографических записок Пушкина. Но является ли он в самом деле единственным?

Подобное представление основано на предположении, в силу которого Пушкин приступил к возобновлению своих «Записок» только пять-семь лет спустя после сожжения своей первой «Биографии» и, начав свой труд заново, должен был писать все предназначавшиеся для него отрывки непременно подряд. Такое предположение, однако, является ни на чем не основанным.

Выясняя судьбу сожженных «Записок» Пушкина, мы имели возможность убедиться в том, что ряд скрывающихся под случайными заголовками в собрании сочинений поэта прозаических отрывков представляет собой не что иное, как уцелевшие отрывки его сожженных «Записок». Поэтому нас едва ли удивит утверждение, что такого рода отрывки могли сохраниться и от возобновленных Автобиографических записок Пушкина.

Работа Пушкина над подготовкой новых «Записок» началась уже во второй половине 20-х годов. Вместе с тем, вопреки распространенному представлению, работа эта не пресеклась после создания им в начале 30-х годов отрывка, который должен был стать началом его новой Автобиографии и посвящен изображению предков поэта.

Характерно, что даже и этот начальный отрывок возобновленных «Записок» в течение долгого времени печатался в собрании сочинений поэта не как начало его новой Автобиографии, а в качестве самостоятельного отрывка под названием «Родословная Пушкиных и Ганнибалов». И это, несмотря на то, что Пушкин в своем предисловии к возобновляемой «Биографии» достаточно ясно указал, что отрывок этот представляет собой вступительные страницы ее («скажу несколько слов о моем происхождении», — замечает Пушкин,

вслед за чем и должен идти написанный им отрывок о предках). Тем не менее отрывок этот только несколько лет назад стали, наконец, печатать как начало возобновленной Автобиографии, признав единственным дошедшим до нас отрывком ее.

В действительности, как мы уже говорили, Пушкин написал для своей новой «Биографии», помимо «Родословной», еще ряд отрывков. И несмотря на то, что эти написанные им отрывки вовсе не должны были следовать в его Автобиографии один за другим, некоторые из них представляют собой вполне законченные эпизоды или портреты современников и должны были найти себе место в «Записках» поэта, для которых предназначались: тексты этих пушкинских отрывков известны, но не осознано, что отрывки, о которых мы говорим, представляют собой дошедшие до нас страницы новых «Записок» поэта.

В «Записках» этих должны были быть отражены, так же как и в сожженных «Записках», не только события личной жизни поэта, но и пережитые им исторические события. Об этом свидетельствуют сохранившиеся программы его новой Автобиографии.

«Жизнь наша лицейская, — писал в своих воспоминаниях о Пушкине его друг, декабрист Пущин, — сливается с политическою эпохою народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812-го года». И добавляет: «эти события сильно отразились на нашем детстве»[1]. Вот об этом-то слиянии лицейской жизни поэта «с политическою эпохою народной жизни русской» и говорит сохранившаяся программа Автобиографических записок Пушкина. Пушкин написал в ней посредине листа «1812» (год), а перечисляя вслед за тем дальнейшие события своей лицейской жизни, отметил «Известие о взятии Парижа»[2].

Неверным, однако, является утверждение, будто Пушкин считал невозможным писать в своих мемуарах «о самом себе». («Он, — утверждает один из исследо-

---

[1] «Записки И. И. Пущина о Пушкине». СПб, 1907, стр. 22.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 75.

вателей, — никогда, будто бы «не шел этим путем», «во всех своих попытках создания мемуаров, ставя себе задачей «описание современных происшествий»[1]). В программе новой «Биографии» Пушкин ясно указал, что собирается писать не только о пережитых им исторических событиях. Мы читаем в этой программе: «Ранняя любовь»... «Мои неприятные воспоминания»... «Отношение к товарищам», «Мое тщеславие» и т. д. Таким образом, Пушкин собирался писать о пережитом, не исключая при этом из своих «Записок» воспоминаний детства. Надо лишь установить, как собирался писать — и писал — о себе Пушкин в своих «Записках».

«Писать свои Memoires (мемуары. — *И. Ф.)* заманчиво и приятно», — признавался Пушкин Вяземскому еще во время работы над первыми «Записками», в 1825 году. — «Но трудно», — добавлял он. «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? — говорит он в том же письме. — Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением», поясняя: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего»[2].

Ту же мысль, которой он придавал существенное значение, Пушкин выразил в так называемых «материалах к отрывкам из писем, мыслям и замечаниям», где, смягчив только резкость выражений, писал: «Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей, есть наше самолюбие: мы рады, ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками — даже слабостями и пороками. Вероятно, больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей, вовсе ничтожных, если б они оставляли нам свои признания»[3].

---

[1] С. Гессен. Вступительная статья к сборнику «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников». Л., Государственное издательство художественной литературы, 1936, стр. 8.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 190 и 191.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 65.

Наконец несколькими годами позже, в то время, когда Пушкин подготовлял материалы для новых Автобиографических записок, он вновь, обобщая, заметил: «После соблазнительных *Исповедей* философии XVIII века явились политические, не менее соблазнительные откровения. Мы не довольствовались видеть людей известных в колпаке и шлафроке, мы захотели последовать за ними в их спальню и далее»[1].

Пушкин резко возражал, как видим, против разжигаемого в то время европейской буржуазной печатью интереса к мемуарам, раскрывающим интимные стороны жизни великих людей. В своих собственных «Записках» поэт считал нужным писать о «лицах исторических» иначе, сознавая, конечно, что относится сам к их числу.

Пушкин заметил, что в царствование Александра I он имел на писателей больше влияния, чем правительство, несмотря на неизмеримое, казалось бы, неравенство средств, которыми поэт располагал по сравнению с самодержавной властью. А в своих предсмертных стихах пророчески сказал, что его нерукотворный памятник вознесся выше Александрийского столпа.

Все это определяло точку зрения Пушкина на события и на себя, точнее на историческое значение своей деятельности. Эта историческая точка зрения и должна была определять характер «Записок» поэта, не мешая ему говорить в них о событиях своей внутренней жизни.

Вспоминая в предисловии к возобновляемой Автобиографии о своих сожженных «Записках», Пушкин заметил: «Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства»[2]. При этом он с необыкновенной смелостью указывал, что декабристы (казненные или нахо-

---

[1] Там же, стр. 104.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 76.

дившиеся в Сибири) должны были вновь явиться в его возобновляемых «Записках». Он обещал только быть «осмотрительнее» в своих «показаниях». И, смело признавая, что память участников 14 декабря окружает теперь «некоторая торжественность», которая, пояснял он, «вероятно будет действовать на мой слог и образ мыслей», обещал сохранить необходимое для биографа и историка своего времени критическое отношение к отошедшим в историю деятелям 14 декабря.

В своем «Путешествии из Петербурга в Москву», так хорошо знакомом Пушкину, Радищев писал о судьбе сожженных по приговору цензуры сочинений, вспоминая примеры древности (и предчувствуя, вероятно, участь своей книги): «Кассий Север, друг Лабиения, видя писания его в огне, сказал: «теперь *меня* сжечь надлежит: ибо я их наизусть знаю» [1]. Пушкин помнил, конечно, все, о чем писал в своих сожженных «Записках». В своих новых «Записках» он вновь собирался писать о декабристах. Но его новая «Биография» не должна была стать, конечно, простым возобновлением сожженных им в конце 1825 года «Записок».

Собираясь «воскресить, — по словам Анненкова, — собственные свои «Записки», некогда им истребленные» и «провести под покровом романа собственные свои воспоминания и суждения о том времени», Пушкин задумал в 30-е годы написать роман «Русский Пелам» [2]. В составленных им планах этого произведения, перечисляя героев его, Пушкин назвал не только Грибоедова, но и декабристов: Илью Долгорукого, Сергея Трубецкого и Никиту Муравьева (которых именует здесь «Обществом *умных»)* [3]. Имена декабристов перечислены им при этом под рубрикой *«Характеры»*.

В пушкинском романе в стихах, как видно из до-

---

[1] А. Н. Радищев. Избранные сочинения. М.—Л., Гослитиздат, 1949, стр. 185.

[2] «П. В. Анненков и его друзья». СПб., 1892, стр. 457.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. VIII, ч. 2, стр. 974.

шедших до нас отрывков десятой главы «Онегина», декабристы также должны были явиться не только как «лица исторические»: в зашифрованных поэтом строках «Онегина» лаконично, с пушкинской меткостью, даны характеры изображаемых декабристов. Перед нами определенный Пушкиным одной чертой «меланхолический» Якушкин, «беспокойный» (в другом, сохраненном в записи современника варианте — «вдохновенный») Никита Муравьев, «осторожный» Илья Долгорукий, «дерзкий», предлагающий «свои решительные меры» Лунин и человек одной, всепоглощающей идеи Николай Тургенев («Одну Россию в мире видя. . .» — сказано о нем в стихах Пушкина). О Юшневском поэт говорит в той же десятой главе «Онегина», называя его «холоднокровным генералом», и характеристика эта как бы подчеркивает, что заговор декабристов не был только делом горячих голов и увлекающихся юношей.

Можно отметить, что и Александр I является перед нами в десятой главе «Онегина» не только как исторический деятель, но и как раскрываемый сатирически характер («Властитель слабый и лукавый, — Плешивый щеголь, враг труда. . .»)

В стихах своей «славной хроники» — как назвал Вяземский десятую главу «Онегина» — Пушкин изобразил себя среди декабристов; с именем Якушкина (который, по словам поэта, «Казалось, молча обнажал — Цареубийственный кинжал») Пушкин — автор «Кинжала» — смело срифмовал в десятой главе «Онегина» свое имя — в годы, когда Якушкин давно был уже каторжанином.

В возобновленных Автобиографических записках (а не только в романе, будь то роман в прозе или роман в стихах) декабристы должны были также быть изображены, повидимому, не только как исторические деятели, но и как характеры. Так именно изображены поэтом в новых «Записках» исторические лица, портреты которых он успел написать. Так изображены Пушкиным в этих «Записках» и лица, ничем себя в истории не ознаменовавшие, портреты которых, тем не менее, также должны были войти в состав его «Записок».

Белинский назвал пушкинский роман в стихах не только «энциклопедией русской жизни»[1], но и «поэмой *исторической* в полном смысле слова, хотя в числе её героев нет ни одного исторического лица»[2]. Великий критик не знал, что в зашифрованной Пушкиным главе «Онегина» появлялись «лица исторические», т. е. декабристы и император Александр.

Белинский указывал при этом на «множество вставочных портретов и силуэтов, вошедших в... поэму и довершающих собою, по его словам, — картину русского общества высшего и среднего»[3].

В возобновляемых Автобиографических записках Пушкина должны были явиться на сцену не только «лица исторические» — декабристы и цари, не только прославленные писатели, но, так же как в «Онегине», и лица, совсем не исторические, без которых, однако, картина времени не могла быть воссоздана на взгляд Пушкина с достаточной полнотой.

Противопоставляя декабристов основной дворянской массе, В. И. Ленин, используя образы Герцена, писал, что из нее вышли не только «Бироны и Аракчеевы» и «бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников» да прекраснодушных Маниловых»[4]. Но таково было в массе современное Пушкину дворянство, и поэт ставил перед собой задачу нарисовать на страницах своих Автобиографических записок портреты запомнившихся ему наиболее выразительных представителей этого дворянства.

В Петре I Пушкин сумел разглядеть в эти годы не только великого человека, но и *«нетерпеливого* само-

---

[1] В. Г. Белинский. Собрание сочинений в 3 томах. Т. III М., Государственное издательство художественной литературы, 1948, стр. 566.

[2] Там же, стр. 496.

[3] Там же, стр. 565.

[4] В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 9. Слова, поставленные Лениным в кавычки, взяты им из статьи Герцена «Концы и начала» (А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XV. П., 1920, стр. 280).

властного помещика»[1]. А в знакомом ему псковском помещике — род маленького царя — тирана. В своем «Путешествии из Москвы в Петербург» (написанном в те же годы, когда Пушкин работал над «Историей Петра» и над своими новыми «Записками») поэт говорит: «Помещик, описанный Радищевым, привел мне на память другого, бывшего мне знакомого лет 15 тому назад. Молодой мой образ мыслей и пылкость тогдашних чувствований отвратили меня от него и помешали мне изучить один из самых замечательных характеров, которые удалось мне встретить. Этот помещик был род маленького Людовика XI. Он был тиран, но тиран по системе и по убеждению — с целию, к которой двигался он с силою души необыкновенной и с презрением к человечеству, которого не думал и скрывать. Сделавшись помещиком двух тысяч душ, он нашел своих крестьян, как говорится, избалованными слабым и беспечным своим предшественником. Первым старанием его было общее и совершенное разорение. Он немедленно приступил к совершению своего предположения и в три года привел крестьян в жестокое положение. Крестьянин не имел никакой собственности — он пахал барскою сохою, запряженной барскою клячею, скот его был весь продан, он садился за спартанскую трапезу на барском дворе; дома не имел он ни штей, ни хлеба. Одежда, обувь выдавалась ему от господина, — словом, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помещика. — Как бы вы думали? Мучитель имел виды филантропические. Приучив своих крестьян к нужде, терпению и труду, он думал постепенно их обогатить, возвратить им собственность, даровать им права! — Судьба не позволила ему исполнить его предначертания. Он был убит своими крестьянами во время пожара»[2].

Написав этот незабываемый портрет, Пушкин сожалеет, что «молодой образ мыслей» и «пылкость чув-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. IX, стр. 413.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 305.

ствований», отвратив его от описанного им теперь помещика, помешали ему «изучить один из самых замечательных характеров» (разрядка моя. — *И. Ф.*). Как видим, в годы создания новых «Записок» Пушкин сознательно стремился к изучению и раскрытию характеров, взятых как характеры социальные.

В высшей степени замечательно, что, рисуя в начале новой Автобиографии исторические портреты своих предков, Пушкин изображает не только героические черты, прославившие Пушкиных и Ганнибалов, но и создает чрезвычайно острые социальные портреты своих дедов. Изображая своего деда с отцовской стороны — Льва Александровича Пушкина, поэт говорит:

«Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе» и т. д. [1]

Пушкин, верно отметил Д. Благой, «с удивительным бесстрашием... рассказывает о самых потаенных чертах и поступках своих предков-крепостников» [2]. Гордясь славой своих предков, заслуживающих название лиц исторических, Пушкин правдиво писал о тех представителях своего рода, которые оставили о себе иную память.

Но созданные Пушкиным портреты декабристов не сохранились, так как восстановить сожженные портреты их Пушкин не успел. А портреты других современников, предназначавшиеся для «Записок» поэта, оказались разобщенными. Некоторые из них сохранились в бумагах поэта, но остаются неопознанными. Другие оказались вытесненными из «Записок» Пушкина, поскольку надежды на скорое опубликование их у поэта не было и, в связи с этим, он стремился опубликовать тем или иным способом написанные им для новых «Записок» отрывки, включая их в состав других

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 77.

[2] Д. Благой. «Проблемы построения научной биографии Пушкина». «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 246.

своих произведений. При этом Пушкин мог — и должен был по необходимости — вносить в них некоторые изменения.

Говоря о повести «Кирджали», Бартенев в свое время отметил, что «набросанное Пушкиным описание дела под Скулянами имеет все достоинства подлинной исторической записки» [1]. Содержащаяся в этой повести характеристика Александра Ипсиланти, заметил позднее один из исследователей, находилась, может быть, «в недошедших до нас листах «Кишиневского дневника» [2]. Но поскольку в дошедшей до нас программе новых «Записок» Пушкина мы читаем «Ипсиланти... Греческая революция» [3], а страницы, посвященные Пушкиным Александру Ипсиланти в повести «Кирджали» мало похожи на дневниковую запись, но очень похожи на страницы «Записок» поэта, мы едва ли ошибемся, придя к выводу, что характеристика Ипсиланти и описание сражения под Скулянами (имеющие, по словам Бартенева, «все достоинства подлинной исторической записки») являются страницами, предназначавшимися для «Записок» Пушкина и включенными поэтом в повесть «Кирджали».

Таким же предназначавшимся для «Записок» портретом является изображение Ермолова (дошедшее до нас в составе отрывков из «Путевых записок», которые Пушкин вел в 1829 году). Отрывок о Ермолове включается редакторами в «Путешествие в Арзрум», написанное в 1835 году. Но портрет Ермолова, так резко очерченный поэтом в его «Путевых записках» 1829 года (и, как верно отметил в другой связи С. Бонди, писавшийся Пушкиным, конечно, не для печати) [4], должен был, конечно, найти себе место в Автобиографических записках Пушкина: встреча с Ермоловым являлась

---

[1] П. Бартенев. Пушкин в Южной России. М., 1914, стр. 86.

[2] В. Селинов. Пушкин и греческое восстание. Сб. «Пушкин», статьи и материалы под ред. М. П. Алексеева, вып. II, Одесса, 1926, стр. 9.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 75.

[4] См. С. Бонди. Новые страницы Пушкина. М., 1931, стр. 141.

не только эпизодом пушкинского путешествия в Арзрум, но и важной для поэта встречей с историческим лицом («я... сделал, — пишет он, — 200 верст лишних; зато увидел Ермолова»)[1].

Точно так же, как встреча с Ермоловым, в новой «Биографии» Пушкина должна была быть изображена, конечно, и последняя встреча поэта с Грибоедовым. Описание встречи с гробом Грибоедова и следующая за этим описанием гениальная характеристика-портрет Грибоедова включены были Пушкиным в написанное через несколько лет после этой встречи «Путешествие в Арзрум»: Грибоедов погиб, и смерть его побуждала Пушкина включить в состав публикуемого произведения страницы, которые должны были, несомненно, войти — в несколько, может быть, только измененном виде — в Автобиографические записки Пушкина.

Помимо портрета Ермолова, включенного редакторами в «Путешествие в Арзрум», и портрета Грибоедова, включенного в него самим Пушкиным, в бумагах поэта сохранились отрывки, приготовленные им для Автобиографических записок и только по недоразумению к ним не относимые.

В составе рукописного наследства поэта после смерти его обнаружена была пачка написанных в разное время листков, собранных им самим в общую обложку, на которой Пушкин написал «Table talk» (т. е. «Застольные рассказы»). В пачке этой собраны листки самого различного вида и содержания. «В бумагах Пушкина листки» эти «расположены в совершенном беспорядке», — отмечают исследователи[2]. Большая часть этих листков занята историческими анекдотами, записанными Пушкиным. Но в той же пачке лежит и знаменитый рассказ поэта о встрече с Державиным. Рассказ этот так явно отличается по своему характеру от исторических анекдотов, среди которых он лежит в пушкинской пачке (и вместе с которыми

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VI, стр. 641.

[2] См. А. С. Пушкин. Сочинения. Ред. Б. Томашевского. Л., Государственное издательство художественной литературы, 1937, стр. 949.

обыкновенно печатается), что некоторые редакторы сочинений поэта перемещают его в раздел автобиографической прозы Пушкина, не замечая, однако, что страницы эти представляют собой не что иное, как отрывок из «Записок» поэта [1]. Рассказ этот, как уже почти сто лет назад показал Анненков, представляет собой отрывок возобновленной Автобиографии Пушкина [2].

Определить действительный характер отрывка, о котором мы говорим, важно еще и потому, что выполнение этой задачи помогает нам обнаружить в пачке «Table talk» не один, а целых четыре отрывка, относящихся к «Запискам» поэта. Так же, как и отрывок, посвященный Державину, все они нашли в пушкинской пачке только первое, временное пристанище: мы говорим об отрывках, посвященных Пушкиным изображению Будри, Александра Давыдова и Дурова.

Исторические анекдоты, составляющие большую часть пачки «Table talk», записанные Пушкиным с чужих слов, передают, как это свойственно такого рода анекдотам, только отдельные характерные черты тех или иных исторических лиц, либо отдельные характерные черты прошлого. Отрывки же, посвященные Пушкиным изображению Державина, Будри, Александра Давыдова и Дурова, представляют собой, в отличие от исторических анекдотов (с которыми они смешаны в пушкинской пачке), законченные, цельные портреты, написанные Пушкиным, как он сам подчеркивает, на основании личных впечатлений и воспоминаний.

Вполне естественно поэтому, что в первом научно изданном собрании сочинений Пушкина, встретившем такую высокую оценку со стороны Чернышевского и Добролюбова, отрывки, о которых мы говорим, были

[1] В раздел автобиографической прозы помещает отрывок, посвященный Пушкпным Державину, Малое академическое издание сочинений поэта (следуя в этом отношении дореволюционному изданию под редакцией П. О. Морозова). Большое академическое издание не делает, к сожалению, даже и этого, печатая отрывок о Державине среди анекдотов, включенных в «Table talk».

[2] П. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина СПб, 1855, стр. 20—21.

напечатаны Анненковым в качестве «Остатков записок (автобиографии) Пушкина» [1]. Не мог напечатать он из числа этих отрывков только отрывок, посвященный Будри — брату Марата, так как в 1855 году сделать это по цензурным условиям было невозможно. Но уже четыре года спустя после смерти Николая I отрывок этот появился в «Библиографических записках». Там же напечатан был в более полном виде и рассказ о Дурове, причем опубликовавший его Е. И. Якушкин так же признал его относящимся «к запискам Пушкина тридцатых годов» [2].

Следует отметить, что Анненков ввел в число «остатков настоящих записок (автобиографии) Пушкина» и отрывки из кишиневского дневника поэта. Таким образом, он не отделял отрывки Автобиографических записок (Автобиографии) Пушкина от отрывков «Ежедневных записок» поэта. Но в целом первые редакторы Пушкина верней, чем последующие исследователи, судили о характере тех страниц пушкинской прозы, которые они с полным основанием признавали уцелевшими отрывками возобновленных «Записок» поэта.

В наше время задача состоит не в том, конечно, чтобы попросту вернуться к высказанному век назад. Мы имеем ныне возможность составить гораздо более полное представление о судьбе и содержании «Записок» великого поэта. Но не следует забывать об указаниях современников и первых исследователей Пушкина: нужно вспомнить о них и внимательно отделить содержащиеся в этих свидетельствах верные указания от неверных.

Кроме портретных отрывков, о которых мы сейчас говорили, печатающихся обычно в составе пушкинской пачки «Застольных рассказов» («Table talk»), к «Запискам» поэта относятся страницы, посвященные Пушкиным воспоминаниям о холерном годе. Этот замечательный отрывок печатается почему-то под видом

[1] См. А. С. Пушкин. Сочинения. Т. V, СПб., 1855, стр. 7 и след.

[2] См. «Библиографические записки», 1859, № 5, стр. 133.

«Записи» или «Заметки о холере»[1]. (Разрядка моя. — *И. Ф.)* Объяснить сказанное можно, повидимому, только слепой уверенностью в том, что от новых «Записок» Пушкина ничего, кроме начального отрывка, не дошло и не могло дойти до нас. Следует заметить, что отрывок о холерном годе относится к «Запискам» поэта столь явно, что уже Бартенев, один из первых биографов Пушкина, упоминал об этом, как о чем-то само собой разумеющемся[2].

Обнаружить уцелевшие отрывки новых «Записок» поэта помогают нам не только указания первых редакторов Пушкина, но прежде всего, конечно, изучение этих отрывков вместе с изучением замысла Пушкина.

Разобщенные отрывки новых «Записок» поэта, как и разобщенные отрывки сожженных «Записок» его, выделяются, как мы говорили, на не свойственных им местах, занимаемых ими нередко, в сплу случайных обстоятельств, в различных томах сочинений Пушкина. Когда же мы устанавливаем связь этих отрывков с «Записками» поэта, обнаруживается, как уже сказано, не только внутреннее, но и стилевое единство их. Поэтому историко-литературное и литературно-критическое изучение этих отрывков пушкинской прозы является для нас отнюдь не менее важным, нежели изучение судьбы автобиографических записок поэта.

Если мы хотим обнаружить в литературном наследстве Пушкина уцелевшие отрывки, относящиеся к его новым «Запискам», мы должны (так же, как это было сделано нами при изучении вопроса о первых, сожженных «Записках») учесть особенность судьбы и истории создания этого труда. Портреты современников должны были, конечно, найти себе место прежде всего в «Записках» Пушкина. Но и те портреты, которые вошли в состав других произведений его, помогают нам создать себе представление о характере «Записок» поэта и вместе с тем о мастерстве Пушкина-портретиста.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XII, стр. 308—310.

[2] См. П. Бартенев. Пушкин на юге России. М., 1914, стр. 136.

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВ

ДЕРЖАВИН

Отрывок, посвященный встрече с Державиным, принадлежит бесспорно к лучшим страницам автобиографической прозы Пушкина (хотя редакторы и именуют их «записью») [1]. Воссоздавая этот незабываемый эпизод своей биографии, Пушкин создал полную глубокого лиризма сцену, в которой является перед нами он сам и с ним «старик Державин».

«Державин был очень стар, — читаем мы в этом уцелевшем отрывке «Записок» Пушкина. — Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою».

Приближая к нам лицо старого поэта — и рассматривая вблизи — Пушкин с необычайной резкостью показывает дряхлость Державина: «Лицо его было бессмысленно, — пишет он, — глаза мутны, губы отвислы». И добавляет: «портрет его (где представлен он в колпаке и в халате) очень похож».

Ссылаясь на всем в то время известный старческий портрет прославленного поэта, Пушкин, как может показаться сначала, «цитирует» этот портрет, избавляя

[1] См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XII, стр. 450 и А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 521.

этим себя от необходимости подробно описывать на страницах своих «Записок» внешность Державина. Но это только так кажется сначала. Ссылка на известный портрет и необычно резкое изображение черт дряхлости Державина служат Пушкину только средством, помогающим раскрыть вслед за тем образ старого поэта, образ более сложный (потому что противоречивый), нежели портрет, на котором живописец передал лишь одну из сторон этого образа, представив Державина всего только дряхлым стариком.

Напомнив читателям об этом портрете и подчеркнув, что портрет этот очень похож на Державина, каким показался он лицеистам в начале экзамена, Пушкин сразу же (и как будто неожиданно) вслед за тем пишет: «Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали» (между тем, как до того «лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы»). «Он преобразился весь», — пишет Пушкин. И поясняет: «Разумеется читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной».

Дело, оказывается, вовсе не в одной только старости Державина, так поразившей сначала юного поэта. «Ты бог — ты червь, ты свет — ты ночь», — сказал он о Державине в поэме «Тень Фонвизина» (написанной им в самый год лицейского экзамена), варьируя прославленный державинский стих: «Я царь, — я раб, — я червь, — я бог!» В минуты поэтического восторга Державин «преображался весь». И вот эти минуты наступили.

«Наконец вызвали меня, — говорит Пушкин. — Я прочел мои «Воспоминания в Царском селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом...»

«Не помню, как я кончил свое чтение, — продолжает Пушкин после выразительной паузы, — не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он

меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...»[1]

Как видим, в «Записках» Пушкина портрет Державина дан не статически. Сцена написана пером прозаика, являющегося вместе с тем лирическим поэтом и драматургом. Перед нами жизненная, полная драматического движения сцена, в которой раскрываются образы действующих лиц. Все способствует здесь глубокому раскрытию этих образов. Этой цели служит и вводная комическая сцена, где перед нами является любимый лицейский товарищ Пушкина Дельвиг — юный поэт и восторженный почитатель Державина.

«Как узнали мы, что Державин будет к нам, — вспоминает Пушкин, — все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дождаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад».

Надо вспомнить, с каким восторгом читалась тогда эта величественная, великолепная ода, многие строфы которой производят сильное впечатление и в наше время. («Не зрим ли каждый день гробов — Седин дряхлеющей вселенной?..» Эти патетические строки Державина Пушкин ввел впоследствии в качестве эпиграфа в свою повесть о гробовщике).

И вот, — продолжает Пушкин, вспоминая минуты, предшествовавшие началу лицейского экзамена, — «Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: где, братец, здесь нужник? Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение» (поцеловать руку Державина) «и возвратился в залу». («Дельвиг, — добавляет Пушкин, — это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостию».)

Пушкин не побоялся, как видим, вспомнить об этой прозаической подробности в своем рассказе о дне, столь для него памятном и важном. Не побоялся потому, что под его пером хороши все средства, если они могут полнее, верней представить не только самого Державина, но и юного Дельвига, который так пора-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 65—66.

жен был обращением Державина к швейцару. Ибо этой чертой характеризуется в рассказе Пушкина собственно не Державин, а Дельвиг.

И, несмотря на то, что Пушкин не избегает в своем рассказе подробностей самых прозаических, несмотря на то, что он не боится показать крупно, первым планом лицо Державина в минуты безразличия и старческой апатии, перед нами оживает Державин, поэт с головы до ног. Средствами прозы Пушкин рассказал нам в своих «Записках» об этом дне своей жизни («Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не позабуду. . .») полнее и едва ли не выразительней, чем в стихах, идущих в рукописи «Онегина» вслед за словами:

О торжество невинных дней!
Твой сладок сон душе моей.

БУДРИ — БРАТ МАРАТА

В той же пушкинской пачке («Table talk»), кроме отрывка Автобиографических записок поэта, посвященного Державину, лежит отрывок, посвященный другому яркому лицейскому воспоминанию Пушкина, отрывок, относящийся также к «Запискам» поэта. В этом нетрудно убедиться, прочитав его. Речь идет о строках, посвященных Пушкиным Будри.

Будри — «брат знаменитого Марата, очень на него похожий лицом» — «с соизволения Екатерины II переменил фамилию, страшную в летописях истории», — пишет со слов Нащокина Бартенев, передавая запомнившиеся Нащокину рассказы Пушкина [1]. Он в течение десяти лет был профессором французской словесности в Царскосельском лицее.

Неудивительно, что Будри так запомнился поэту. «Он очень уважал память своего брата, — пишет Пушкин, — и однажды в классе, говоря о Робеспиере, сказал нам как ни в чем не бывало: «Это он тайно воздей-

[1] «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым». Ред. М. Цявловского. 1925, стр. 26.

ствовал на Шарлотту Кордэ (заколовшую Марата кинжалом. — *И. Ф.)* и сделал из этой девушки второго Равальяка» [1]. Равальяк был убийцей Генриха IV, но имя его стало в устах декабристов нарицательным: «Равальяки родятся веками», — сказал во время следствия Александр Бестужев. А Вильгельм Кюхельбекер признал, что горькая необходимость принудила его взять на себя «ролю Равальяка» [2].

«Будри рассказывал, — продолжает Пушкин, — что брат его был необыкновенно силен, несмотря на свою худощавость и малый рост. Он рассказывал также многое о его добродушии, любви к родственникам, etc, etc. В молодости его, чтоб отвадить брата от развратных женщин, Марат повел его в гошпиталь, где показал ему ужасы венерической болезни».

Таким образом, через Будри Марат приближен к нам Пушкиным, который запомнил рассказы о нем, слышанные от брата его, и описал этого, похожего на него — и вместе с тем непохожего — брата, с такой свободой рассказывающего о Марате, — и где же? — в Царскосельском лицее, бок о бок с дворцом.

Марат является перед нами на страницах «Записок» поэта. И Пушкин — в отличие от того, что он писал о нем в стихотворении «Андрей Шенье» — не говорит о нем как о чудовище (это Бартенев называет имя Марата «страшным в летописях истории»). Пушкин вспоминает в своих «Записках», что Будри рассказывал многое о добродушии Марата и о его любви к близким, между тем как едва ли не для всех других русских писателей того времени Марат и добродушие — «две вещи несовместные».

Немногими чертами Пушкин выразительно рисует и самого Будри. Приведя смелый рассказ последнего о Робеспьере, толкнувшем (по словам Будри) Шарлотту Кордэ на убийство Марата, Пушкин пишет: «Впрочем

---

[1] У Пушкина эта фраза Будри приведена по-французски. См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 104 и 564.

[2] См. М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., Государственное издательство художественной литературы, 1947, стр. 378.

Будри, несмотря на свое родство, демократические мысли, замасленный жилет и вообще наружность, напоминавшую якобинца, был на своих коротеньких ножках очень ловкий придворный».

И если нельзя утверждать, что отрывок, посвященный Будри, вошел бы в «Записки» Пушкина без всяких изменений, то мы можем, не боясь ошибиться, считать его страницей, предназначенной для этих «Записок», хотя, может быть, и подлежавшей еще некоторой обработке или отделке.

„ФАЛЬСТАФ II"

В так называемой второй, также относящейся к тридцатым годам, программе «Записок», намечен был рассказ о Каменке, которая была в период пребывания Пушкина на юге важнейшим местом встреч для участников Тайного общества. Говоря о своем пребывании в Каменке, поместье братьев Давыдовых — Василия Львовича, возглавившего затем Каменскую управу Южного общества и его брата Александра — Пушкин в конце 1820 года писал из Каменки: «Общество наше... разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России...» [1] В следующем году он обратился к В. Л. Давыдову с посланием, в конце которого сказал: «Ужель надежды луч исчез? — Но нет! — мы счастьем насладимся...» — и выражал надежду на скорую революцию в России.

Нет сомнения, что, воссоздавая существовавший уже, вероятно, ранее в сожженных «Записках» рассказ о Каменке, Пушкин должен был воссоздать образы встречавшихся там декабристов и прежде всего образ Василия Львовича Давыдова, которого побывавший в Каменке Якушкин называет в своих «Записках» «ревностным членом тайного общества» [2].

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 20.

[2] И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма. Издание Академии наук СССР, 1951, стр. 40.

«Все вечера мы проводили на половине у Василия Львовича, — вспоминает Якушкин, — и вечерние беседы наши для всех для нас были очень занимательны. Раевский, не принадлежа сам к Тайному обществу, но подозревая его существование, — поясняет Якушкин, — смотрел с напряженным любопытством на все происходящее вокруг него» [1]. С таким же напряженным любопытством смотрел на все происходящее и находившийся в то время в Каменке Пушкин.

В своих «Записках» Якушкин передает сцену, теперь широко известную, во время которой «Пушкин с жаром доказывал всю пользу, которую могло бы принести Тайное общество России». Но так как обсуждение предпринято было действительными участниками Тайного общества лишь с целью доказать непосвященным, что такого общества не существует, Якушкин превратил весь разговор в шутку: «Разумеется, все это только одна шутка», — сказал он Раевскому, заявившему тут же о своем желании присоединиться к Тайному обществу.

Все рассмеялись, пишет Якушкин, «кроме Александра Львовича, рогоносца величавого, который дремал, и Пушкина, который был очень взволнован». «Я никогда не был так несчастлив, как теперь, — сказал тогда Пушкин, — я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка». «В эту минуту он был точно прекрасен», — вспоминает Якушкин [2].

В числе участников этой запомнившейся Пушкину сцены был, как видим, брат декабриста Василия Львовича Давыдова — Александр Львович. Якушкин называет его «рогоносцем величавым» (как назвал его Пушкин в «Онегине»), не забывая отметить, что даже во время изображенной только что и так взволновавшей Пушкина сцены Александр Львович Давыдов «дремал». Комически-контрастная всему происходившему тогда в Каменке, характерная фигура его запомнилась

---

[1] И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма. Издание Академии наук СССР, 1951, стр. 42.

[2] Там же, стр. 42—43.

Якушкину навсегда. Запомнилась она не только ему, но и Пушкину.

В той же пачке «Table talk», где лежат относящиеся к «Запискам» Пушкина страницы, посвященные Державину и Будри, сохранился написанный Пушкиным сатирический портрет Александра Львовича Давыдова, также относящийся, как можно убедиться, к «Запискам» поэта.

Портреты декабристов, созданные Пушкиным, не дошли до нас, и это, мешая нам понять замысел Пушкина, препятствует пониманию того, что портреты братьев этих героев — и не только братьев по классу, но попросту родных братьев их — представляют собой также страницы, которые должны были войти в состав «Записок» поэта. Важнейшей задачей для Пушкина в период работы над новыми «Записками», как мы уже говорили, было создание характеров. И предназначавшиеся для этих «Записок» страницы, воссоздающие образ Александра Львовича Давыдова, начинаются по-пушкински глубоким анализом принципов, положенных Шекспиром и Мольером в основу изображения созданных ими характеров.

«Лица, созданные Шекспиром, — говорит здесь Пушкин, — не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков».

«Разбирая характер Фальстафа», Пушкин вслед за тем пишет:

«В молодости моей случай сблизил меня с человеком, в коем природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное создание. *** (Александр Львович Давыдов — Пушкин заменяет здесь его имя тремя звездочками. — *И. Ф.)* был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Он был женат. Шекспир не успел женить своего холостяка. Фальстаф умер у своих приятельниц, не успев быть ни рогатым супругом, ни отцом семейства; сколько сцен, потерянных для кисти Шекспира!

Вот черта, — продолжает Пушкин, — из домашней

жизни моего почтенного друга. Четырехлетний сынок его, вылитый отец, маленький Фальстаф III, однажды в его отсутствие повторял про себя: «Какой папенька хлаблий! как папеньку государь любит!» Мальчика подслушали и кликнули: «Кто тебе это сказывал, Володя? — Папенька, — отвечал Володя» [1].

Перед нами вместо героя декабриста — брат героя, которого Пушкин назвал в стихах величавых рогоносцем, а в прозе — вторым Фальстафом.

Сатирически рисуя в дошедшем до нас отрывке сожженных «Записок» портрет Екатерины II, Пушкин назвал ее «Тартюфом в юбке и в короне», сравнив ее неожиданным образом с лицом, созданным Мольером. Своего нового Фальстафа — Александра Львовича Давыдова — Пушкин сатирически сравнивает с шекспировским Фальстафом. Ссылка на прославленный литературный образ играет в данном случае у Пушкина роль, схожую отчасти со ссылкой его на известные всем портреты Державина и Ермолова: вспоминая их, Пушкин не повторял их, а, отталкиваясь от них, создавал на страницах своих «Записок» новые образы.

Можно заметить, что и в первых, сожженных «Записках» Пушкин не просто характеризует Екатерину II, называя ее «Тартюфом в юбке и в короне». Тартюф в юбке (а не в порфире) и при том в короне — образ разительный. Точно так же, не ограничиваясь тем, что он называет Александра Львовича Давыдова «вторым Фальстафом», Пушкин говорит, что «четырехлетний сынок его, вылитый отец» был «маленький Фальстаф третий». Сатирическая характеристика «нового Фальстафа» — Давыдова этим новым, комически варьированным повторением образа обостряется. То-есть литературное сравнение, как и ссылка на известные портреты героев, заново воссоздаваемых Пушкиным, служит Пушкину средством неожиданно — в данном случае сатирически — раскрыть действительный характер изображаемого лица.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 516—517.

ДУРОВ

К числу острых социальных портретов, созданных Пушкиным, относится портрет Дурова, несомненно подготовленный Пушкиным для своих «Записок» и лежащий в той же пачке «Table talk», где лежат портреты Державина, Будри и «второго Фальстафа» — Александра Давыдова. Перед нами снова брат героя (точней героини), гениально изображенный Пушкиным.

«Дуров — брат той Дуровой, которая в 1807 году вошла в военную службу, заслужила георгиевский крест и теперь издает свои записки». Так начинает Пушкин свой рассказ о Дурове, поясняя: «Брат в своем роде не уступает в странности сестре» [1].

«Милостивый государь, Василий Андреевич, — писал Дурову Пушкин 16 июня 1835 года. — Искренне обрадовался я, получа письмо Ваше, напомнившее мне старое, любезное знакомство» [2]. Чему же — и притом так искренне — обрадовался Пушкин, получив письмо Дурова?

«Я познакомился с ним на Кавказе, в 1829 г., возвращаясь из Арзрума, — вспоминает Пушкин в своем рассказе, написанном через четыре месяца после получения им от Дурова письма, напомнившего поэту «старое любезное знакомство». — Он лечился от какой-то удивительной болезни, вроде каталепсии, — пишет Пушкин, — и играл с утра до ночи в карты. Наконец он проигрался и я довез его до Москвы в моей коляске».

«Старое любезное знакомство» с Дуровым, встреченным Пушкиным на возвратном пути из Арзрума, протекало в действительности не во всем так, как вспоминает в своем, написанном шесть лет спустя, рассказе Пушкин. Михаил Иванович Пущин (брат ближайшего друга поэта — Ивана Ивановича Пущина) говорит о знакомстве Пушкина с Дуровым, состоявшемся в Кисловодске, иначе.

---

[1] А. С. Пушкин. Полнсе собрание сочинений в 10 томах Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 109.

[2] Там же, т. X, стр. 536.

«Тут явилась, — сообщает он, — замечательная личность, которая очень была привлекательна для Пушкина: Сарапульский городничий Дуров...

Цинизм Дурова восхищал и удивлял Пушкина; забота его была постоянная заставлять Дурова что-нибудь рассказывать из своих приключений, которые заставляли Пушкина хохотать от души; с утра он отыскивал Дурова и поздно вечером расставался с ним.

Приближалось время отъезда; он условился с ним ехать до Москвы; но ни у того, ни у другого не было денег на дорогу. Я снабдил ими Пушкина на путевые издержки; Дуров приютился к нему. Из Новочеркасска Пушкин мне писал, что Дуров оказался chevalier d'industrie (шулером. — *И. Ф.);* выиграл у него пять тысяч рублей, которые Пушкин достал у наказного атамана, и, заплативши Дурову, в Новочеркасске с ним разъехался, поскакал один в Москву и, вероятно, с Дуровым никогда более не встретится» [1].

Дуров с его рассказами, «восхищавший» и «удивлявший» Пушкина своим «цинизмом», оказался, как характерный тип, так интересен Пушкину, что поэт в самом деле обрадовался, вспомнив о нем, и готов был даже простить ему, что тот, не совсем чисто играя в карты, обыграл его шесть лет назад.

«Дуров, — рассказывает Пушкин, — помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Всевозможные способы достать их были им придуманы и передуманы. Иногда ночью в дороге он будил меня вопросом: «Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?» Однажды сказал я ему, что на его месте, если уж сто тысяч были необходимы для его спокойствия и благополучия, то я бы их украл. «Я об этом думал», — отвечал мне Дуров. — Ну что ж? — «Мудрено; не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а зарезать или обокрасть человека за безделицу не хочу: у меня есть совесть». — Ну, так украдьте полковую казну. — «Я об этом думал». — Что же? — «Это можно

[1] М. И. Пущин, «Встреча с А. С. Пушкиным за Кавказом». «Русский вестник», 1893, сентябрь, стр. 166.

бы сделать летом, когда полк в лагере, а фура с казною стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а там на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачет без лошадей, вероятно испугается и не будет знать что делать... Но тут много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?» — Просите денег у государя. — «Я об этом думал». — Что же? — «Я даже и просил»... — Вы бы обратились к Ротшильду. — «Я об этом думал» и т. д.

Последний прожект его, — был выманить эти деньги у англичан». Изложив этот «прожект», не уступающий в странности предыдущим, Пушкин добавляет: «Дуров просил меня похлопотать об этом в Петербурге через английского посланника, а свой прожект высказал мне не иначе, как взяв с меня честное слово не воспользоваться им»...

Читая эти пушкинские строки, вы невольно вспоминаете слова Брюллова: «Какой Пушкин счастливец! Так смеется, что словно кишки видны!» [1]

Но, читая отрывок, посвященный изображению Дурова, дальше, мы видим, что смех Пушкина здесь вовсе не безобиден. Пушкин пишет о Дурове: «Он готов был всегда биться об заклад и о чем бы то ни было. Говорили ли о женщине, — «хотите со мной биться об заклад, — прерывал Дуров, — что через три дня я буду ее иметь?» Стреляли ли в цель из пистолета, — Дуров предлагал встать в 25 шагах и бился о 1000 р., что вы в него не попадете...»

Перед нами не двоюродный даже, а родной брат Ноздрева.

А читая страницы, посвященные Пушкиным Дурову, далее, вспоминаешь уже не героев Гоголя, а героев Щедрина.

«Страсть его к женщинам, — пишет Пушкин, рисуя Дурова, — была также очень замечательна. Бывши городничим в Елабуге, влюбился он в одну рыжую бабу, осужденную к кнуту, в ту самую минуту, как она

---

[1] Из рассказов А. О. Россета про Пушкина. «Русский архив», 1882, I, стр. 246.

была уже привязана к столбу, а он, по должности своей, присутствовал при ее казни. Он шепнул палачу, чтоб он ее поберег и не трогал ее прелестей, белых и жирных, что и было исполнено, после чего Дуров жил несколько дней с прекрасной каторжницей» [1].

Эти строки предвосхищают страницы щедринской «Истории одного города»; вспомните щедринских городничих и эпизод с наложницей Алёнкой, которую один из них приказывает высечь и, насмотревшись на ее «стыдобушку», берет после «экзекуции» к себе в дом.

Страницы, посвященные Пушкиным Дурову, имеют значение более важное, чем кажется на первый взгляд. Отрывки, посвященные «второму Фальстафу» — Давыдову и Дурову, представляют собой законченные, цельные портреты, написанные, как подчеркивает Пушкин, на основе личного знакомства с прототипами: они заслуживают глубокого изучения как образцы, в которых проявилось гениальное реалистическое мастерство Пушкина-портретиста.

Портреты эти изображают — каждый в отдельности — не просто характерный и потому запомнившийся Пушкину персонаж. Изображая Александра Давыдова, Пушкин рисует цельный сатирический портрет и для объяснения характера изображаемого им живого Фальстафа, как мы видели, глубоко анализирует принципы изображения характеров, созданных Шекспиром и Мольером. В «Дурове» Пушкин с необычайной выразительностью изображает открытый им социальный характер, гениально предвосхищая образы, созданные Гоголем и Щедриным. Не утрачивая черт индивидуального портрета, изображение каждого из этих пушкинских героев возводится Пушкиным на степень обобщенного сатирического образа.

ЕРМОЛОВ

Противоречивость личности Ермолова (в котором Грибоедов готов был видеть «сфинкса» новейших вре-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 109—111.

мен) отражена в написанном Пушкиным в 1829 году литературном портрете Ермолова.

До нас дошли портретные характеристики Ермолова, вышедшие из-под пера Дениса Давыдова и Вяземского. Портрет Ермолова в старости дан Герценом на страницах «Былого и дум».

«Самою внешностью своею, несколько суровою и величавою, головой львообразною, — пишет о Ермолове Вяземский, — складом ума, речью, сильно отчеканенною, он был рожден действовать над народными массами, увлекать их за собою и господствовать ими... В нем была замечательная тонкость и даже хитрость ума; но под конец он слишком перетонил и перехитрил. Этим самым дал он против себя оружие противникам своим...» [1]

Стараясь — со своей точки зрения — защитить Ермолова, Вяземский замечает, что «мог он быть в рядах оппозиции и даже казаться стоящим во главе ее», но «это было одно внешнее явление, которое многих обманывало...» [2]

Декабристы прочили Ермолова в члены временного правительства, которое должно было быть создано в случае успеха восстания, и после 14 декабря он был заподозрен и отстранен Николаем I. А так как Ермолов (которого называли «проконсулом Кавказа») не решился выступить против самодержавия, несмотря на то, что располагал большой властью, вооруженными силами и был чрезвычайно популярен в войсках, он разом потерял и доверие царя и доверие декабристов.

Вот почему даже много лет спустя после того, как декабристы обманулись в Ермолове, один из них с таким негодованием писал о нем: «Ермолов мог предупредить арестование стольких лиц и казнь пяти мучеников; мог бы дать России Конституцию, взяв с Кавказа дивизию пехоты, две батареи артиллерии и две тысячи казаков, пойдя прямо на Петербург. Тотчас же он имел бы прекрасный корпус легкой кавалерии дон-

---

[1] П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений. Т. VIII, СПб, 1883, стр. 170—171.

[2] Там же, стр. 71.

цов, с их артиллерией, столько, сколько бы он захотел. Донцы были недовольны правительством... Они до одного все восстали бы. А об 2-й армии и об Чугуевских казаках и говорить нечего. Она вся была готова, лишь бы девизом восстания было освобождение крестьян от помещиков, десятилетняя военная служба и чтобы казна шла на нужды народа, а не на пустую политику самодержца-деспота. Помещики-дворяне не смели бы пикнуть и все до одного присоединились бы к грозной армии, ведомой любимым полководцем... Но Ермолов... был всегда только интриган и никогда не был патриотом» [1].

Как выразительно передано здесь значение, какое вкладывали декабристы в слово «патриот»! [2]

Противоречивость личности Ермолова, героя 1812 года, завоевателя и вместе усмирителя Кавказа, прославившегося своей жестокостью, отражена в написанном Пушкиным портрете его. Пушкин не дает в этом портрете политической характеристики его, но, изображая внешность Ермолова, вскрывает средствами портретиста глубокую противоречивость его облика.

Пушкин пишет:

«С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом. Он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе» [3].

Создавая литературный портрет Державина, Пушкин показывает, как меняется внешность человека в зависимости от различных и даже противоположных

---

[1] «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов». Т. I, М., 1931, стр. 264.

[2] Вспомним, что Пушкин назвал в 1820 году восставших против турецкого владычества греков «вольнолюбивыми патриотами».

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VI, стр. 641—642.

состояний, выражающих в своей противоречивой совокупности действительный характер его. Упоминание о портрете Державина, портрете похожем, но передающем только одну из сторон его образа, является у Пушкина средством, помогающим ему раскрыть противоречивую сущность изображаемого лица. Совершенно такую же роль, какую играет ссылка Пушкина на портрет Державина («где представлен он в колпаке и в халате», т. е. в сугубо домашнем, «прозаическом» виде), играет у Пушкина и ссылка на «поэтический» портрет Ермолова, «писанный Довом» (художником Доу).

Пушкин говорит, что Ермолов «разительно напоминает» этот портрет, только когда «он задумывается и хмурится» (на портрете этом Ермолов картинно изображен в бурке, на фоне снежных гор Кавказа). Таким Ермолов бывал, и потому мог быть изображен художником. Но Пушкин стремится показать его не только в этом, свойственном Ермолову, но далеко не единственно свойственном ему «поэтическом» виде.

Денис Давыдов писал в своих записках: «Ермолов имеет голову, которая, будучи украшена седыми в беспорядке лежащими волосами и вооружена небольшими, но проницательными и быстрыми глазами, невольно напоминает голову льва» [1] («львообразной» назвал голову Ермолова и Вяземский).

Изображая Ермолова, Денис Давыдов, правда, не ограничивается простым сравнением головы Ермолова с головой льва: он пишет, что эта львиная голова «вооружена небольшими, но проницательными и быстрыми глазами». И изображение перестает быть слишком общим, приобретает характерность и сразу заставляет вспомнить, что «благородный» лев — зверъ хищный; описание это позволяет нам, кажется, догадываться и о чертах хитрости Ермолова.

«Голова тигра» — пишет, изображая Ермолова, Пушкин. Это много дальше от обычного «голова льва» и несравненно резче и смелее, чем изображение Ермолова, созданное Денисом Давыдовым. Чтобы пояснить это различие, вспомним, что, говоря о Мирабо, Пуш-

[1] Д. Давыдов. Сочинения. Т. I, СПб, 1895, стр. 142.

кин сравнивает его со львом, противопоставляя Робеспьеру, которого — не по внешнему сходству, конечно, а стремясь охарактеризовать — называет «сентиментальным тигром» [1].

Пушкин не был апологетом Ермолова; высоко ценя его выдающиеся дарования, желая стать историком «его» Кавказских войн и издателем Записок Ермолова, Пушкин сумел, однако, увидеть противоречивость личности Ермолова и отметил (в том же «Путешествии в Арзрум») отрицательные, жестокие черты его деятельности. В одном месте своего «Дневника» тридцатых годов Пушкин назвал его даже «великим шарлатаном» [2]. Вот почему, напомнив о «поэтическом портрете» Ермолова, написанном Доу, Пушкин не ограничился, подобно этому портретисту, односторонним изображением Ермолова, а показал его в противоречии, выражающемся даже во внешности его, переданной Пушкиным с такой выразительностью в «Путевых записках» 1829 года, откуда этот портрет Ермолова перенесен редакторами в написанное Пушкиным несколько лет спустя «Путешествие в Арзрум».

ДЕЛЬВИГ

«Никто на свете не был мне ближе Дельвига», — писал Пушкин после смерти своего друга [3]. «Баратынский собирается написать жизнь Дельвига, — сообщал он десять дней спустя Плетневу. — Мы все поможем ему нашими воспоминаниями... Я хорошо знаю... его первую молодость... Напишем же втроем жизнь нашего друга» [4].

Замысел этот остался неосуществленным. Плетнев обещал заняться подготовкой материалов, т. е. своих воспоминаний о Дельвиге, думая переслать их сперва

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XII, стр. 34.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 53.

[3] Там же, т. X, стр. 334.

[4] Там же, стр. 336.

Пушкину «в цензуру», после которой Пушкин должен был передать их Боратынскому «с своими зачерками и вставками»[1]. Сам Пушкин по поводу напечатанной Плетневым в «Литературной газете» статьи-некролога о Дельвиге писал Плетневу: «Твоя статья о нем прекрасна... но надобно подробностей — изложения его мнений — анекдотов, разбора его стихов etc»[2]. Такого рода черты и анекдоты, характеризующие Дельвига, Пушкин стал вспоминать и записывать; некоторые из них были опубликованы в «Современнике» в 1837 году в числе различных «Анекдотов и замечаний», сохранившихся в бумагах Пушкина[3]. «Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина. Булгарин отказался, сказав: «Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил». Другая, опубликованная тогда же в 1837 году, заметка Пушкина гласит: «Дельвиг не любил поэзии мистической. Он говаривал: «чем ближе к небу, тем холоднее»[4].

В «Материалах для биографии А. С. Пушкина» Анненков напечатал в 1855 году уже не заметку в две-три строки, а отрывок из воспоминаний Пушкина о Дельвиге, касающийся последней встречи и беседы их:

«Я ехал с Вяземским из Петербурга в Москву. Дельвиг хотел меня проводить до Царского села. 10 августа 1830 [года] поутру мы вышли из городу...» «...Завтрак в трактире напомнил ему повесть, которую намеревался он написать. Д[ельвиг] долго обдумывал свои произведения, даже самые мелкие. Он любил в разговорах развивать свои поэтические помыслы, и мы знали его прекрасные создания несколько лет прежде, нежели были они написаны. Но когда наконец он их читал, выраженные в звучных гекзаметрах, они казались нам новыми и неожиданными.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XIV, стр. 152.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 339.

[3] См. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XII, стр. 450.

[4] Там же, стр. 159.

Таким образом, Русская его идиллия, написанная в самый год его смерти, была в первый раз рассказана мне еще в лицейской зале, после скучного математического класса»[1].

Перед нами воспоминания о последней встрече с Дельвигом, представляющие собой вместе с тем рассказ важный и для биографии самого Пушкина. Рассказ этот предназначался, может быть, для биографии Дельвига, которую должен был написать Боратынский с помощью Пушкина и Плетнева. Писать ее Боратынский было начал, но не написал и «записки Боратынского о Дельвиге... повидимому, бесследно пропали»[2]. «Жизнь Дельвига» «не была закончена и не сохранилась», — пишет современный исследователь[3].

Пушкин же свои воспоминания о Дельвиге обработал. Дружба с Дельвигом и смерть его были важными событиями в жизни Пушкина, и рассказ о Дельвиге должен был, конечно, войти в «Биографию» великого поэта. Они были связаны в жизни так тесно, что Пушкин предполагал после смерти Дельвига соединить с его письмами свои письма к нему и издать их вместе[4].

В 1918 году в особняке князей Юсуповых найдена была рукопись Пушкина, написанная на бумаге с водяным знаком «1833». Рукопись эта содержит рассказ о юности Дельвига. И хотя академическое издание печатает этот отрывок в томе критической прозы Пушкина, а Малое академическое издание называет его «набросками неоконченной статьи о Дельвиге»[5], перед нами, несомненно, отрывок биографической — и вместе автобиографической — прозы Пушкина, прозы обду-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XII, стр. 338.

[2] См. Пушкин. Письма. Т. III. Ред. Л. Б. Модзалевского. М.—Л., Academia, 1935, стр. 189.

[3] См. Е. Боратынский. Стихотворения, поэмы, проза, письма. Вступительная статья К. Пигарева. М., Государственное издательство художественной литературы, 1951, стр. 20.

[4] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 366.

[5] Там же, т. VII, стр. 702.

манной, обработанной и совершенной, хотя Пушкин мог дополнить еще впоследствии свой отрывок.

Первый биограф поэта Анненков поместил этот отрывок (автограф которого затерялся и обнаружен был, как сказано, только в 1918 году) в состав «остатков настоящих записок (автобиографии) Пушкина, к числу которых относится, — справедливо подчеркивал Анненков, — и статья о Дельвиге» [1].

Смерть Дельвига открывала возможность появления в печати страниц, посвященных ему, еще при жизни Пушкина. Уцелевший отрывок сожженных «Записок», посвященный Карамзину, Пушкин напечатал после смерти Карамзина, устранив из текста отрывка все, что рассказывал в нем о самом себе. Точно так же мог Пушкин, конечно, напечатать свои воспоминания о Дельвиге, что не помешало бы ему в дальнейшем включить их в свои Автобиографические записки.

Отрывок, о котором мы говорим, посвящен изображению детства и отрочества рано умершего поэта. «Я знал его в лицее, — писал в одном из своих писем после смерти Дельвига Пушкин, — был свидетелем первого незамеченного развития его поэтической души и таланта... С ним читал я Державина и Жуковского — с ним толковал обо всем, *что душу волнует, что сердце томит...*» [2] Строки эти также говорят о том, что воспоминания о Дельвиге, содержащиеся в отрывке, написанном Пушкиным, не могли не войти в «Записки», возобновляемые в эти годы великим поэтом.

«Любовь к поэзии пробудилась в нем рано», — пишет о Дельвиге Пушкин, так верно назвавший себя «свидетелем первого незамеченного развития его поэтической души и таланта». Перед нами рассказ о детстве Дельвига-поэта, рассказ очень индивидуализированный, стремящийся показать своеобразие развития этого поэта. «Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятия ленивы, — пишет

[1] «П. В. Анненков и его друзья». СПб., 1892, стр. 389.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. X, стр. 336.

Пушкин. — На 14-м году он не знал никакого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке. В нем заметна была только живость воображения». Дальше Пушкин рассказывает о случае, в котором ярко сказалась одаренность Дельвига. «Однажды, — вспоминает Пушкин, — вздумалось ему рассказать нескольким из своих товарищей поход 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий. Его повествование было так живо и правдоподобно и так сильно подействовало на воображение молодых слушателей, что несколько дней около него собирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе. Слух о том дошел до нашего директора А. Ф. Малиновского, который захотел услышать от самого Дельвига рассказ о его приключениях. Дельвиг постыдился признаться во лжи, столь же невинной, как и замысловатой, и решился ее поддержать, что и сделал с удивительным успехом, так что никто из нас не сомневался в истине его рассказов, покаместь он сам не признался в своем вымысле». «В детях, одаренных игривостию ума, — замечает Пушкин, — склонность ко лжи не мешает искренности и прямодушию. Дельвиг, рассказывающий о таинственных своих видениях и о мнимых опасностях, которым будто бы подвергался в обозе отца своего, никогда не лгал в оправдание какой-нибудь вины, для избежания выговора или наказания» [1].

«. . .Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходствовали с его собственными», — читаем мы далее [2].

Вскоре после воспоминаний о детстве и юности Дельвига Пушкин написал очерк, в котором рассказывает о детстве Байрона: «в классах он был из последних учеников — и более отличался в играх. По свидетельству его товарищей, — пишет Пушкин о Байроне, — он был резкий, вспыльчивый и злопамятный мальчик,

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 314—315.

[2] Там же, стр. 315.

всегда готовый подраться и отплатить старую обиду»[1]. Далее Пушкин говорит о том, как переживания детства сказались на характере Байрона.

В те годы, когда был написан этот очерк, Пушкин готовился к созданию страниц, которые должны были быть посвящены им своему собственному детству. И потому страницы, говорящие о детстве и отрочестве Дельвига, как и очерк, посвященный Пушкиным детству Байрона, которые представляют собой самостоятельный литературный интерес, вместе с тем являлись, бесспорно, для Пушкина опытами биографических изучений в том смысле, в каком он назвал раньше «опытами драматических изучений» свои «Маленькие трагедии». Такого же рода опытом были для него записываемые и обрабатываемые им рассказы о детстве его друга Нащокина, которого он не однажды побуждал продолжать свои «мемории», т. е. «Записки».

ВСТРЕЧА С КЮХЕЛЬБЕКЕРОМ

В 1859 году в «Библиографических записках» был впервые опубликован «набросанный, — как указывала редакция, — Пушкиным на клочке бумаги» отрывок из его «записок 1827 года»[2], посвященный встрече с Кюхельбекером. Фамилия Кюхельбекера при этом не была раскрыта и обозначена была (так же, как в рукописи Пушкина) начальной буквой.

14 октября 1827 года, возвращаясь из Михайловского в Петербург, Пушкин встретился на станции Залазы со своим лицейским другом, которого жандармы везли из Шлиссельбурга в Динабургскую крепость. На другой день, 15 октября, Пушкин писал об этой встрече:

«Вчерашний день был для меня замечателен... На... станции нашел я Шиллерова «Духовидца», но едва успел прочитать я первые страницы, как вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем... Я вышел взглянуть на них.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VII, стр. 318.

[2] «Библиографические записки», 1859, № 5, стр. 132.

Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинели... Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали...» [1]

Рассказ о встрече с Кюхельбекером (Пушкин назвал, как мы видели, эту встречу днем, для него замечательным) должен был войти, конечно, в Автобиографические записки поэта. Но рассказ этот представляет собой, несмотря на свою выразительность, все же заготовку, над которой Пушкину предстояло еще работать. «Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили», — пишет Пушкин. Из рапорта фельдъегеря, отправившего в Главный штаб донесение о встрече Пушкина с Кюхельбекером, мы узнаем, какова была эта встреча. Фельдъегерь Подгорный писал в своем рапорте:

«Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург с государственными преступниками, и по пути, приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева в С.-Петербург некто г. Пушкин и начал после поцелуев с ним разговаривать. Я, видя сие, наипоспешнейше отправил как первого, так и тех двух за полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать, а сам остался для написания подорожной и заплаты прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег, я в сем ему отказал. Тогда он, г. Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорил, что по прибытии в С.-Петербург в ту же минуту доложу его императорскому величеству как за недопущение распроститься с другом, так и дать ему на дорогу денег; сверх того, не премину также сказать и генерал-адъютанту Бенкендорфу. Сам же г. Пушкин,

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 20—21.

между угрозами, объявил мне, что он посажен был в крепость и потом выпущен, почему я еще более препятствовал иметь ему сношение с арестантом; а преступник Кюхельбекер мне сказал: это тот Пушкин, который сочиняет» [1].

Год спустя после этой встречи, 10 июля 1828 года, Кюхельбекер писал Пушкину и Грибоедову из Динабургской крепости: «Любезные друзья и братья, поэты Александры. Пишу к вам вместе... Свидания с тобою, Пушкин, ввек не забуду... Простите! Целую вас. В. Кюхельбекер» [2].

Прошел еще год, и на горной дороге, близ крепости Гергеры, Пушкин встретился — в последний раз — с Грибоедовым.

ГРИБОЕДОВ

«Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. — «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда». — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова!..» [3]

Встреча эта была для Пушкина таким же событием, как встреча его с Кюхельбекером, которого везли из крепости в крепость жандармы и рассказ о которой должен был войти в Автобиографические записки поэта. Не мог не войти в них, конечно, и рассказ о последней встрече с Грибоедовым.

«Я расстался с ним, — пишет Пушкин, — в прошлом году в Петербурге перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: «Вы еще не знаете

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 493—494.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание Академии наук СССР, т. XIV, стр. 22.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VI, стр. 666.

этих людей: вы увидите, что дело дойдет до ножей»[1]. «Он полагал, что причиною кровопролития будет смерть шаха и междуусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игралищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею»[2].

Пушкин продолжил в своем «Путешествии в Арзрум» эти строки другими (без которых невозможно представить себе рассказ о Грибоедове в Автобиографических записках Пушкина). Перед нами портрет Грибоедова, глубокая характеристика его и вместе рассказ о его судьбе. «Мысли о всей значительности фигуры Грибоедова пришли Пушкину в голову отнюдь не сейчас, у останков погибшего поэта», — справедливо подчеркивает один из комментаторов, приводя слова, сказанные Пушкиным о Грибоедове больше чем за год до встречи с его гробом: «Это один из самых умных людей в России»[3]. Пушкин вспоминает в своем рассказе о начале знакомства с ним. Он пишет:

«Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности».

Рассказав об отъезде Грибоедова, жизнь которого «была затемнена некоторыми облаками» («следствие пылких страстей и могучих обстоятельств», — говорит Пушкин), на Кавказ, поэт поясняет: «Он по-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VI, стр. 666—667 и перевод стр. 798 (у Пушкина слова Грибоедова приведены по-французски).

[2] Там же, стр. 667.

[3] «А. С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников», Сб. под ред. Зин. Давыдова. Л., 1929, стр. 332.

чувствовал необходимость расчесться со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь».

«Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом беспрерывных успехов. Его рукописная комедия «Горе от ума», — вспоминает Пушкин, — произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами. Через несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще: он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна» [1].

Рассказ о «завидной» судьбе и смерти Грибоедова овеян глубоким раздумьем Пушкина. Страницы, посвященные им Грибоедову, автобиографичны не только в том смысле, что знакомство с Грибоедовым — и даже смерть его — были важным событием в жизни Пушкина. Рассказ о Грибоедове выделяется в «Путешествии в Арзрум», как ни впечатляющи остальные страницы этого «Путешествия», потому что портрет Грибоедова дан здесь в масштабе историческом, в масштабе всей жизни Грибоедова (и самого Пушкина). Рассказ этот сопровождается раздумьем Пушкина о судьбах замечательных людей — и о своей судьбе: «Как жаль, — пишет он, — что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» [2] (Вот о чем говорят эти, часто неверно понимаемые слова Пушкина.) В этих строках отразились, конечно, размышления Пушкина и о судьбе своих «Записок». Строки эти помогают понять связь отрывка, посвященного Грибоедову — и включенного Пушки-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VI, стр. 667—668.

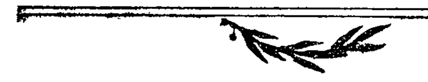
[2] Там же.

ным в «Путешествие в Арзрум», — с «Записками» Пушкина. Они чрезвычайно напоминают заключительные слова, которыми поэт сопроводил отрывок из своих «Записок», посвященный Абраму Петровичу Ганнибалу и напечатанный им под видом примечания к первой главе «Онегина». Там он также заметил, что «в России... память замечательных людей скоро исчезает, по причине недостатка исторических записок», пояснил, что «странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям» [1], и, заявив намерение «со временем... издать полную его биографию», включил рассказ о жизни своего прадеда в собственные Автобиографические записки.

Рассказ о Грибоедове Пушкин также не мог не включить так или иначе в свои возобновляемые «Записки»; этот рассказ относится, несомненно, к числу наиболее глубоких по содержанию и блестящих по форме страниц мемуарной пушкинской прозы.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. V, стр. 514.

ИСТОРИЯ МОЕГО ВРЕМЕНИ

НЕИЗУЧЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ ПУШКИНА

До нас дошел так называемый «Дневник» Пушкина — тетрадь большого формата, заключенная в переплет, замыкающийся стальным замком, и содержащая записи, которые Пушкин день за днем заносил в нее в 1833—1835 годах, датируя каждую запись.

Записи Пушкина касаются не только текущей светской и придворной жизни Петербурга, но и минувших — хотя недавних — исторических событий: убийства Павла I, начала царствования Александра I, падения и ссылки Сперанского в 1812 году. Некоторые из них касаются 14 декабря 1825 года и 13 июля 1826 года, т. е. дня казни декабристов, который Пушкин назвал в «Дневнике» историческим днем.

Содержание этих записей остается во многом нераскрытым, так как многое Пушкин записывал сокращенным, часто лишь для него самого понятным образом. Чтоб раскрыть содержание интересующих нас страниц пушкинского «Дневника», нужно попытаться выяснить сначала, для чего они предназначались.

Выполнить эту задачу не так просто, потому что «Дневник» Пушкина разнороден по составу — в него входят записи различного назначения. «Поэт тщательно собирал, — верно заметил один из исследователей, — все, что казалось ему важным, и думал использовать этот запас в разных отношениях — и для автобиографии, и для истории, и для беллетристики» [1].

---

[1] Н. Лернер. Проза Пушкина. Изд. 2-е, П.—М., 1923, стр. 108.

Для какой, однако, «Истории» мог предназначаться собираемый Пушкиным в «Дневнике» материал? Было высказано предположение, что поэт собирал материал «для будущих историков» [1]. Другой исследователь говорит уже не только о будущих историках, замечая, что «Дневник» Пушкина должен был послужить «ему ли самому или кому другому, — как материал для истории его времени» [2]. Назначение записей Пушкина, таким образом, до сих пор не выяснено, а не выяснив его, трудно действительно понять, с какой целью и каким образом собирал Пушкин в своем «Дневнике» исторический материал. Мы должны поэтому постараться понять его замысел и установить: успел ли Пушкин сделать что-либо для его осуществления?

До нас дошло свидетельство о том, что уже во второй половине двадцатых годов Пушкин задумал написать, наряду с «Историей Петра», историю своего времени. Через два года после восстания декабристов он сказал одному из своих друзей: «Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову — пером Курбского». И добавил: «Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать царствование Николая и об 14-м декабря» [3].

Пушкин решил, как видим, написать «историю Александрову». И вместе с тем дал понять, что задуманный им труд может охватить со временем историю 14-го декабря и «царствование Николая».

Рассказ поэта об этом историческом замысле записал — на другой день после того, как услышал о нем от самого Пушкина — А. Н. Вульф — приятель поэта, оставивший нам, по признанию исследователей, «авто-

---

[1] А. С. Пушкин. Сочинения. Ред. Б. Томашевского. Л., Государственное издательство художественной литературы, 1937, стр. 949.

[2] А. С. Пушкин. Дневник. См. предисловие Б. Модзалевского. М.—П., Государственное издательство, 1923, стр. IV.

[3] Запись А. Н. Вульфа от 16 сентября 1827 г. См. «Выдержки из дневника». «Русская старина», 1899, март, стр. 512.

ритетнейшие, ценнейшие сообщения к характеристике литературной деятельности» Пушкина [1]. Но задуманная Пушкиным история своего времени осталась ненаписанной, и этот замысел поэта остается в тени. Необходимо раскрыть его.

«Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться», — сказал Пушкин. Слова эти иногда приводят, касаясь «Дневника» поэта. Но одно дело «описывать современные происшествия» с целью оставить будущим историкам правдивые свидетельства современника, другое — писать историю своего времени. Это ясно сознавали современники поэта.

«Записки и история суть два рода сочинений. разнствующие во многом, — писал декабрист П. Н. Свистунов, подчеркивая различие между Записками о своем времени и Историей, посвященной ему же. — Записки суть не что иное, как воспоминания частного лица или государственного мужа о событиях, близко его касающихся, которых он был очевидцем или в которых участвовал. История же есть труд ученый, требующий собрания многих документов и тщательного изучения их» [2].

В разговоре с А. Н. Вульфом Пушкин ясно указал на свой замысел — не ограничиться свидетельскими показаниями, т. е. записками современника, а написать — наряду с «Историей Петра» — «историю Александрову». Смелый замысел поэта остался неосуществленным. Но Пушкин, занятый в тридцатые годы другими историческими работами («Историей Петра» и «Историей Пугачева»), не оставлял, повидимому, мысли возвратиться к нему и написать историю своего времени, которую задумал еще в 1827 году. Поэтому он собирал материалы для нее.

Историю своего времени Пушкин собирался писать,

---

[1] См. вступительную статью П. Е. Щеголева к книге: А. Н. Вульф. «Дневники». М., 1929, стр. 69, а также комментарий С. Гессена в сб. «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников». Л., 1936, стр. 597.

[2] «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов». Т. II. М., 1933, стр. 283.

черпая материалы из первоисточников, т. е. прежде всего из рассказов и записок участников исторических событий; рассказы эти он и записывал на дошедших до нас страницах своего «Дневника». Пушкин сам намекает на это и дает даже понять, что некоторые — наиболее проницательные — собеседники поэта могли догадываться о цели его расспросов. *«Вы и Аракчеев,* — сказал Пушкин, касаясь царствования Александра I, Сперанскому и занося свой разговор с ним в «Дневник», — *вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага».* Сперанский, — говорит Пушкин, — «отвечал комплиментами и советовал мне писать Историю моего времени» [1].

Обращенные к Сперанскому слова поэта носили в известной мере комплиментарный характер. Но воспоминания Сперанского и Аракчеева бесспорно нужны были Пушкину как материал для истории (и характеристики) царствования Александра I. «Аракчеев... умер. Об этом во всей России жалею я один, — не удалось мне с ним свидеться и наговориться» [2], — писал (в той же связи, конечно) три недели спустя Пушкин жене.

Многое в своем «Дневнике» Пушкин записывал, как мы уже говорили, сжато, скупым, лишь для него самого понятным образом; и это также свидетельствует, что Пушкин собирал в «Дневнике» материал не только для «будущих историков» или «кого другого», а прежде всего для себя, т. е. для осуществления своего исторического замысла.

«Бросается в глаза», — верно отметил один из исследователей, — что «Дневник» Пушкина, «скользя по незначительным событиям светской жизни, настойчиво отмечает явления, связанные с двумя попрежнему интересующими поэта датами. Одна из этих дат — 11 марта — убийство Павла. Вторая — 14 декабря» [3].

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 42.

[2] Там же, т. X, стр. 475.

[3] Д. Якубович, «Дневник Пушкина». Сб. «Пушкин, 1834 год». Л., 1934, стр. 39.

Но ответа на вопрос, с какой целью касается Пушкин в «Дневнике» названных событий, исследователи не дают. А между тем на вопрос этот можно ответить: события эти Пушкин готовился воссоздать в задуманной им истории своего времени. Попытаемся выяснить, как работал Пушкин над выполнением поставленной задачи.

После 14 декабря 1825 года Пушкину пришлось уничтожить свои «Записки». Понятно поэтому, что, внося теперь в свой «Дневник» записи, смело касающиеся событий современной ему политической истории, Пушкин должен был найти способы, которые дали бы ему возможность сберечь собираемый для новой работы исторический материал.

Подготовляя изображение исторического события, писать о котором было запрещено, Пушкин закреплял иногда в «Дневнике», вместо задуманного целого, цензурную — на первый взгляд — часть задуманной картины. Закреплял, не только прямо подразумевая запретное целое: он при этом иногда осторожно касался в «Дневнике» собранного им изустно (или почерпнутого в записках современников) запретного исторического материала. Такой способ работы облегчал ему возможность воссоздать в дальнейшем задуманную картину в целом.

Писать об 11 марта значило, разумеется, писать не только о Павле, но и об Александре, перешагнувшем через труп отца. И мы находим действительно в «Дневнике» Пушкина сцену, изображающую Александра в первую ночь его царствования. Это место «Дневника» начинается рассказом о том, как вызван был ночью во дворец опальный Трощинский. Он не знает еще о совершившемся убийстве Павла. «Наконец видит он, что ведут его на половину великого князя Александра. Тут только, — пишет Пушкин, — догадался он о перемене, происшедшей в государстве...» «Трощинский нашел государя в мундире, облокотившимся на стол, и всего в слезах. Александр кинулся ему на шею и сказал: — Будь моим руководителем. Тут был тотчас же написан

манифест и подписан государем, не имевшим силы ничем заняться»[1].

Сцена кажется на первый взгляд невинной: так естественно, что молодой император «весь в слезах» — он только что лишился отца. Но прорисованные Пушкиным детали говорят, если вдуматься, о далеко не невинном характере этой сцены. Трощинский, вызванный Александром, чтоб стать его «руководителем», застает нового императора после только что совершившегося убийства отца — в мундире (известно, что Александр оставался ночью 11 марта одетым: он, в ожидании исхода заговора, не ложился спать). И — «всего в слезах». Изображая Александра в ночь дворцового переворота, Пушкин подразумевает при этом другую, неотделимую, предшествующую сцену — сцену убийства Павла.

Страницы «Дневника» говорят об изучении Пушкиным источников, знакомство с которыми давало ему возможность исторически правдиво изобразить убийство Павла и воссоздать тем самым в своей «Истории» картину 11 марта во всей ее мрачной выразительности. Поэтому необходимо раскрыть способы, которыми пользовался Пушкин, касаясь в «Дневнике» запретного исторического материала. Вот как записал он, например, в «Дневнике» рассказ о ссылке Сперанского.

История падения и ссылки Сперанского оставалась много лет под запретом. Когда в 1848 году Булгарин (даже Булгарин! — *И. Ф.)* решился коснуться ее в своих «Воспоминаниях», Николай I заметил, что они «как бы накидывают перед публикою тень на характер Александра», касаясь «подробностей такого дела, которое правительством доныне всегда оставляемо было под покровом тайны и слишком... близко к нашей эпохе, чтобы частное лицо дерзало... приподымать всенародно край этого покрова»[2].

Сперанский «рассказывал мне, о своем изгнании

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 55.

[2] М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, стр. 215.

в 1812 году», — пишет Пушкин[1]. Но из рассказа Сперанского записывает в «Дневник» только анекдот о том, что, когда «на одной станции не давали ему лошадей», сопровождавший Сперанского в ссылку полицейский чиновник «пришел просить покровительства у своего арестанта. — Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно. Эти канальи лошадей нам не дают...»[2]

Если мы вспомним, как важен был для задуманной Пушкиным истории своего времени рассказ Сперанского, то поймем, что, приводя в «Дневнике» из этого рассказа только запоминающуюся подробность, Пушкин записал, конечно, только часть вместо целого, о котором эта анекдотическая подробность должна будет напомнить ему, когда он обратится в своей «Истории» к изображению ссылки Сперанского.

Пример этот дает некоторое понятие о способе, применяемом Пушкиным, когда он касается в своем «Дневнике» запретного материала: записывая интересный исторический анекдот, он имеет в виду и все то, что скрывается за записываемой им деталью. Если бы Пушкин записал подобным способом свое неизвестное нам стихотворение, попытка восстановить содержание последнего не могла бы рассчитывать на успех. Однако, когда речь идет об исторических записях поэта, положение существенно меняется. И мы можем в ряде случаев установить, какие именно — во времена Пушкина запретные, а ныне хорошо известные нам исторические факты — он кратко, пользуясь тем или иным условным способом, закреплял в своем «Дневнике». Такой именно, поддающейся раскрытию записью являются, например, строки пушкинского «Дневника», касающиеся записок генерала Болховского; строки эти представляют на первый взгляд только анекдотический интерес, а между тем значение их оказывается существенным, важным.

«Генерал Болховской хотел писать записки (и даже

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 42.

[2] Там же, стр. 42.

начал их; некогда, в бытность мою в Кишиневе, — указывает Пушкин, — он их мне читал). Киселев сказал ему: «Помилуй! Да о чем ты будешь писать? Что ты видел?» — Что я видел? — возразил Болховской. Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет». «Начиная, — объяснил он, — с того», что он видел смерть Екатерины II, — и рассказал тут же о некоторых анекдотических подробностях ее смерти, очевидцем которых он был. (О том, какой характер носили эти подробности, можно судить по тому, что, вспомнив этот рассказ Болховского, Пушкин в одном из своих сатирических стихотворных набросков упомянул, что Екатерина умерла, «садясь на судно».)

Перед нами, кажется, запись о глупом генерале, который ничего стоящего внимания в жизни не видел, а между тем пишет почему-то мемуары. И на вопрос: «Помилуй! Да о чем ты будешь писать?», — в состоянии дать только анекдотический ответ.

Запись Пушкина действительно касается вопроса о том, что видел Болховской, т. е. Пушкин, упоминая о Записках Болховского, имеет в виду содержание его воспоминаний (или Записок, которые тот читал Пушкину в Кишиневе). Но, касаясь воспоминаний Болховского, Пушкин приводит из них, как видим, только начало их, т. е. только «курьезное наблюдение», сделанное Болховским в день смерти Екатерины, ради которого Пушкин и внес, по мнению комментаторов, упоминание о Записках Болховского в свой «Дневник» [1].

Между тем рассказом о смерти Екатерины II Болховской мог бы, как он и ответил, разве только начать свои Записки: он стоял во дворце в карауле не только в день смерти Екатерины, но и в ночь смерти Павла. И являлся участником его убийства. Когда имя Болховского произнесено было в присутствии Александра I, молодой император сказал: «Знаете ли вы, что это за человек? Он схватил за волосы мертвую го-

[1] См. Пушкин. Дневник. Ред. Б. Модзалевского. М.—П., 1923, стр. 192.

лову моего отца, бросил ее с силой оземь и крикнул: «Вот тиран!» [1]

Болховской не скрывал своего участия в цареубийстве; он, — вспоминает А. О. Смирнова, — «этим хвастался». «Граф Ланжерон, — добавляет она, — тоже способствовал разглашению этих ужасных подробностей» [2]. Пушкин знал об «ужасных подробностях» цареубийства по рассказам Ланжерона (и со слов других современников). И — из воспоминаний Болховского, прямого участника убийства Павла I: приводя в своем «Дневнике» анекдотический рассказ его о смерти Екатерины, Пушкин вспоминал, конечно, его рассказ об убийстве Павла.

О том, что поэт хорошо знал и помнил рассказ Болховского о цареубийстве 11 марта, ясно свидетельствуют воспоминания Липранди. «Умный разговор» и «известность» Болховского, — пишет он, вспоминая пребывание поэта в Кишиневе, — «очень нравились Пушкину, но один раз он чуть-чуть не потерял расположение к себе генерала», — когда после обеда, «приподнявшись несколько, произнес: «Дмитрий Николаевич! Ваше здоровье». — «Это за что?» — спросил генерал. — «Сегодня 11-ое марта», — отвечал Пушкин... Генерал вспыхнул». Отношения Пушкина с Болховским потом уладились, и поэт продолжал бывать у него, но, замечает Липранди, «как-то реже» [3]. В эти годы напоминание об 11 марта стало для Болховского, который прежде «хвастал» своим участием в цареубийстве, нежелательным и даже опасным. Строки воспоминаний

---

[1] Об этом рассказывает в своих записках начальник тайной полиции при Александре I де Санглен. См. сб. «Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников». СПб., изд. А. С. Суворина, 1907, стр. 367.

[2] А. О. Смирнова. Записки. М., 1929, стр. 293.

[3] Характерно, что, печатая свои воспоминания почти полвека спустя после того, как произошел только что переданный эпизод, монархист Липранди исключил из печатного текста их рассказ о том, как Пушкин провозгласил здоровье Болховского в годовщину убийства Павла, и потому рассказ этот увидел свет только в советское время (впервые в «Летописи» Государственного литературного музея — «Пушкин». Кн. 1, М., 1936, стр. 551—552. Публикация М. Цявловского).

Липранди дают, как видим, возможность не предположительно только, а с полной уверенностью утверждать, что, говоря в своем «Дневнике» о записках Болховского, Пушкин вспоминал не только рассказ его о смерти Екатерины, но и действительно важное свидетельство его о цареубийстве 11 марта.

Почему же, спросит читатель, Пушкин, который не раз, и достаточно резко, упоминает в своем «Дневнике» об 11 марта, прибегает в данном случае к способу скрытой записи? На вопрос этот можно ответить: одно дело — упоминать о цареубийстве, другое — записывать «ужасные подробности», воссоздающие конкретную картину его, которые, заметим, оставались запретными в России даже век спустя после смерти Павла (в напечатанных в 1905 году записках декабриста Фонвизина, где рассказывается о заговоре и об убийстве Павла, изображение самого убийства было все еще по необходимости заменено точками) [1]. Неудивительно поэтому, что Пушкин не решился открыто закрепить передающий «ужасные подробности» рассказ участника убийства, а должен был сделать это в своем «Дневнике» косвенным образом.

Если мы вернемся теперь к сцене, изображающей Александра I в первые часы его царствования, зная, что Пушкин подготовлял правдивое изображение убийства Павла, значение этой сцены предстанет перед нами в настоящем свете. Можно добавить, что Пушкин не случайно изображает Александра в эти первые часы таким же слабым (все делают за него другие), «не имевшим силы ничем заняться», каким новый император обнаружил себя впоследствии во все решающие дни своего царствования.

«Властитель слабый и лукавый», — писал о нем Пушкин в «Онегине». «Под Австерлицем он бежал, — В 12 году дрожал. . .» — сказал Пушкин о нем в эпиграмме. Таким же слабым изобразил его поэт в час стихийного бедствия: в «Медном всаднике» Александр

---

[1] «Общественные движения в России в первую половину XIX века». Т. I, СПб., 1905, стр. 140.

снова является перед нами не имеющим силы ничем заняться.

Рассказы, включенные Пушкиным в «Дневник», полны не только исторического, но и художественного смысла и не являются поэтому всего только сырым историческим материалом — простой записью событий. Пушкин намечает целые исторические сцены, попутно изображая иногда не только основных, но и второстепенных участников событий. Читая записанный Пушкиным в «Дневнике» рассказ, касающийся 11 марта, мы видим не только Александра I, но и внезапно вызванного во дворец Трощинского. Перед нами не только портрет, но и пейзаж, — исторический пейзаж, вправе сказать читатель. Пушкин изображает как будто только необходимые обстоятельства действия: фельдъегерь стучится в ворота спящего дома, будит его, отыскав камень в протаявшем снегу и пустив его в окошко, — и мы видим петербургскую мартовскую ночь, ночь убийства Павла.

Николай I в пушкинском «Дневнике» показан в минуту, когда ему доносят о только что совершенной казни декабристов.

Печатая «Записки» декабриста Якушкина, Герцен счел нужным дополнить строки, посвященные в них описанию казни, рассказом Дениса Давыдова, изображающим Николая I в ночь перед казнью. «Странный характер у нашего нынешнего государя, — писал Денис Давыдов... — Накануне казни главнейших заговорщиков 14 декабря он во весь вечер изыскивал все способы, чтобы придать этой картине наиболее мрачный характер; в течение ночи последовало высочайшее повеление, на основании которого приказано было барабанщикам бить во все время бой, какой употребляется при наказании солдат сквозь строй» [1]. «Какой нрав был

[1] «Записки Дениса Васильевича Давыдова, в России цензурою не пропущенные». Лондон — Брюссель, 1863, стр. 42.

у этого человека, еще совсем молодого в 1826 году», — замечает по этому поводу Герцен [1].

Образ Николая, каким он предстает в ночь перед казнью, остановил на себе внимание Льва Толстого в пору его работы над романом о декабристах. Прочитав собственноручное повеление Николая, определявшее обряд казни декабристов, и обратив особенное внимание, как и Денис Давыдов, на приказ Николая — «когда их выведут, барабанам пробить мелкую дробь», Толстой заметил: «для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь» [2].

Денис Давыдов изобразил в своих «Записках» ночь приговорившего к казни. Пушкин показывает Николая в день казни: «13 июля 1826 года в полдень государь находился в Царском селе, — пишет Пушкин, казалось бы бесстрастно фиксируя подробности исторического дня. — Он стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег. В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец. Собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за ним». Фрейлина (А. О. Россет), — записывает Пушкин, — «подняла платок в память исторического дня» [3].

Этот рассказ Пушкина также является ключом, открывающим «историческую и психологическую дверь». Рассказ этот Пушкин записал со слов фрейлины А. О. Россет-Смирновой [4]. Но сравните строки Пушкина с передачей того же рассказа, сделанной со слов А. О. Смирновой ее дочерью, и вы увидите, как Пушкин, не выходя (казалось бы) за пределы протоколь-

---

[1] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Ред М. Лемке. Т. XX, М.—П., 1923, стр. 339 и 366.

[2] См. Б. Сыроечковский, «Из записной книжки архивиста». «Красный архив», 1926, т. IV(XVII), стр. 178.

[3] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 38.

[4] Запись, сделанная позднее ею самою, является очень краткой. См. А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. Изд. «Мир». М., 1931, стр. 181.

ного исторического свидетельства, немногими средствами создает выразительную сцену, точнее одно из явлений задуманной им исторической картины, посвященной казни декабристов.

«Не поддается перу, что во мне происходит, у меня какое-то лихорадочное состояние, которое я не могу определить... — писал Николай I накануне казни вдовствующей императрице — матери. — Голова моя положительно идет кругом... Завтра в три часа утра это дело должно совершиться...»[1] Николай опасался новых волнений в столице или даже вооруженного сопротивления в день казни. После того как она совершилась, он, все еще не успокоившись, на полях присланного донесения о казни приказывал: «...На сегодня и на завтра возможно более осторожности». И велел передать шефу жандармов, «чтобы он удвоил бдительность и внимание», добавив: «Тот же приказ — и по войскам»[2].

С нетерпением ожидая в Царском селе известия о совершении казни, он стоял в полдень 13 июля над прудом в Царскосельском парке. И — читаем мы у Пушкина — «бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег». Хотел ли он отвлечься от того лихорадочного волнения, о котором писал накануне матери, не сознавал ли всей неуместности забавы, которой развлекался в час казни? Но Пушкин счел нужным показать его таким, каков он был в эту историческую минуту.

«В эту минуту, — пишет Пушкин, — слуга прибежал сказать ему что-то на ухо». (Известие о прибытии из Петербурга курьера с сообщением о совершившейся казни слуга не решается сообщить вслух и шепчет его царю на ухо.) В передаче О. Н. Смирновой лакей, так же как в рассказе Пушкина, «прибежал» к государю. Но государь, услышав известие о казни, не бежит: это было бы неприлично. «Государь, — пишет О. Н. Смирнова, — направился большими шагами

---

[1] См. «Казнь пяти декабристов 13 июля 1826 года и император Николай I». «Исторический вестник», 1916, июль, стр. 105.

[2] См. «Красный архив», 1926, т. IV(XVII) стр. 181.

ко дворцу» [1]. «Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец», — пишет Пушкин. (Разрядка наша.— *И. Ф.*) И заключает: «Собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за ним».

У Пушкина бежит лакей, потом бежит Николай и, наконец, за ним, не найдя его на берегу, бежит собака. Этим — приобретающим пародийный характер — повторением в изображение всей сцены вносится сатирическая черта.

Можно добавить, что в рассказе О. Н. Смирновой — нам важно здесь увидеть тенденцию ее рассказа, независимо от того, происходило ли все так, как она сообщает, — Николай, расспросив курьера, доставившего известие о казни, «отправился в часовню и велел отслужить панихиду, на которой он присутствовал, а затем заперся в своем кабинете» [2]. Пушкин же кончает тем, что фрейлина подняла брошенный собакой платок — «в память исторического дня».

В то время как Николай ожидал в Царскосельском парке, на верке Петропавловской крепости совершалась казнь. «Говорили, — вспоминает в своих записках декабрист Лорер, — что с того момента, как нас выводили из казематов, каждые четверть часа скакали с донесениями в Царское село фельдъегеря». Ожидали помилования. «Но, увы, — курьеры мчались в Царское село, и обратного никого не было. . .» [3]

Пушкин не мог, конечно, ограничиться в своей «Истории» изображением Николая в день казни. День, в который Пушкин услышал о казни декабристов, он отметил криптограммой, записав начальными буквами: «Услышал о смерти Р<ылеева>, П<естеля>, М<уравьева>, К<аховского>, Б<естужева>» [4].

---

[1] «Записки А. О. Смирновой». Ч. I, СПб., 1895, стр. 89. (Смирнова-дочь передает этот эпизод от своего лица, ссылаясь на рассказ матери. Разрядка наша. — *И. Ф.*).

[2] Там же, стр. 89.

[3] «Записки декабриста Н. И. Лорера». М., 1931, стр. 114.

[4] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 20.

Инициалы повешенных декабристов Пушкин записал потом еще раз, добавив — «видел во сне» [1]. Графической записью о казни являются рисунки поэта [2]. Пушкин рисовал виселицу с пятью повешенными на ней декабристами и рядом с одним из этих рисунков написал: «И я бы мог. . .» Он знал «лютые подробности казни», которые через несколько дней после того, как она совершилась, сообщал в одном из своих писем Вяземский и о которых — нет сомнения — рассказал Пушкину, возвращенному вскоре из ссылки в Москву.

«. . .О чем ни думаю, как ни развлекаюсь, а всё прибивает меня невольно и неожиданно к пяти ужасным виселицам, которые для меня из всей России сделали страшное лобное место. Знаешь ли лютые подробности сей казни? — писал жене Вяземский в этом письме. — Трое из них: Рылеев, Муравьев и Каховский еще заживо упали с виселицы в ров, переломали себе кости, и их после этого возвели на вторую смерть» [3].

Рассказывали, что Рылеев, весь окровавленный, поднялся на ноги и, обратившись к Павлу Кутузову, главному распорядителю казни, сказал: «Вы, генерал, вероятно, приехали посмотреть, как мы умираем. Обрадуйте вашего государя, что его желания исполняются: вы видите, мы умираем в мучениях. . .» На «неистовый возглас Кутузова: «Вешайте их скорее!» — Рылеев ответил: «Дай же палачу твои аксельбанты, чтобы нам не умирать в третий раз!» [4] Знал ли об этом Пушкин? Да, знал, конечно. Все это (вспомним свидетельство жен декабристов А. Г. Муравьевой и Е. И. Трубецкой) «в тот же день» «рассказывали, как достоверное, сделавшееся известным через молодого адъютанта Кутузова» [5].

Вопреки лживому рапорту Кутузова [6], доносив-

---

[1] П. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 318.

[2] См. А. Эфрос. Рисунки поэта. 1933, стр. 356—358.

[3] Письмо к жене от 20 июля 1826 г. «Остафьевский архив». Т. V, вып. II, СПб., 1913, стр. 54.

[4] См. «Записки декабриста И. И. Горбачевского». М., изд. «Задруга», 1916, стр. 293, примечание.

[5] Там же.

[6] См. «Былое», 1906, № 3, стр. 232.

шего Николаю, что сорвавшиеся с виселицы («по неопытности наших палачей») Рылеев, Каховский и Муравьев «вскоре опять были повешены», «на вторую смерть» возвели их не «вскоре».

«Дай же палачу твои аксельбанты!» (взамен веревок), — бросил Кутузову Рылеев... «Запасных веревок не было, — вспоминал поздней начальник Петропавловского кронверка В. И. Беркопф, — их спешили достать в ближайших лавках, но было раннее утро, все было заперто, почему исполнение казни еще промедлилось...»[1]

«Когда Пушкин заносил ту или иную деталь на память потомству, — указывал в своих комментариях к «Дневнику» поэта П. Щеголев, — он смотрел на нее, как на деталь картины, которую нарисует в будущем на основании записей дневника или он сам, или неведомый читатель и исследователь... Необходимо, — делал Щеголев правильный вывод, — всякой записанной Пушкиным детали отыскать место в картине», поясняя: «мы должны оправдать надежды, которые Пушкин возлагал на потомство, оставляя ему свой «Дневник»[2].

Если мы поставим вопрос, частью какой картины должна была являться сцена, изображающая Николая в минуту получения известия о казни, то поймем, что сцена эта представляет собой часть задуманной Пушкиным исторической картины, посвященной дню казни декабристов. В Записках декабристов запечатлена сцена совершения казни. Герцен, мы видели, считал необходимым, изображая день 13 июля, показать Николая I перед казнью. Пушкин показал его в час казни, точнее — в минуту получения известия о казни.

Задумав писать в истории своего времени «об 14-м декабря» (как писал он о «возмущении 1825 года» в X главе «Онегина»[3]), Пушкин не мог вместе с тем не

---

[1] «Русский архив», 1881, т. II, стр. 345.

[2] Дневник Пушкина. Ред. Б. Модзалевского. М.—П., 1923, стр. XIII—XIV.

[3] Неизданную «часть» своего «Онегина», содержавшую описание «возмущения 1825 года» (т. е. не дошедшие до нас строфы X главы «Онегина»), Пушкин читал Александру Тургеневу, о чем тот сообщал брату Николаю в письме от 11 августа 1832 года.

писать о 13 июля. (Недаром же, записав впоследствии, как и Пушкин, со слов той же А. О. Смирновой, рассказ о Николае в час казни, поэт Полонский невольно — вместо «13 июля 1826 года» — записал «14 декабря 1825 года, собака, платок обыкновенный»). Пушкин готовился писать об историческом дне 13 июля в истории своего времени, как писал в дошедших до нас — пусть в искаженной передаче — стихах о казненном «пророке России», который является царю — «убийце» в «позорных ризах», «с вервием на выи»...

Вспомнив все это, вспомнив все, что знал и писал Пушкин о казни[1], мы поймем действительный смысл закрепленной Пушкиным в «Дневнике» сцены, изображающей Николая в час казни декабристов.

Достаточно припомнить описание казни, которым оканчивается пушкинская «История Пугачева», чтобы понять, чего лишились мы из-за того, что новый исторический замысел Пушкина остался неосуществленным и от материалов, относящихся к «историческому дню» 13 июля 1826 года, сохранилось в бумагах поэта только немногое: буквы тайной записи о казни, рисунки поэта, изображающие вал Петропавловской крепости, на нем виселицу с пятью повешенными декабристами, и портрет Николая в день казни — в «Дневнике» Пушкина.

На страницах своего «Дневника» Пушкин стремился закрепить скрываемые официальной историографией черты кровавого императорского периода русской истории. Иначе как семейным портретом Романовых едва ли можно назвать страницы пушкинского «Дневника», из которых приводят обычно только заключительные строки, характеризующие Николая I. Между тем характеристика Николая является только завершением выразительно очерченного Пушкиным в немногих строках семейного портрета последних — для него — четырех царей. Семейный портрет этот открывается изображением Екатерины II:

---

[1] Рассказ о казни декабристов Пушкин мог слышать от своего лицейского товарища В. Д. Вольховского, который в числе должностных лиц присутствовал при казни. Пушкин встречался с Вольховским под Арзрумом в 1829 г. и в 1834 г. в Петербурге.

«Конец ее царствования, — пишет Пушкин, — был отвратителен. Константин уверял, что он в Таврическом дворце застал однажды свою старую бабку с графом Зубовым. Все негодовали, но воцарился Павел, и (восклицает Пушкин) негодование увеличилось». Лагарп, замечает он, «показывал письма молодого великого князя (будущего императора Александра I. — *И. Ф.*), в которых сильно выражается это чувство. Я видел, — говорит Пушкин, — письма его же к Ланжерону... Одна фраза меня поразила: — «Я вам пишу мало и редко, потому что я под топором» [1]. Приведя эту поразившую его фразу наследника, Пушкин пишет: «В Александре было много детского». И поясняет: «Он писал однажды Лагарпу, что, дав свободу и конституцию земле своей, он отречется от трона и удалится в Америку». Пушкин приводит по этому поводу запомнившееся ему сравнение Александра с Николаем I, говорящее о «ложных идеях», свойственных не только Александру, но и более «положительному», т. е. более трезво мыслившему Николаю. И лишь после всего сказанного, сравнивая Николая I уже не с братом Александром, а с Петром Великим, на которого Николаю так хотелось бы походить, Пушкин заключает: «Кто-то сказал о государе: — В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого» [2].

В «Дневнике» Пушкина, как видим, сохранились строки, изображающие разврат престарелой Екатерины, жизнь Александра — сначала, при Павле, «под топором», а потом «окруженного убийцами его отца», и Николая — в час казни.

Установив замысел Пушкина, мы, при современном состоянии наших исторических знаний, можем не только понять назначение, но и раскрыть содержание многих, не поддававшихся до сих пор раскрытию записей в «Дневнике» поэта. Поняв в ходе изучения его работы над «Историей Петра» способы, пользуясь

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949, т. VIII, стр. 51—52. Фраза из письма Александра приведена Пушкиным по-французски.

[2] Там же, стр. 52. Последняя фраза у Пушкина по-французски.

которыми Пушкин закреплял собранный исторический материал, и изучив приемы его исторической работы, мы получаем возможность видеть, как подготавливалось в «Дневнике» Пушкина изображение лиц и событий современной истории: на страницах этих проступают наброски или подготовительные этюды, которые должны были быть перенесены Пушкиным — после дальнейшей доработки — на полотно задуманной им исторической картины.

Ведя «Дневник», Пушкин подготовлял не «малую», «домашнюю» Историю — историю «большого света и двора» (пусть даже написанную пером сатирика, как думают некоторые исследователи), а большую Историю своего времени. Встречая при дворе и в петербургском свете участников исторических событий, Пушкин, собиравший в те же годы в архивах материалы для «Истории Петра» и писавший «Историю Пугачева», собирал одновременно рассказы о сегодняшнем историческом дне.

Правдивой истории своего времени ждали декабристы: «Исчез обряд судить народу умерших царей своих до их погребения, — писал Николаю I из крепости обреченный на казнь Каховский. — Но история предает дела их на суд беспристрастного потомства. Не все историки подобны Карамзину, деяния века нашего заслуживают иметь своего летописца Тацита. Кто знает, может быть и есть он, но таится в толпе народа, работая для веков и потомства» [1] .

Декабристы ждали нового русского историка, который работал бы для веков, чтоб передать потомству «деяния века нашего». Таким историком готовился стать Пушкин: он готовил «Историю Петра», писал «Историю Пугачева» и не оставлял мысли написать историю своего времени. Эта последняя работа поэта и отражена на страницах его «Дневника».

---

[1] «Из писем и показаний декабристов». СПб, 1906, стр. 18.

«Наступило время пополнить литературу процензурованную литературой потаенной... — писал Огарев в своем предисловии к сборнику «Русская потаенная литература», изданному в 1861 году. — В подземной литературе отыщется та живая струя, которая давала направление и всей белодневной, правительством терпимой литературе, так что только в их совокупности ясным следом начертится историческое движение русской мысли и русских стремлений».

Печатая стихотворные произведения русской потаенной литературы, Огарев добавлял: «Конечно, в задачу должен бы входить не только стихотворный отдел, но и проза». При этом он указывал, что русская потаенная проза скрывается прежде всего в записках и письмах: «Она разбросана в мемуарах и частных письмах, известных только немногим, и тщательней скрываемых, чем стихи, из боязни слишком определенно подвернуться под долгую лапу жандарма...» «Отдел повестей, не пропущенных цензурой... не может быть обширен; но записки и письма, — замечает он, — дело великое». «...Покуда у нас нет средств добраться до прозаической потаенной литературы, мы начинаем наш сборник с стихотворного отдела и попытаемся проследить наше гражданское движение в стихотворной литературе», — писал Огарев [1].

---

[1] Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы. «Библиотека поэта». Большая серия. Изд. «Советский писатель». Т. I, 1937, стр. 294—295.

Силу и значение политической — в том числе художественно-политической — прозы сознавали обе борющиеся стороны: самодержавие и революция. Пушкин сказал в своем «Памятнике», что он восславил свободу «вслед Радищеву»; Радищев же, как известно, включил свою оду в «Путешествие из Петербурга в Москву». Фонвизина Пушкин назвал «другом свободы» не только за его всем известные комедии, но, конечно, и за его прославленное «Рассуждение о непременных государственных законах», которое декабристы распространяли в списках.

Не перебежавший еще в лагерь реакции Вяземский недаром заметил, что автор правительственного донесения о деле декабристов Блудов «прославился» этим своим «литературным прологом к действиям палачей». Но самодержавию не удалось противопоставить такого рода «прозу» политической прозе декабристов и их преемников. Вспомним хотя бы, с какой силой выступили Герцен и Огарев против раболепной книги Корфа, издавшего свою высочайше одобренную «Историю» 14 декабря.

Герцен печатал за рубежом в «Вольной русской типографии» записки декабристов, стремясь как можно шире ознакомить русских читателей с прозаической потаенной литературой. «Мы не устраняем — как еще недавно было общепринятым мнением — возможность совпадения политического содержания с изящно-поэтической формой», — писал Огарев[1]. И эти слова его вполне могут быть отнесены к созданной декабристами мемуарной и художественно-политической прозе.

«Записки» Якушкина Герцен недаром назвал «шедевром»[2]. Политическая проза Лунина, его смелые «Письма из Сибири» представляют собой выдающиеся литературные произведения. «. . .Письма Лунина — голос высокого духа и светлой мысли из могилы Акатуйского острога» — «совершенно вне конкурса в смысле

---

[1] Н. Огарев. Стихотворения и поэмы. «Библиотека поэта». Большая серия. Изд. «Советский писатель». Т. I, 1937, стр. 295.

[2] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Ред. М. Лемке. Т. XV, П., 1920, стр. 567.

слога, красоты изложения, поэтической и философской прелести», — справедливо писал С. М. Волконский, внук декабриста [1].

Выдающимися литературными достоинствами отличаются записки Михаила Фонвизина, представляющие собой очерк политической истории того времени, необыкновенной живостью рассказа — «Записки» Лорера.

В наше время возможности публикации и изучения этого рода декабристской литературы несравненно расширились. Историки внимательно изучают ее. В предисловии к собранию «Воспоминаний и рассказов деятелей тайных обществ 1820-х годов», изданному в 1931—1933 годы, можно прочесть, что мемуары декабристов «интересны и как чисто литературные памятники» — «они не только знакомят читателя с зарождением первых русских революционных кружков», «но мастерски воссоздают и общий ход декабрьских событий и отдельные портреты, живые образы людей» [2]. Таким образом, записки декабристов являются в ряде случаев замечательными литературными — а не только историческими — памятниками.

Между тем вся эта отрасль потаенной когда-то декабристской прозы остается, в отличие от декабристской поэзии, мало изученной в историко-литературном смысле, хотя она, бесспорно, заслуживает такого изучения. Декабристы создали выдающуюся по своим идейным и художественным достоинствам мемуарную прозу, которая, бесспорно, представляет собой в целом значительное явление русской литературы. На фоне ее, в ряду памятников декабристской прозы, исторически закономерным становится появление «Записок» Пушкина, и вместе с тем выясняется не только судьба, но и содержание и литературный характер «Записок» великого поэта.

«Атмосфера тайных обществ, окружавшая некогда

---

[1] Архив декабриста С. Г. Волконского. Ред. С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского. Т. I, ч. 1-я, П., 1918, стр. XXXII

[2] «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов». Т. I, М., 1931, стр. 6.

его существование, — писал о Пушкине Анненков, — сообщила впоследствии его слову ту прямоту, смелость и откровенность, с какими он отвечал на всякий вопрос, откуда бы он ни исходил» [1]. Окружавшая поэта «атмосфера тайных обществ» была воссоздана в его сожженных «Записках». Дошедшие от этого разбитого и незавершенного пушкинского труда фрагменты и заготовки заставляют нас поставить вопрос о месте, которое занимала автобиографическая проза в творчестве Пушкина, подготовлявшего, хотя ему не суждено было возобновить и закончить этот труд, книгу, в которой он, так же как и в других своих произведениях, являлся основоположником новой русской литературы и прямым предшественником Герцена — создателя «Былого и дум».

Повести и романы занимают только один из пяти томов пушкинской прозы [2]. И называть, как часто делают, только эту часть пушкинской прозы художественной — неправильно.

В круг прозы Пушкина входит художественная история. «Историю Пугачева» Белинский ставил выше повестей и романов Пушкина, а незавершенную «Историю Петра», несмотря на то, что знал о ней только по слуху, проницательно характеризовал как задуманное поэтом «учено-художественное» произведение.

В круг прозы Пушкина входили его Автобиографические записки, включавшие в свой состав, как мы старались показать, портретную и художественно-политическую прозу.

В круг пушкинской прозы входит эпистолярная проза. И давно признано, что над многими из своих писем Пушкин работал, как над художественными произведениями.

В круг прозы Пушкина входит художественная

---

[1] П. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб, 1874, стр. 117—118.

[2] См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание Академии наук СССР, 1949.

публицистика, выдающимся образцом которой является его незавершенное «Путешествие из Москвы в Петербург», и его литературно-критическая проза. Художественный характер последней не случайно привлек к себе внимание современников поэта, «который, — как верно заметил И. Киреевский, — открыл средство в критике» «быть таким же необыкновенным, таким же поэтом, как в стихах» [1].

Повести и романы представляют собой ту часть пушкинской прозы, которая, в отличие от большей части остальной прозы Пушкина, могла увидеть свет при жизни поэта. Большая же часть пушкинской прозы в условиях николаевской России напечатана быть не могла.

Выяснению значения пушкинской прозы, взятой в целом, препятствует то, что важнейшие произведения исторической и автобиографической прозы поэта остались вынужденно незавершенными или дошли до нас только во фрагментах. Тем более необходимо собрать и изучить все, что дошло до нас от этой запретной прозы Пушкина. Исследования, объединенные в настоящей книге, представляют собой только начало работы, о необходимости которой мы говорим. Лишь когда задача эта будет выполнена, мы окажемся в состоянии увидеть и оценить во всем ее объеме великую работу Пушкина — создателя русской прозы.

---

[1] Письмо от 15 января 1830 г. И. В. Киреевский. Полное собрание сочинений, т. I, М., 1861, стр. 24.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. О новой части рукописного наследства Пушкина 3

ИСТОРИЯ ПЕТРА I

Неизученный труд 13
Замысел Пушкина 39
Пушкин в работе над историческими источниками . . . 58
Библиотека Пушкина 60
«Деяния Петра Великого» 98
В Государственном архиве 116
Пушкин в библиотеке Вольтера 131
По страницам «Истории Петра» 141

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

О сожженных «Записках» Пушкина 181
«Записки о коротком времени» 216
Уцелевшие отрывки 228
О мнимо-автобиографических набросках 263
О новых «Записках» Пушкина 271
Портреты современников 286

ИСТОРИЯ МОЕГО ВРЕМЕНИ. Неизученный замысел Пушкина 313

Заключение 334

ФЕЙНБЕРГ ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ РАБОТЫ ПУШКИНА

Редактор *Н. П. Ждановский*

Художник *Н. А. Седельников*

Худож. редактор *Е. И. Балашева*

Техн. редактор *С. И. Брусиловская*

Корректор *Л. И. Лапирово-Скобло*

Сдано в набор 16/VIII 1954 г. Подписано к печати 10/II 1955 г. А 00541. Бумага $84 \times 108/_{32}$. Печ. л. 21 $^{1}/_{4}$ (17,43). Уч.-изд. л. 16,22. Тираж 20 000. Цена 7 р. 50 к. Заказ № 1010

Издательство «Советский писатель» Москва, Б. Гнездниковский пер., д. 10.

Типография № 3 Управления культуры Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., д. 1/3